
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
(УНИВЕРСИТЕТ) МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В МГИМО ЖУРНАЛ Том 7. №3

Издательство
«МГИМО-Университет»
2021

Редакционная коллегия:

Главный редактор, Председатель редакционной коллегии – Иовенко Валерий Алексеевич,
д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Зам. главного редактора – отв. секретарь – Ивушкина Татьяна Александровна,
д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Зам. главного редактора – Евтеев Сергей Валентинович,
канд. филол. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО);

Smirnova Ludmila – PhD, prof. (Mount Saint Mary College, New York, USA);
Алексахин Алексей Николаевич – д-р филол.н., проф. (Россия, Москва, МГИМО);
Балдицын Павел Вячеславович – д-р филол.н., проф. (Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова);
Гладкова Елена Львовна – канд. филол. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО);
Голубкова Екатерина Евгеньевна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГЛУ);
Гуревич Татьяна Михайловна – д-р культурологии, к.филол.н., профессор (Россия, Москва, МГИМО);
Иванов Николай Викторович – д-р филол.н., проф. (Россия, Москва, МГИМО);
Кизима Марина Прокофьевна – д-р филол.н., проф. (Россия, Москва, МГИМО);
Лосева Наталья Владимировна – канд. филол. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО);
Набати Шахрам Сирус – к.филол.н., доцент (Исламская республика Иран, Решт, Гилянский университет);
Позднякова Елена Михайловна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);
Пономаренко Евгения Витальевна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);
Репенкова Мария Михайловна – д-р филол.н., доцент (Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова);
Храмченко Дмитрий Сергеевич – д-р филол.н., доцент, проф. (Россия, Москва, МГИМО).
Чеснокова Ольга Станиславовна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, РУДН);
Штанов Андрей Владимирович – канд. филол. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО);
Шубина Эльвира Леонидовна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);
Ястребова Елена Борисовна – канд. пед. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО).

Филологические науки в МГИМО: Журнал. Том 7. №3 / Гл. ред. В.А. Иовенко. – М.: МГИМО-Университет, 2021. – 126 с.

В журнале публикуются статьи российских и зарубежных ученых, педагогов, аспирантов и магистрантов.

Выходит ежеквартально.

Рубрики: лингвистика и межкультурная коммуникация; переводоведение; инновационные методики и компетентностный подход в преподавании иностранных языков; литературоведение и лингвокультурология.

В журнал принимаются статьи на 10 языках: русском, английском, немецком, французском, испанском, итальянском, китайском, японском, арабском, хинди.

Журнал включен в Перечень ВАК (с 6 июня 2017 г.) по специальностям «10.01.00 Литературоведение», «10.02.00. Языкознание»; EBSCO, РИНЦ (Российский индекс научного цитирования).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС 77-66596 от 21 июля 2016 г.

ISSN 2410-2423

Научное издание

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В МГИМО № Том 7. №3.

Главный редактор: В.А. Иовенко.

Выпускающий редактор: Ф.Р. Гафарова

Корректур: Т.А. Ивушкина

Компьютерная верстка и дизайн: Д.Е. Волков

Распространяется по подписке. Подписной индекс в каталоге АО «Агентство Роспечать» 80991.

Цена свободная.

Подписано в печать 29.09.2021 г. Формат 60х84^{1/8}. Бумага офсетная. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 15,75. Тираж 500 экз. Заказ 1019.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России: 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

© Московский государственный институт
международных отношений (университет)
МИД России, 2021
© Коллектив авторов, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Гаврилов А.Д. Экспрессивные восклицательные конструкции в позиции сетевого газетного заголовка (на материале русского, чувашского и английского языков)	5
Корецкая О.В. О некоторых политических эвфемизмах в эпоху постправды (на примере английского языка)	16
Малахова В.Л. Динамико-системные принципы синергетики в функциональной лингвистике	24
Меркурьева Н.Ю. Прагматический маркер I play в ранненовоанглийский период	34
Эстири М., Торкашванд Х. Семантические компоненты предлога «через» в сочетании с разными локумами и способы его выражения в персидском языке	43

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Дубовицкая М.А. Триада «концепт – образ – мотив» в англо-арабской литературе	53
Закурдаева Н.В. Фрактальность как основополагающий принцип организации стихотворений-«памятников»	65
Мухин С.В., Ефремова Д.А. Негативнооценочная лексика как средство критики русских реалий ХУ1 века в трактате Джайлса Флетчера «О Государстве Русском»	75
Райнхардт Р.О. «Мексиканский дивертимент» Иосифа Бродского: лингвокультурологический анализ	86
Тарасова М.В. Деонтология французской журналистики в современном политическом контексте	97
Grínina E., Románova G. El Espanol andino de Peru a traves de los cuentos populares: enfoque psicolinguocultural	106
Smirnova, I. Conceptos <i>pueblo</i> y <i>poder</i> en el discurso electoral ruso y español.	115

РЕЦЕНЗИИ

Чигашева М.А. Рецензия на «Немецко-русский словарь-справочник терминов зимних видов спорта»	121
---	-----

CONTENTS

LINGUISTICS AND INTERCULTURAL COMMUNICATION

Artem D. Gavrilov EXPRESSIVE EXCLAMATION CONSTRUCTIONS IN THE POSITION OF AN ONLINE NEWSPAPER HEADLINE (ON THE MATERIAL OF RUSSIAN, CHUVASH AND ENGLISH LANGUAGES)	5
Olga V. Koretskaya ON SOME POLITICAL EUPHEMISMS IN THE POST-TRUTH ERA (A CASE STUDY OF THE ENGLISH LANGUAGE)	16
Victoria L. Malakhova DYNAMIC-AND-SYSTEMIC PRINCIPLES OF SYNERGETICS IN FUNCTIONAL LINGUISTICS.	24
Natalia Yu. Merkurjeva PRAGMATIC MARKER <i>I PRAY</i> IN EARLY MODERN ENGLISH	34
M. Estiri, Kh. Torkashvand SEMANTIC COMPONENTS OF THE RUSSIAN PREPOSITION “ЧЕПЕЗ” IN COMBINATION WITH DIFFERENT LOCUMS AND ITS EXPRESSION IN THE PERSIAN LANGUAGE.	43

LITERATURE AND LINGUOCULTUROLOGY

Maria A. Dubovitskaya THE “CONCEPT – IMAGE – MOTIVE” TRIAD IN ARAB-AMERICAN FICTION LITERATURE	53
N.V. Zakurdaeva FRACTALITY AS A FUNDAMENTAL PRINCIPLE OF MONUMENT POEMS ORGANIZATION.	65
Sergey V. Mukhin, Daria A. Efremova PEJORATIVE LEXIS AS THE MEANS OF CRITICISM OF THE 16th CENTURY RUSSIAN REALIA IN THE TREATISE <i>OF THE RUSSE COMMON WEALTH</i> BY GILES FLETCHER	75
Roman O. Reinhardt “MEXICAN DIVERTIMENTO” BY JOSEPH BRODSKY: A CULTURE-THROUGH-LANGUAGE ANALYSIS.	86
M.V. Tarasova DEONTOLOGY OF FRENCH JOURNALISM IN CONTEMPORARY POLITICAL CONTEXT	97
Elena A. Grinina, Galina S. Romanova THE ANDEAN SPANISH OF PERU THROUGH FOLK TALES: PSYCHOLINGUOCULTURAL APPROACH	106
I. Smirnova CONCEPTS <i>PEOPLE</i> AND <i>POWER</i> IN RUSSIAN AND SPANISH ELECTORAL DISCOURSE.	115

REVIEW

Marina A. Chigasheva REVIEW OF “GERMAN-RUSSIAN REFERENCE DICTIONARY OF WINTER SPORTS TERMS”	121
---	-----

EXPRESSIVE EXCLAMATION CONSTRUCTIONS IN THE POSITION OF AN ONLINE NEWSPAPER HEADLINE (ON THE MATERIAL OF RUSSIAN, CHUVASH AND ENGLISH LANGUAGES)

Artem D. Gavrilov

I. Ulyanov Chuvash State University,
15, Moscow Prospect, Cheboksary, 428015, Russia

Abstract. *This article is aimed at identifying and comparing the syntactic models of expressive exclamation constructions in the headlines of the online versions of high-quality printed publications: the Vedomosti and the Izvestia (in Russian), the Khypar (in Chuvash), The Times and The Guardian (in English). The research material is online newspaper headlines published in the period from 2017 to 2021. The relevance of the work is explained by the fact that in the mass consumption of information on the Internet the title has the greatest potential for speech impact on the mass audience, realized by means of expressive syntax and punctuation. The expressive exclamation structure of the online newspaper headline enhances its expressiveness, translates the author's intentions, conveys the author's emotions, forms opinions and encourages readers to act, etc. Depending on the type of speech influence, the patterns of syntactic design of heading syntactic design in Russian, Chuvash and English are analyzed on the basis of speech influence (social, volitional, informational, explanatory, or emotional-evaluative). For instance, Russian headings of requests, orders and slogans are formed as an elliptical non-verbal construction, a sentence with a verb in the imperative mood and an appeal to a certain person, as well as a construction consisting of homogeneous predicates in the imperative mood. Chuvash headlines of requests, demands and slogans, and the titles that convey various emotions are represented by an exclamation construction with a verb in the imperative mood and a direct address, with a verb in the imperative mood and a negative particle, an indefinite personal sentence, elliptical and parcelled constructions. Expressive exclamation headings in English are based on two-part and segmented syntactic structures. These strategies for the design of expressive exclamation constructions in online newspaper headlines reflect the development of syntactic systems of the languages with different structures and make a certain contribution to the development of theoretical foundations of comparative media stylistics.*

Key Words: *comparative media stylistics, expressive syntax, expressive punctuation, exclamation construction, online newspaper headline*

For citation: Gavrilov A.D. (2021). Expressive Exclamation Constructions in the Position of an Online Newspaper Headline (on the Material of Russian, Chuvash and English Languages). *Philology at MGIMO*, 7(3), pp. 5–15. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-3-27-5-15>

ЭКСПРЕССИВНЫЕ ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ПОЗИЦИИ СЕТЕВОГО ГАЗЕТНОГО ЗАГОЛОВКА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, ЧУВАШСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

А.Д. Гаврилов

Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова,
428015, Россия, Чебоксары, Московский пр-т, 15

Аннотация. Настоящая статья посвящена выявлению и сопоставлению синтаксических моделей экспрессивных восклицательных конструкций, лежащих в основе заголовков сетевых версий качественных печатных изданий: «Ведомости» и «Известия» (на русском языке), «Хытар» (на чувашском языке), The Times и The Guardian (на английском языке). Материалом исследования выступила картотека собранных автором сетевых газетных заголовков за 2017-2021 гг. Актуальность работы объясняется тем, что в условиях массового потребления информации в сети Интернет заголовок имеет наибольший потенциал речевого воздействия на массовую аудиторию, который раскрывается с помощью средств экспрессивного синтаксиса и пунктуации. В позиции сетевого газетного заголовка экспрессивная восклицательная конструкция усиливает выразительность высказывания и позволяет реализовать различные авторские интенции: передавать эмоции, внушать разные мнения о событиях, побуждать к действию и т.д. В зависимости от вида речевого воздействия – социального, волеизъявительного, информационно-разъяснительного или эмоционально-оценочного – выявлены закономерности синтаксического оформления заголовков на русском, чувашском и английском языках. Так, русскоязычные заголовки-просьбы, заголовки-приказы и заголовки-лозунги сформулированы в виде эллиптической безглагольной конструкции, предложения с глаголом в повелительном наклонении и обращением к определённому лицу, а также в виде конструкции, состоящей из однородных сказуемых в повелительном наклонении. Чувашскоязычные заглавия-просьбы, заглавия-требования, заглавия-лозунги и заглавия, передающие различные эмоции, представлены восклицательной конструкцией с глаголом в повелительном наклонении и обращением, с глаголом в повелительном наклонении и отрицательной частицей, неопределённо-личным предложением, эллиптической и парцелированной конструкциями. В основе экспрессивных восклицательных заголовков на английском языке – двухчастные и сегментированные синтаксические структуры. Данные стратегии оформления экспрессивных восклицательных конструкций в сетевых газетных заголовках отражают развитие синтаксических систем разнотипных языков и вносят определённый вклад в развитие теоретических положений сопоставительной медиастилистики.

Ключевые слова: сопоставительная медиастилистика, экспрессивный синтаксис, экспрессивная пунктуация, восклицательная конструкция, сетевой газетный заголовок

Для цитирования: Гаврилов А.Д. (2021). Экспрессивные восклицательные конструкции в позиции сетевого газетного заголовка (на материале русского, чувашского и английского языков). *Филологические науки в МГИМО*. 7(3), С. 5–15. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-3-27-5-15>

Введение

В современных условиях приобщения общества к цифровым каналам информации вопросы изучения функционирования медиаречи в Интернете приобретают особое теоретическое и практическое значение. С одной стороны, они направлены на определение исключительно лингвистических феноменов сетевых произведений, а с другой – на уточнение текущего арсенала языковых средств журналистов, их речевых приёмов воздействия. Последнее необходимо как самим авторам для создания эффективных медиатекстов, так и массовой аудитории – для формирования критического восприятия информации в цифровой среде.

Для проведения лингвистического исследования средств массовой информации сегодня наиболее подходящим материалом является сетевой газетный заголовок. Занимая самую стилистически сильную позицию в тексте, он в контексте адаптации традиционных печатных изданий в интернет-пространстве продолжает сохранять высокую степень влияния на читателей.

В сетевой ленте новостей заголовок выступает гиперссылкой и единственным вербальным структурным элементом, способным убедить пользователя ознакомиться с озаглавливаемым материалом. Потенциал его речевого воздействия реализуется с помощью экспрессивности – специальных языковых средств, усиливающих выразительность любого высказывания. Благодаря им журналисты эксплицитно или имплицитно передают определённые эмоции и/или оценки своим читателям и формируют их отношение к разным событиям. Этот факт подчёркивает актуальность нашего исследования, указывает на важность комплексного анализа экспрессивных ресурсов языка сетевого газетного заголовка и объясняет широкий интерес лингвистов к этой проблеме [1]; [4]; [8]; [17].

Цель настоящей работы – выявить и сопоставить синтаксические модели экспрессивных восклицательных конструкций на русском, чувашском и английском языках, лежащие в основе заголовков сетевых версий качественных российских, чувашских и британских печатных изданий, в зависимости от вида их речевого воздействия. Предметом исследования являются особенности взаимосвязи авторских интенций и синтаксического построения экспрессивных восклицательных заголовков носителями разноструктурных языков.

Материал и методы исследования

Для сопоставительного анализа собрана картотека восклицательных заголовков статей сетевых версий качественных изданий за 2017-2021 гг.: «Известия» и «Ведомости» (на русском языке), «Хыпар» (на чувашском языке), The Guardian и The Times (на английском языке). Такой отбор материала был обусловлен тем, что качественная пресса отличается достоверностью передаваемой информации; аналитичностью, предполагающей многообразие мнений и оценок; ориентированностью на образованную аудиторию, избирательную в медиапотреблении; нормированностью и выразительностью языка, который привлекает внимание читателей и пробуждает их интерес к озаглавливаемому материалу.

В рамках господствующей в лингвистике антропологической парадигмы сегодня активно разрабатываются новые междисциплинарные методы исследования языка СМИ на стыке языкознания, медиалогии, когнитологии, социологии, теории коммуникации и т.д. Наша работа построена на основе методов сплошной выборки и классификации, контент-анализа, сопоставительного и описательно-аналитического методов. Языковой материал рассматривается в прагматилистическом аспекте.

Экспрессивные синтаксические средства как объект медиастилистики

Определение закономерностей использования языковых средств в текстах СМИ традиционно относится к проблемному полю функциональной стилистики. Начиная с 60-70-х годов XX века В.Г. Костомаров, А.В. Швец, Д.Э. Розенталь, Г.Я. Солганик и другие представители отечественной

стилистической школы разрабатывали положения газетно-публицистического стиля. Среди его характерных черт они отмечали выразительность языка газеты, в том числе связанную с влиянием разговорной речи на литературный, нормированный язык. Профессор В.Г. Костомаров объяснял это тем, что в основе стилистики газетных жанров лежит принцип чередования стандарта и экспрессии. Он писал: «экспрессивный эффект достигается текстовым сочленением, чередованием содержательно независимых друг от друга элементов разных стилистических и иных окрасок, например, вообще книжных, в пределах которых собственно и живёт газетный язык, и вообще разговорных» [13, с. 117-118].

На рубеже XX-XXI веков под влиянием глобализации, со сменой политических и социально-культурных ориентиров, с увеличением количества источников массовой информации проблема функционирования информационно-воздействующей речи перестала быть ограничена рамками традиционных СМИ. Издания перешли в Интернет и начали перенимать особенности языковой нормы, которая сложилась в сетевом коммуникационном пространстве. Как справедливо отмечает профессор Л.Р. Дускаева: «Текстообразование чутко реагирует на технологические изменения в СМИ: в этой сфере общения тексты создаются особым образом – речевая материя “отливается” в тех “формах”, которые для неё создают каналы коммуникации» [7, с. 23-24]. В связи с этим анализ стилистических приёмов журналистов потребовал многомерного, комплексного подхода, который сегодня сформировался в отдельное научное направление – медиастилистику.

Заметим, что взгляды современных лингвистов на сущность медиастилистики несколько разнятся. Группа учёных Санкт-Петербургского университета Л.Р. Дускаева, В.И. Коньков, Т.Ю. Редькина и др., опираясь на лингвопраксиологический метод, считает, что цель данной научной дисциплины – решение проблем стилистической вариативности медиаречи, анализ типов текстов, функционирующих в медиасреде. Изучение специфики отбора языковых средств как вербального инструментария воздействия журналистов здесь отводится другой области исследования – грамматике медиаречи.

В ином аспекте рассматривают медиастилистику исследователи Н.И. Клушина, С. Гайда и Б. Тошович. В своей одноимённой монографии профессор Н.И. Клушина пишет: «При попытке комплексного описания публицистического стиля в новых условиях – смены научной парадигмы (от системного подхода к антропоцентрическому) – нам пришлось отказаться от функционально-стилистического метода как метода описания упорядоченной системы языковых средств в определённой сфере коммуникации и создать новый, интенциональный метод» [12, с. 9]. Медийный поворот в лингвистике во многом обусловлен сменой медиакультур (с книжной на «экранную», информационно-медийную), при которой в центре внимания стилистов оказывается не язык как многоуровневая система, а речь как основа взаимодействия коммуникантов. Поэтому неудивительно, что интенциональный стилистический метод взял за основу классическую модель коммуникации, выделив отдельным звеном интенцию адресанта и определив ей ключевую роль в цепочке: «адресант – интенция – текст + коммуникативная ситуация – адресат – декодирование – воздействие (перлокутивный эффект / коммуникативная неудача)» [12, с. 11-12]. Он позволяет установить особенности использования определённых языковых средств в зависимости от авторской интенции, под которой исследователи понимают «когнитивно-коммуникативный феномен, включающий в себя осознание / прочтение автором внешнего мира и коммуникативное стремление (намерение) донести это прочтение (интерпретацию) другому» [12, с. 15]. Понятие «интенция» отчасти соотносится с типом медиадискурса и жанром медиатекстов. Так, новостному дискурсу и информационным жанрам присуща интенция информирования, а публицистическому дискурсу и аналитическим жанрам – интенция убеждения. Вторая, преследуя цели воздействия на адресата, реализуется на основе определённой речевой стратегии с помощью разноуровневых экспрессивных языковых средств.

Интенциональный метод тесно связан с теорией речевых актов и коммуникативно-прагматическим подходом. В нашей работе мы будем придерживаться данной интегрированной методологии, поскольку она позволяет проследить лежащую в основе сетевого газетного за-

головка закономерность между коммуникативной целью журналиста, его интенциями и определёнными речевыми действиями, направленными на достижение лингвопрагматического эффекта.

Говоря о коммуникативной ситуации в публицистическом медиадискурсе, лингвисты отмечают тот факт, что адресант зачастую «моделирует такие условия протекания коммуникации, которые способствуют сближению с адресатом» [11, с. 40]. Формулируя газетный заголовок для сетевой среды, журналист создаёт имитацию диалога с читателями. В результате сокращается дистанция между автором сообщения и его получателем. Исследователь А.В. Михалчева подчёркивает: «Субъект речи как представитель социальной группы эмоционально высказывает личностную позицию, что приводит к индивидуальному изложению ситуации, сквозь призму знаний и суждений субъекта речи. Благодаря этому речь становится “приближенной” к реципиенту, непринуждённой, тем самым усиливая воздействующую функцию публицистического стиля» [15, с. 69]. Речевая тактика, направленная на сближение с читателем, позволяет адресанту повысить лояльность аудитории и желаемым образом воздействовать на неё.

Ряд учёных сходится во мнении, что функция воздействия в газетно-публицистическом стиле реализуется и усиливается благодаря средствам экспрессивного синтаксиса. Профессор О.С. Иссерс утверждает, что «синтаксическая система языка предоставляет говорящему достаточно широкие возможности для выражения экспрессивных и семантических нюансов, актуальных для речевого воздействия» [9, с. 154]. Так, исследователь А.А. Кузнецова уточняет: «Синтаксические средства могут выделять тончайшие оттенки содержания, интенсифицировать выражение авторского отношения к излагаемому, подчёркивать те или иные стороны мысли» [14, с. 746]. В репертуар синтаксических средств создания экспрессивности входят как стилистические фигуры и тропы, так и отдельные конструкции: вопросительные, восклицательные, парцеллированные, эллиптические и др. Они помогают расставить смысловые акценты, выразить эмоции и отношение автора к сообщаемому и побудить аудиторию к определённым действиям.

Сопоставительный анализ экспрессивных восклицательных заголовков на русском, чувашском и английском языках

Ведущее положение в ряду экспрессивных синтаксических средств занимают восклицательные предложения, которые по своей природе «являются специализированными средствами выражения эмоциональной реакции и связанного с ней эмоционально-оценочного отношения говорящего как к отдельным фактам, событиям окружающей действительности и ситуации в целом» [18, с. 288]. В позиции сетевого газетного заголовка такие конструкции могут выступать риторическими восклицаниями. Особая интонация и использование восклицательного знака, являющегося эмотивным знаком препинания и указывающего в письменной речи на эмоциональные реакции пишущего [3, с. 10], как правило, обозначают собственно восклицание, призыв или обращение. По мнению исследователя синтаксических средств выразительности русских и французских газетных заголовков Т.М. Баженовой, цель восклицательных заголовков – «передать радость, раздражение, гнев или активное желание что-либо изменить, высказать рекомендацию» [2, с. 15]. Наряду с этим в современной русскоязычной сетевой прессе М.В. Калинина обнаружила обилие восклицательных заголовков, выражающих приказ, просьбу, неодобрение, предупреждение, наставление и радость [10, с. 259].

Проводя методом сплошной выборки мониторинг сетевых версий качественных изданий «Известия», «Ведомости», «Хыпар», The Guardian и The Times за 2017-2021 гг., мы обнаружили активное использование журналистами экспрессивных восклицательных конструкций в заголовках для реализации различных авторских интенций с определённой целью воздействия. Поскольку, как отмечает исследователь экспрессивного синтаксиса А.К. Гизатуллина, «специфика любого языка проявляется только в процессе сопоставительного анализа конкретных языковых фактов в пределах аналогичных категорий изучаемых языков» [5, с. 73], мы выявили и сопоставили в русском, чувашском и английском языках синтаксические модели экспрессивных восклицатель-

ных конструкций в зависимости от вида их речевого воздействия. При систематизации эмпирического материала мы опирались на классификацию речевого воздействия, предложенную Е.Г. Гришечко на основе трудов видных учёных-прагматиков Дж. Остина [16] и Т.В. Шмелевой [19]. Она выделяет социальное, волеизъявительное, информационно-разъяснительное и эмоционально-оценочное речевое воздействие [6, с. 56].

Экспрессивные восклицательные конструкции в позиции сетевого газетного заголовка усиливают речевое воздействие на аудиторию. В ходе исследования выяснилось, что для этого журналисты – носители разнотипных языков – используют определённые синтаксические модели.

1. Социальное речевое воздействие

К данному виду воздействия относятся «неинформационные речевые акты, предполагающие виртуального адресата, клишированные высказывания: приветствия, клятвы, молитвы» [6, с. 56]. За рассматриваемый нами период восклицательные предложения в заголовках с лексемами приветствия/прощания представлены на английском языке в начале синтаксической структуры, состоящей из двух предложений (восклицательного и повествовательного):

– *Hello, York! I'm going live from my garden shed* / Привет, Йорк! Я вещаю из своего садового сарая / (The Guardian, 27 июня 2020);

– *Goodbye puffer jacket! How to dress up after a year in leggings and loungewear* / Прощай, пуховик! Как одеваться после года в леггинсах и одежде для отдыха / (The Guardian, 28 марта 2021).

Такая двусоставная структура заголовка приобретает экспрессивный характер благодаря тому, что первая часть, интонационно и пунктуационно выраженная восклицанием, выделяет лексему, о которой пойдёт речь во второй части заголовка и, как следствие, в самом материале. Это позволяет сразу сосредоточить внимание читателя на главной мысли автора.

На русском языке мы обнаружили заголовок-пожелание, выраженный эллиптической безглагольной конструкцией:

– *Попутного ветра!* (Известия, 22 июня 2018).

Как правило, такие структуры используются в поздравительных текстах. Экспрессивная побудительность подчёркивается выбранным речевым оборотом и восклицательным знаком в конце предложения. Вынося их в заголовок, журналист интригует читателей и вызывает у них желание погрузиться в озаглавливаемый текст.

Восклицательные заголовки на чувашском языке, предполагающие социальное речевое воздействие, в исследуемом издании нам не встречались.

2. Волеизъявительное речевое воздействие

Это «речевые акты выполнения воли адресанта: приказы, просьбы, отказы, советы и т.д.» [6, с. 56].

В восклицательных заголовках речевая ситуация просьбы выражена синтаксической моделью, в основе которой – восклицательное предложение с глаголом в повелительном наклонении и обращением к определённому субъекту. Причём как на чувашском, так и русском языках:

– *Чăваш, хăв чĕлхĕне упр!* / Чуваш, сбереги свой язык! / (Хыпар, 30 августа 2017);

– *Мужчины, подвиньтесь!* (Известия, 23 июня 2018);

– *Полиция, откройте данные!* (Ведомости, 22 января 2019).

Наличие обращения придаёт сетевому газетному заголовку адресность и усиливает повеление и призыв. Как отмечает исследователь языка чувашской прессы Ю.Ф. Ефимов, обращения «вносят характер непринуждённого разговора с близкими и родными (хотя в качестве обращений выступают не только названия лиц, но и названия неодушевлённых предметов)» [20, с. 135]. Благодаря сжатой форме и экспрессивной конструкции такие заголовки выделяются в ленте новостей и вызывают эмоциональную реакцию при прочтении. В сетевых версиях англоязычных The Guardian и The Times за установленный период восклицательные заголовки-просьбы обнаружены не были.

Особое синтаксическое построение имеют экспрессивные восклицательные заголовки со значением приказа или требования. Заглавия такого типа на чувашском языке из нашей картотеки

представлены структурой восклицательного предложения с использованием глагола в повелительном наклонении и отрицательной частицы *ан*:

- *Налук тўлеме ан ман! / Не забывай платить налоги!* / (Хыпар, 16 октября 2019);
- *Мотоблокпа аслă сул çине ан тух! / Не выезжай на главную дорогу на мотоблоке* / (Хыпар, 10 сентября 2018);
- *«Уру-аллу ан пултăр – киле таврăн!» / «Хоть без рук и без ног – возвращайся домой!»* / (Хыпар, 11 сентября 2018);
- *«Эсё аннĕ нек ан пул!» / «Ты не будь, как мама!»* / (Хыпар, 16 января 2020).

Данные заголовки носят характер поучительного наказа, наставления. Журналисты используют их для привлечения внимания читателей как в прямом, так и переносном смыслах. Последние два примера иллюстрируют случаи вынесения в заголовок ключевой цитаты из материала и помещают её в кавычки. Таким образом журналист обозначает главную тему статьи и создаёт коммуникативный фон недосказанности, оставляет пространство для интерпретаций читателей, подтвердить или опровергнуть которые они могут перейдя по ссылке и прочитав текст. Этот речевой приём также позволяет эффективно реализовать авторскую интенцию воздействия на аудиторию.

Приказ в русскоязычном заголовке мы смогли проследить на следующем примере:

- *Иди и играй!* (Известия, 29 декабря 2018).

В статье под этим заголовком актриса Елена Руфанова рассказывает о режиссёре Игоре Владимирове и вспоминает сказанные им однажды слова, которые стали для неё символическим толчком в профессию. Приводя цитату и не используя кавычки, автор сделала заголовок менее предсказуемым для читателей. Визуальная и стилистическая выразительность создаются благодаря экспрессивной восклицательной конструкции, состоящей из однородных сказуемых в повелительном наклонении.

Заголовки с семантикой приказа на английском языке имеют двухчастную структуру: восклицательное и повествовательное предложение. Первое, выраженное глаголом в повелительном наклонении, обозначает тему журналистского материала в общем виде, а второе – в частном (уточняет детали):

- *Stone me! 17 ways with peaches and nectarines – from delicious compotes to a freekeh salad / Закидайте меня косточками! 17 рецептов с персиками и нектаринами – от вкусных компотов до салата фрикке* / (The Guardian, 29 июля 2020);
- *Hold the custard! 17 ways with rhubarb – from perfect muffins to pink gin / Держи заварной крем! 17 рецептов с ревенём – от идеальных маффинов до розового джина* / (The Guardian, 07 апреля 2021).

Кроме того, потенциалом волеизъявительного речевого воздействия обладает группа восклицательных заголовков-лозунгов:

- *Победа будет за нами!* (Известия, 09 мая 2018);
- *Взять власть у вирусологов!* (Ведомости, 22 января 2019);
- *Советсене хўтёлеме! / На защиту советов!* / (Хыпар, 13 июля 2018).

Подчёркнутую экспрессивность данным восклицательным заголовкам придаёт лозунг, являющийся прецедентным феноменом и узнаваемый аудиторией, и использование восклицательного знака.

3. Информационно-разъяснительное речевое воздействие

Представляет собой «речевые акты, несущие информацию и её толкование: объяснение, доклад, сообщение, признание» [6, с. 56]. В ходе исследования мы определили заголовки на чувашском и английском языках, которые можно отнести к данному типу речевого воздействия:

- *Василий Чапаев миф мар – чăнлăх! / Василий Чапаев не миф – это реальность!* / (Хыпар, 09 февраля 2018);
- *How to think positively: it helps! / Как мыслить позитивно: это помогает!* / (The Times, 26 января 2021);

– *Home school hell! Parents confess all / Ад домашнего обучения! Родители выкладывают всё начистоту* / (The Times, 26 января 2021).

Фразы «миф мар – чанлэх», “it helps”, “confess all” убеждают читателей в правдивости заголовочных высказываний и тем самым побуждают их ознакомиться с озаглавливаемыми материалами. Восклицательный знак здесь также задаёт побудительную интонацию и выступает средством эмоциональной прерывистости или завершённости речи. Если говорить о синтаксических моделях приведённых примеров, то их экспрессивность создаётся с помощью эллиптической, сегментированной и двухчастной структур соответственно. Ввиду того, что в нашем корпусе исследовательского материала практически нет восклицательных заголовков, предполагающих информационно-разъяснительное речевое воздействие, мы не можем однозначно судить о закономерностях построения такого рода заголовков на отдельно взятых языках.

4. Эмоционально-оценочное речевое воздействие

Это «речевые акты, устанавливающие общественные морально-правовые, межличностные субъективно-эмоциональные отношения: порицание, похвала, обвинение, оскорбление, угроза» [6, с. 56]. В качестве примеров экспрессивных восклицательных заголовков, в которых журналист передаёт читателям своё эмоциональное отношение к героям и событиям материала, выделим:

- *Отлично, Михаил!* (Известия, 06 марта 2019);
- *Мы любим вас, Пьер!* (Известия, 16 августа 2019).

Исследователь Ю.Ф. Ефимов определяет их как «группа предложений с обращением, включающим в себя оценочное значение и тем самым уже влияющим определённым образом на мнение читателей» [20, с. 135]. В изданиях на чувашском и английском языках за рассматриваемый период оценочные заголовки, выраженные восклицательным предложением с обращением, не установлены.

Следующую группу экспрессивных восклицательных конструкций в позиции сетевого газетного заголовка отличает речевая ситуация выражения и передачи эмоций, заражения ими читателей: радости, восторга, разочарования, сожаления, удивления и др. Рассмотрим примеры:

- *Чемпионат закончился, да здравствует чемпионат!* (Известия, 16 июля 2018);
- *Свершилось!* (Известия, 15 мая 2018);
- *Улалаççё! / Обманывают! /* (Хыпар, 31 января 2020);
- *Тырра туртсах илнё! / Хлеб отобрали! /* (Хыпар, 28 сентября 2018);
- *Пыл вёрлань... 440 банка! / Украл мёд... 440 банок! /* (Хыпар, 11 декабря 2018).

Эмоциональное отношение журналиста к поднимаемой в статье теме передают лексемы заголовка: «закончился», «да здравствует», «обманывают», «украли», «отобрали». Эмоциональность восприятия усиливают восклицательный знак и особое построение синтаксической структуры: по кольцевому композиционному типу, неопределённо-личное предложение, парцеллированная конструкция.

Замечены стратегии синтаксического оформления экспрессивных восклицательных заголовков на чувашском языке в виде эллиптической конструкции, ёмкой и броской по структуре:

- *Чăваш Енре – яппунсен станокё! / В Чувашии – японский станок! /* (Хыпар, 30 марта 2018);
- *Парне – гимн! / Подарок – гимн! /* (Хыпар, 12 марта 2020).

В целях эмоционально-оценочного речевого воздействия журналисты англоязычных качественных изданий формулируют заголовки посредством экспрессивной двухчастной структуры, состоящей из восклицательного и повествовательного предложений. Первая часть заголовка эмоционально предваряет ответ на главный вопрос, заключённый во второй части. Такой прагматический эффект достигается с помощью эмоционально-оценочных междометий, лексем и словосочетаний, выделенных пунктуационно восклицательным знаком:

– *Ouch! What to do if you need urgent dental care / Ай! Что делать, если вам нужна срочная стоматологическая помощь* / (The Times, 24 августа 2020);

– *Tower dressing! How the Chrysler building inspired 2020's first big fashion trend* / Башенный наряд! Как Крайслер-билдинг вдохновил первый модный тренд 2020 года / (The Guardian, 05 февраля 2020);

– *One is a muse! How Princess Anne changed fashion* / Одна муза! Как принцесса Анна изменила моду / (The Guardian, 19 февраля 2020).

Так, первая часть заголовка выполняет эмоционально-заражающую функцию, а вторая – информационную. Такое сочетание усиливает выразительность всего высказывания и делает его экспрессивным.

Выводы

Экспрессивная восклицательная конструкция выступает эффективным средством речевого воздействия в позиции сетевого газетного заголовка. Предпринятое исследование позволило проследить закономерности его построения на русском, чувашском и английском языках в зависимости от авторских интенций речевого воздействия.

В сетевых версиях изданий на русском языке «Ведомости» и «Известия» мы обнаружили экспрессивные восклицательные заголовки-пожелания, заголовки-просьбы, заголовки-приказы и заголовки-лозунги. Они сформулированы в виде эллиптической безглагольной конструкции, предложения с глаголом в повелительном наклонении и обращением к определённому лицу, а также в виде конструкции, состоящей из однородных сказуемых в повелительном наклонении. В чувашезычной «Хыпар» – заглавия-просьбы, заглавия-требования, заглавия-лозунги и заглавия, передающие различные эмоции. Они представлены восклицательной конструкцией с глаголом в повелительном наклонении и обращением, с глаголом в повелительном наклонении и отрицательной частицей, неопределённо-личным предложением, эллиптической и парцеллированной конструкциями. В основе экспрессивных восклицательных заголовков изданий на английском языке The Guardian и The Times – двухчастные и сегментированные синтаксические структуры. Данные стратегии оформления экспрессивных восклицательных конструкций в сетевых газетных заголовках отражают развитие синтаксических систем разнотипных языков и уточняют актуальные приёмы речевого воздействия в журналистских произведениях.

Результаты исследования вносят определённый вклад в развитие теоретических положений сопоставительной медиастилистики как нового направления сопоставительной лингвистики и заостряют внимание на важности декодирования современных медиатекстов в целях профилактики медиаграмотности массовой аудитории.

© Гаврилов А.Д., 2021

Список литературы

1. Багманова А.Р. Газетный заголовок как средство речевого воздействия // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 1. С. 119-121.
2. Баженова Т.М. Синтаксические средства выразительности русских и французских газетных заголовков / Т.М. Баженова, Е.А. Галинова // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. 2009. № 7. С. 14-18.
3. Будниченко Л.А. Смысловые функции пунктуационных графем в медийных текстах / Л.А. Будниченко. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2015. 204 с.
4. Гаврилов А.Д. Вопросительная конструкция как синтаксическое средство выражения экспрессивности в сетевом газетном заголовке (на материале русского, чувашского и английского языков) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2021. № 1(110). С. 18-27. DOI 10.37972/chgru.2021.110.1.003.
5. Гизатуллина А.К. Оценочность как одна из форм проявления экспрессивности: эмоционально-экспрессивные предложения в татарском и французском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 9-1(63). С. 73-75.
6. Гришечко Е.Г. Определение понятия речевого воздействия и виды этого воздействия // Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 4. С. 53-59.

7. Дускаева Л.Р. Грамматика речевых действий в медиалингвистике: монография / Л.Р. Дускаева, В.И. Коньков, Т.Ю. Редькина; под ред. Л.Р. Дускаевой. М.: ФЛИНТА, 2019. 152 с.
8. Зубова С.В. Экспрессивные синтаксические конструкции в современной газетной речи / С.В. Зубова, Т.Н. Казеко // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2014. № 6(33). С. 2.
9. Иссерс О.С. Речевое воздействие: учеб. пособие / О.С. Иссерс. 6-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2020. 240 с.
10. Калинина М.В. Пунктуационные приёмы выражения экспрессии (на материале современных сетевых заголовков) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 257-261. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-3-257-261>.
11. Караджев Б.И. Фактор адресанта и адресата в дискурсе СМИ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2014. № 3. С. 40-46.
12. Клушина Н.И. Медиастилистика: монография / Н.И. Клушина. М.: ФЛИНТА, 2018. 184 с. (Научные дискуссии).
13. Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе / В.Г. Костомаров. Москва, 1971. 267 с.
14. Кузнецова А.А. Экспрессивный синтаксис // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): Словарь-справочник. Электронное издание / Сибирский федеральный университет; Под редакцией А.П. Сковородникова. 2-е издание, переработанное и дополненное. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. С. 746.
15. Михалчева А.В. О некоторых направлениях изучения медиадискурса в современной отечественной лингвистике // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2020. Т. 26. № 3. С. 67-73. DOI 10.18287/2542-0445-2020-26-3-67-73.
16. Остин Д. Избранное // пер. с англ. Л.Б. Макеевой, В.П. Руднева. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. 329 с.
17. Переверзева И.В. Коммуникативно-прагматические функции экспрессивных синтаксических конструкций в текстах газетно-публицистического стиля // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 2. С. 630-633.
18. Пешкова А.Б. Экспрессивы как один из видов речевых актов, выражающихся восклицательными предложениями (на материале русских и английских текстов) // Образование и право. 2019. № 8. С. 287-292.
19. Шмелёва Т.В. Речевой жанр: возможность описания и использования в преподавании языка // Русистика. 1990. № 2. С. 20-32.
20. Ефимов Ю.Ф. Хаҗатри заголовксен синтаксис тытәмә («Коммунизм ялавлә» хаҗатән 1982-мәш сүлхи номерәм тәрәх) // Хаҗат-журнал чөлхи: уҗамләх, сәнарләх, витемләх. Шупашкар: [б. и.], 1983. С. 120-138.

References

1. Bagmanova, A.R. Gazetnyi zagolovok kak sredstvo rechevogo vozdeistviia [Newspaper headline as a means of speech influence] // *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 2013. № 1. S. 119-121.
2. Bazhenova, T.M. Sintaksicheskie sredstva vyrazitel'nosti russkikh i frantsuzskikh gazetnykh zagolovkov [Syntactic means of expressiveness of Russian and French newspaper headlines] / T.M. Bazhenova, E.A. Galinova // *Problemy romano-germanskoi filologii, pedagogiki i metodiki prepodavaniia inostrannykh iazykov*. 2009. № 7. S. 14-18.
3. Budnichenko, L.A. *Smyslovye funktsii punktuatsionnykh grafem v mediinykh tekstakh* [Semantic functions of punctuation graphemes in media texts] / L.A. Budnichenko. Cheboksary: Izd-vo Chuvash. un-ta, 2015. 204 s.
4. Gavrilov, A.D. Voprositel'naia konstruktsiia kak sintaksicheskoe sredstvo vyrazheniia ekspressivnosti v setevom gazetnom zagolovke (na materiale russkogo, chuvashskogo i angliiskogo iazykov) [Interrogative construction as a syntactic means of expressiveness in an online newspaper headline (on the material of the Russian, Chuvash and English languages)] // *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.Ia. Iakovleva*. 2021. № 1(110). S. 18-27. DOI 10.37972/chgpu.2021.110.1.003.
5. Gizatullina, A.K. Otsechnost' kak odna iz form proiavleniia ekspressivnosti: emotsional'no-ekspressivnye predlozheniia v tatarskom i frantsuzskom iazykakh [Evaluativeness as a form of expressiveness: emotional-expressive sentences in the Tatar and French languages] // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2016. № 9-1(63). S. 73-75.
6. Grisechko, E.G. Opredelenie poniatiia rechevogo vozdeistviia i vidy etogo vozdeistviia [Definition of the concept of speech impact and types of this impact] // *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 2008. № 4. S. 53-59.
7. Duskaeva, L.R. *Grammatika rechevykh deistvii v medialingvistike: monografiia* [Grammar of speech actions in media linguistics: monograph] / L.R. Duskaeva, V.I. Kon'kov, T.Iu. Red'kina; pod red. L.R. Duskaevoi. M.: FLINTA, 2019. 152 s.
8. Zubova, S.V. Ekspressivnye sintaksicheskie konstruktсии v sovremennoi gazetnoi rechi [Expressive syntactic constructions in modern newspaper speech] / S.V. Zubova, T.N. Kazeko // *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2014. № 6(33). S. 2.
9. Issers, O.S. *Rechevoe vozdeistvie: ucheb. posobie* [Speech impact: a training manual] / O.S. Issers. 6-e izd., ster. M.: FLINTA, 2020. 240 s.
10. Kalinina, M.V. Punktuatsionnye priemy vyrazheniia ekspressii (na materiale sovremennykh setevykh zagolovkov) [Punctuation techniques of conveying expressiveness (based on modern network headlines)] // *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaia seriia. Seriia: Filologiya. Zhurnalistika*. 2020. T. 20, vyp. 3. S. 257-261. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-3-257-261>.
11. Karadzhiev, B.I. Faktor adresanta i adresata v diskurse SMI [The addresser and addressee factor in media discourse] // *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriia: Voprosy obrazovaniia: iazyki i spetsial'nost'*. 2014. № 3. S. 40-46.
12. Klushina, N.I. *Mediastilistika: monografiia* [Media stylistics: a monograph] / N.I. Klushina. M.: FLINTA, 2018. 184 s. (Nauchnye diskussii).

13. Kostomarov, V.G. *Russkii iazyk na gazetnoi polose* [Russian language on the newspaper page] / V.G. Kostomarov. Moskva, 1971. 267 s.
14. Kuznetsova, A.A. *Ekspressivnyi sintaksis* [Expressive syntax] // *Effektivnoe rechevoe obshchenie (bazovye kompetentsii): Slovar'-spravochnik. Elektronnoe izdanie / Sibirskii federal'nyi universitet; Pod redaktsiei A.P. Skovorodnikova. 2-e izdanie, pererabotannoe i dopolnennoe.* Krasnoyarsk: Sibirskii federal'nyi universitet, 2014. S. 746.
15. Mikhacheva, A.V. O nekotorykh napravleniiakh izucheniia mediadiskursa v sovremennoi otechestvennoi lingvistike [On some directions of studying media discourse in modern Russian linguistics] // *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya.* 2020. T. 26. № 3. S. 67-73. DOI 10.18287/2542-0445-2020-26-3-67-73.
16. Austin, J. *Izbrannoe* [Selected works] // per. s angl. L.B. Makeevoi, V.P. Rudneva. M.: Ideia-Press, Dom intellektual'noi knigi, 1999. 329 s.
17. Pereverzeva, I.V. Kommunikativno-pragmatische funktsii ekspressivnykh sintaksicheskikh konstruktov v tekstakh gazeto-publitsisticheskogo stilia [Communicative and pragmatic functions of expressive syntactic constructions in texts of the newspaper-journalistic style] // *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki.* 2014. № 2. S. 630-633.
18. Peshkova, A.B. Ekspressivnyy kak odin iz vidov rechevykh aktov, vyrazhaiushchikhsia vosklitsatel'nymi predlozheniiami (na materiale russkikh i angliiskikh tekstov) [Expressives as a type of speech acts expressed in exclamation sentences (based on Russian and English texts)] // *Obrazovanie i pravo.* 2019. № 8. S. 287-292.
19. Shmeleva, T.V. Rechevoi zhanr: vozmozhnost' opisanii i ispol'zovaniia v prepodavanii iazyka [Speech genre: the ability to describe and use it in language teaching] // *Rusistika.* 1990. № 2. S. 20-32.
20. Efimov, Iu.F. Khaçatri zagolovokov sintaksis tytämë («Kommunizm yalavë» khaçatän 1982-mësh çulghi nomerësem täräkh) [Syntactic structure of newspaper headlines (based on the issues of the newspaper "Communism Yalavë" in 1982)] // *Khaçat-zhurnal chëlkhi: uçämläkh, sänarläkh, vitëmlëkh.* Shupashkar: [b. i.], 1983. S. 120-138.

Сведения об авторе:

Гаврилов Артем Дмитриевич – аспирант кафедры чувашской филологии и культуры Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова (Россия, Чебоксары). Сфера научных и профессиональных интересов: сопоставительная медиастистика, грамматика медиаречи, речевое воздействие, экспрессивный синтаксис, экспрессивная пунктуация. E-mail: artmaster28@rambler.ru

About the author:

Artem D. Gavrilov – Postgraduate Student of the Department of Chuvash Philology and Culture, I. Ulyanov Chuvash State University (Cheboksary, Russia). Spheres of research and professional interest: comparative media stylistics, grammar of media speech, speech impact, expressive syntax, expressive punctuation. E-mail: artmaster28@rambler.ru

* * *

ON SOME POLITICAL EUPHEMISMS IN THE POST-TRUTH ERA (A CASE STUDY OF THE ENGLISH LANGUAGE)

Olga V. Koretskaya

Lomonosov Moscow State University,
GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia

Abstract. *The paper focuses on the euphemisms “terminological inexactitude”, “to be economical with the truth” and “alternative facts” in English political discourse of the post-truth era. This period is characterised by certain linguistic means, and euphemisation plays an important role here. It is shown that in the post-truth era, where borders between truth and lies are blurred, these euphemisms synonymous with the nouns “lie” are of particular relevance in political communication. The euphemism “terminological inexactitude” still serves as a metaphor of lying originally determined by speech etiquette and historical traditions, which is the case, for example, during the debates in the British parliament, where there is an official list of taboo words and expressions referred to as unparliamentary language. However, the other two euphemisms partly change their functionality. In the post-truth world, the expressions “economical with the truth” and “alternative facts” are used by the speaker to deliberately distort reality and conceal the truth rather than to follow the rules of politically correct speech.*

Key Words: *euphemism, political discourse, political correctness, speech etiquette, category of politeness, agonistic strategy, post-truth*

For citation: Olga V. Koretskaya (2021). On Some Political Euphemisms in the Post-Truth Era (a Case Study of the English Language). *Philology at MGIMO*, 7(3), pp. 16–23. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-3-27-16-23>

О НЕКОТОРЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭВФЕМИЗМАХ В ЭПОХУ ПОСТПРАВДЫ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

О.В. Корецкая

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1

Аннотация. В статье рассматриваются эвфемизмы “*terminological inexactitude*”, “*to be economical with the truth*” и “*alternative facts*” в современном англоязычном политическом дискурсе, который сформировался в эпоху постправды. Этот период характеризуется определёнными языковыми средствами, и эвфемизация играет здесь не последнюю роль. Показывается, что в эпоху постправды, когда стираются границы между правдой и вымыслом, данные эвфемизмы как синонимы существительного «ложь» получают особую актуальность в процессе политической коммуникации. Так, эвфемизм “*terminological inexactitude*” до сих пор служит для выражения в политкорректной форме любой недостоверной информации, что изначально обусловлено речевым этикетом и историческими традициями, как, например, во время дебатов в британском парламенте, где существует официальный список запрещённых слов и выражений, относящихся к непарламентскому языку. Однако другие два эвфемизма отчасти меняют свою функциональную направленность. В мире постправды выражения “*economical with the truth*” и “*alternative facts*” в большей степени стали использоваться говорящими не ради соблюдения правил языковой политкорректности, а для намеренного искажения действительности и сокрытия истины.

Ключевые слова: эвфемизм, политический дискурс, политическая корректность, речевой этикет, категория вежливости, агональная стратегия, постправда

Для цитирования: Корецкая О.В. (2021). О некоторых политических эвфемизмах в эпоху постправды (на примере английского языка). *Филологические науки в МГИМО*. 7(3), С. 16–23. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-3-27-16-23>

Современная политическая коммуникация представляет собой многогранное дискурсивное явление, которое формируется целым рядом экспрессивно-оценочных языковых средств. Одним из таких средств становится эвфемизация, получившая широкое распространение в англоязычной культуре как один из принципиально важных способов выражения политической корректности. Отмечается, что эвфемизмы «превращаются в своего рода этикетные формулы, игнорирование которых в современном англоязычном социуме равносильно грубости» [3, с. 38]. Эвфемизмы также играют большую роль в теории межкультурной коммуникации, где для достижения взаимопонимания участники беседы должны следовать определённым правилам речевого этикета, формирующим категорию вежливости [3].

Что касается политических эвфемизмов, то они не только представляют в более смягчённой форме реалии современного мира, но и используются для того, чтобы скрывать факты и манипулировать общественным сознанием, что, безусловно, играет существенную роль в политическом и медиадискурсе эпохи постправды (*post-truth era*) [6, с. 25]. Оценивая эпоху постправды, можно согласиться с мнением некоторых исследователей, считающих, что каждой государственной машине присущи лживость и обман «ввиду неблагоприятной деятельности, осуществляемой государством любой политической системы в отношении своих граждан или другого государства» [2, с. 74].

В 2004 году вышла книга “*The Post-Truth Era: Dishonesty and Deception in Contemporary Life*” («Эпоха постправды: нечестность и обман в современной жизни») американского писателя Ральфа Кейеса, где эпоха постправды определяется как размытие границ между правдой и ложью, честностью и нечестностью, фактами или вымыслом [7]. Исходя из такого определения, постправда, представляя собой утверждения, которые нельзя одновременно назвать ни правдивыми, ни ложными, сама по себе становится своего рода эвфемистическим концептом, определяющим глобальную политическую обстановку в период информационной войны. Так, возникает словосочетание *post-truth politics* «политика постправды», впервые появившееся в 2010 году в статье блогера Дэвида Роберста “*Post-Truth Politics*” и получившее широкое распространение в СМИ во

время избирательной кампании Дональда Трампа, а также Брексита, в ходе которых не раз происходило существенное пренебрежение фактами или их искажение [8].

Несмотря на то, что само слово *post-truth* возникает лишь в начале XXI века и даже, согласно Оксфордскому словарю, становится в 2016 году словом года, «постправда» далеко не новое понятие. По мнению американского философа и социолога Стива Фуллера, оно восходит ещё к Платону и его диалогу «Государство» [9]. В соответствии с Платоном, с одной стороны, есть небольшое количество тех людей, которые контролируют условия, определяющие истину и вымысел, и, с другой стороны, есть все остальные, кто просто воспринимают полученную информацию. Таким образом, власть основана на том, что знают одни и не знают другие (или то, что от них тщательно скрывается), и это порождает дихотомию «правда-ложь», которая не теряет актуальности и по сей день.

С точки зрения постправды, ложь необходимо «завуалировать», что приводит к тому, что в современном англоязычном политическом и медиадискурсе эвфемизмы всё чаще выступают метафорами лжи. Как следствие, например, глагол *deceive* «обманывать» в целом ряде случаев заменяется менее категоричным *spin* «представить под другим углом (информацию), манипулировать (фактами)». При этом, во избежание использования существительного *lie* «ложь» и *liar* «лжец», возникают такие термины-эвфемизмы, как *political spin* «политическая манипуляция» и *spin doctor* «мастер пиар-манипуляций». Примечательно, что в политкорректном языке слово *liar* определяется весьма расплывчато: это человек, испытывающий сложности в этическом плане (“a liar is ethically challenged”) [7].

В свете вышесказанного интересно обратить внимание на такие известные политические эвфемизмы, как *terminological inexactitude* «терминологическая неточность», *to be economical with the truth* «не говорить всю правду/частично скрывать правду» и *alternative facts* «альтернативные факты». Все они образуют единое семантическое поле и, по сути, встают в один синонимический ряд с существительными *lie*, *untruth* и *post-truth*.

Обратимся к эвфемизму *terminological inexactitude*. В толковых словарях английского языка данное выражение определяется через его ближайшие синонимы *lie* и *falsehood* «обман, ложное утверждение». Здесь интересно отметить, что в последнее время данный эвфемизм приобрёл юмористический оттенок. Так, в онлайн-словаре слов и фраз англоязычного сленга Urban Dictionary отмечается, что большинство слухов можно считать терминологической неточностью (“most rumors can be considered terminological inexactitudes”). В подтверждение приводится следующий пример, демонстрирующий использование этого эвфемизма в юмористическом контексте: “The rumor that I had been killed in a rampage during Black Friday was a terminological inexactitude” («Слух о том, что меня убили во время массового помешательства в чёрную пятницу, был терминологической неточностью»).

Однако, несмотря на возможное употребление словосочетания *terminological inexactitude* в неформальном стиле речи, изначально оно возникло именно в политическом дискурсе ещё в самом начале XX века. Впервые этот эвфемизм прозвучал в 1906 году в Палате общин в речи Уинстона Черчилля как синоним существительного *lie*. Будучи в то время заместителем министра по делам колоний, Черчилль намеренно прибегнул к терминологической неточности как эвфемизму, характеризуя положение китайских рабочих в Трансваале, которое трактовалось некоторыми как рабство:

“The conditions of the Transvaal ordinance ... cannot in the opinion of His Majesty’s Government be classified as slavery; at least, that word in its full sense could not be applied without a risk of *terminological inexactitude*.”¹

Слово *slavery*, по мнению Черчилля, нельзя использовать в данном контексте без искажения смысла высказывания, и поэтому оно является терминологически неточным. Иными словами, рабство в Трансваале – ложная информация, не подлежащая обсуждению в Палате общин.

¹ <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1906/feb/22/kings-speech-motion-for-an-address> (Дата обращения: 1.07.2021).

Здесь важно отметить, что «вербальный аспект парламентского дискурса является неотъемлемым компонентом британской политической культуры» [5, с. 396]. В связи с этим в британском парламенте существуют строгие правила речевого этикета, согласно которым целый ряд слов, включая существительное *lie* и его производные, считается недопустимым в процессе коммуникации. Такой язык называется «непарламентским» (*unparliamentary language*) [1]. Ещё в 1844 году клерк Палаты общин Эрскин Мэй опубликовал свод правил проведения парламентских процедур “*Treatise on the Law, Privileges, Proceedings and Usage of Parliament*” (впоследствии получивший упрощённое название “*Erskine May*” по имени создателя). В соответствии с этим сводом правил, дебаты в нижней палате британского парламента строго контролируются спикером, который требует от выступающих парламентариев воздерживаться от «непарламентских» выражений. При этом, если табуированная лексика всё же прозвучала, несмотря на запрет, спикер просит незамедлительно «изъять» неполиткорректное слово. В этом кроется одна из причин, почему в британском политическом дискурсе возник такой эвфемизм, как *terminological inexactitude*, а также другие формы речевого этикета. Очевидно, что в этом случае данный эвфемизм выполняет свою основную функцию – делать язык политкорректным в рамках категории вежливости.

Среди недавних примеров использования эвфемизма *terminological inexactitude* как политкорректного выражения выделяется высказывание члена парламента от Консервативной партии Джейкоба Рис-Могга в дебатах 2018 года. Как сторонник Брексита он был обвинён лидером оппозиции Джереми Корбином в том, что, якобы, переместил принадлежавший ему хедж-фонд в Еврозону. Избегая напрямую назвать Корбина лжецом, Рис-Могг в своём ответе прибегает к таким эвфемистическим выражениям, как *false in all respects* («неверно во всех отношениях»), а *peddler of false news* («распространитель ложной информации») и *guilty of terminological inexactitude* («виновный в терминологической неточности»), с помощью которых он иронически отрицает предъявленные ему обвинения:

“What the right hon. Gentleman said was false in all respects. My company does not actually run any hedge funds, so to have moved a hedge fund out of this country would have shown a remarkable acrobatic nature within the business; we have not in fact done so. I wondered whether he might like to take this opportunity, as he is still in the Chamber, to set the record straight, rather than otherwise *be a peddler of false news or perhaps guilty of terminological inexactitude*.”²

С другой стороны, нельзя не упомянуть то, что общепринятой практикой в британском парламенте является так называемая агональная стратегия, а именно речевая агрессия по отношению к политическим противникам [4]. Так, когда в 2016 году член парламента от лейбористов Денис Скиннер, получивший прозвище “The Beast of Bolsover” за свои агрессивные выпады и оскорбительные замечания и не раз удалённый из зала заседаний Палаты общин за использование непарламентских выражений, назвал премьер-министра Дэвида Кэмерона *dodgy Dave* «изворотливый Дейв», спикер немедленно потребовал исключить данное прилагательное из комментария, поскольку оно несёт ярко выраженную негативную оценку и, являясь семантически родственным *lie*, недопустимо в парламентском лексиконе:

“I invite the hon. Gentleman to withdraw that adjective that he used a moment ago. He’s perfectly capable of asking his question without using that word. It’s up to him but if he doesn’t wish to withdraw it, I can’t reasonably ask the Prime Minister to answer the question. What he has to do is withdraw that word and think of another. I think he knows *the word beginning with “d” and ending with “y”* is inappropriately used.”³

Примечательно, что, поскольку прилагательное *dodgy* можно отнести к табуированным выражениям, спикер не произносит его полностью, а использует только первую и последнюю буквы данного слова. Такой приём также можно отнести к эвфемизации, который довольно широко распространён в речи в целом, особенно в тех её областях, которые подвергаются цензуре.

² <https://hansard.parliament.uk/Commons/2018-06-27/debates/7F415903-12D3-42F0-8D0B-01918B5F1CFC/PointsOfOrder?highlight=hedge%20fund#contribution-2264D1C7-1316-4F01-B520-DB47E1A5B556> (Дата обращения: 1.07.2021).

³ <https://hansard.parliament.uk/commons/2016-04-11/debates/1604111000001/PanamaPapers> (Дата обращения: 1.07.2021).

Агональная стратегия также наблюдается в дебатах и в парламенте Новой Зеландии, относящемся к Вестминстерской системе и поэтому действующем подобно британскому. Так, в 2014 году член парламента Аннет Кинг «нападает» на министра юстиции Джудит Коллинз:

“So when she is questioned as a Minister about her conflict of interest – not a potential one but a real conflict of interest – involving a business, her husband, fees paid, promotion for more business to help the family coffers, financial gain, and Cabinet rules, what does she do? First of all, she says “I’ve done nothing wrong.” She claims that others are using *terminological inexactitudes*, and then she says others are using *malicious fabrications*. She was *economical with the truth* and she has been caught out.”

Здесь мы видим, что выражение *terminological inexactitude* использовано не столько как средство речевого этикета, сколько как намеренный стилистический приём политической агрессии. Посредством синонимической конденсации из трёх коллокаций *terminological inexactitude* «терминологическая неточность», *malicious fabrications* «злонамеренная фальсификация», *economical with the truth* «не договаривать правду», выражающих единый концепт *lie*, речь выступающего становится обвинительной и приобретает ярко выраженный эмоциональный характер.

Что касается вышеупомянутого политического эвфемизма *to be economical with the truth*, он зафиксирован как идиома в английских толковых словарях, означающая, что говорящий избегает напрямую приводить факты или же открыто лжёт (“avoiding stating the true facts about a situation, or lying about it”). Так, например, в словаре COBUILD Idioms приводится следующий пример, где данная идиома является синонимом глагола *deceive* «обманывать»: “She asked repeated questions but only received answers which were at best *economical with the truth*, at worst deliberately designed to *deceive*” («Она неоднократно переспрашивала, но получала ответы, в которых в лучшем случае была лишь доля правды, а в худшем – намеренный обман»).

Предположительно, эвфемизм *economical with the truth* заимствован из цитаты англо-ирландского политического деятеля, экономиста и философа XVIII века Эдмунда Берка, которая содержала выражение *economy of truth*: “Falsehood and delusion are allowed in no case whatsoever: But, as in the exercise of all the virtues, there is an *economy of truth*” («Ложь и заблуждение недопустимы ни в коем случае: но, как и в проявлении всех добродетелей, существует «экономия правды»») [10]. Считается, что в современный английский язык этот эвфемизм вошёл благодаря секретарю кабинета министров Великобритании Роберту Армстронгу, использовавшему данную фразу во время судебного разбирательства 1986 года в отношении книги “Spycatcher: The Candid Autobiography of a Senior Intelligence Officer” («Ловец шпионов: откровенная автобиография старшего офицера разведки») бывшего офицера MI5 Питера Райта о британской разведке. Ниже следует выдержка из диалога между адвокатом и Армстронгом:

“Lawyer: What is the difference between a *misleading impression* and a *lie*?

Armstrong: A *lie* is a *straight untruth*.

Lawyer: What is a *misleading impression* – a sort of *bent untruth*?

Armstrong: As one person said, it is perhaps being ‘*economical with the truth*’.⁵

Диалог представляет собой игру слов, в котором помимо существительного *lie* и выражения *economical with the truth* приводятся такие синонимы, как *straight untruth* «явная неправда», *bent untruth* «недостовверная информация» и *misleading impression* «обманчивое впечатление». И если выражения с существительными *lie* и *untruth* напрямую выражают точку зрения говорящего, то *misleading impression* и *economical with the truth* – яркие примеры эвфемизмов, представляющих ложь в завуалированной форме.

В британском парламенте эвфемизм *economical with the truth* вновь используется как средство агональной стратегии. В примере ниже обыгрывается существительное *liar*, намеренно использованное по отношению к премьер-министру, которое по требованию спикера заменяется словосо-

⁴ https://www.parliament.nz/en/pb/hansard-debates/rhr/document/50HansD_20140319/volume-697-week-68-wednesday-19-march-2014 (Дата обращения: 1.07.2021).

⁵ <https://www.phrases.org.uk/meanings/127700.html> (Дата обращения: 1.07.2021).

четанием *economical with the truth*. При этом антонимами существительного *liar* и словосочетания *economical with the truth* выступает выражение *decent, honourable man* «порядочный, честный человек», что в данном случае создаёт комический подтекст:⁶

“Mr. Tony Banks: What does the average taxi driver say about the Prime Minister ? Will the hon. Gentleman be *honest*?

Mr. Amess: The average taxi driver at least knows that we have a Prime Minister who is a *decent, honourable man*.

Ms Mowlam: No, he is a *liar*.

Mr. Amess: – who is prepared to tell this country and the House what are his policies.

Mr. Deputy Speaker: Order. I should be grateful if the hon. Lady would withdraw her sedentary remark.

Ms Mowlam: I apologise for calling the Prime Minister a liar, which is totally unacceptable in parliamentary terms. He may be *economical with the truth* occasionally, but clearly he is not a *liar*.

Mr. Banks: But that is what the average taxi driver thinks.”

Также примечателен следующий пример из заседания в Палате лордов британского парламента:

“The committee points out that the European Commission and the European Council are not always good practitioners of open *government*. *Secrecy* – and perhaps I would say this as a former official at the Commission – is worst in the Council where, in the committee’s words, a “*low level of transparency*” prevails. That phrase surely ranks in the lexicon of euphemisms, along with ‘*economical with the truth*’.”⁷

Здесь помимо выражения *economical with the truth* также используется существительное *secrecy* «секретность» и словосочетание *low level of transparency* «низкий уровень прозрачности», которые, по мнению выступающего, говорят не в пользу открытости Еврокомиссии и Евросовета. При этом подчёркивается, что выражение *low level of transparency* имеет все основания, чтобы пополнить словарь эвфемизмов наряду с *economical with the truth*.

Анализируя последний эвфемизм *alternative facts*, можно сказать, что он наиболее полно отражает дух эпохи постправды. В словаре Dictionary.com в определении *alternative facts* приводятся такие слова и фразы, как «ложная информация, неправда, заблуждение» (“*Alternative facts have been called many things: falsehoods, untruths, delusion*”). Таким образом, когда речь идёт об альтернативных фактах, имеется в виду нечто противоположное реальности или истинности, то есть обман, который становится ключевой чертой периода постправды.

Впервые эвфемизм *alternative facts* как синоним существительного *falsehood* «ложная информация» использовала советник Дональда Трампа Келлиан Конуэй, пытаясь объяснить неточные данные пресс-секретаря Белого дома о том, что на церемонии инаугурации Трампа 20 января 2017 года присутствовало самое большое количество людей за всю историю инаугураций президентов США:

“You’re saying it’s a *falsehood*. And they’re giving Sean Spicer, our press secretary, gave *alternative facts* to that. But the point remains...”⁸

Характеризуя альтернативные факты в интервью The New York Magazine, Келлиан Конуэй настаивает на том, что они не должны интерпретироваться как обман, а являются лишь одним из возможных способов представления действительности: “Two plus two is four. Three plus one is four. Partly cloudy, partly sunny. Glass half full, glass half empty. Those are alternative facts” («Дважды два четыре. Три плюс один четыре. Частично облачно, частично солнечно. Стакан наполовину полный, стакан наполовину пустой. Это альтернативные факты»).

Поскольку Дональд Трамп с первых дней участия в президентской кампании привлёк к себе пристальное внимание СМИ, неудивительно, что фраза *alternative facts* быстро разлетелась по

⁶ <https://publications.parliament.uk/pa/cm199394/cmhansrd/1994-06-24/Debate-4.html> (Дата обращения: 1.07.2021).

⁷ <https://api.parliament.uk/historic-hansard/lords/1997/nov/11/community-environmental-law-ecc-report> (Дата обращения: 1.07.2021).

⁸ <https://www.google.com/amp/s/www.washingtonpost.com/news/the-fix/wp/2017/01/22/how-kellyanne-conway-ushered-in-the-era-of-alternative-facts/%3foutputType=amp> (Дата обращения: 1.07.2021).

⁹ <https://nymag.com/intelligencer/2017/03/kellyanne-conway-trumps-first-lady.html> (Дата обращения: 1.07.2021).

всему миру и стала метафорой в политическом и медиадискурсе. Как стилистическое средство эмоционального воздействия на читателя она часто встречается в заголовках названий наряду с синонимами *misinformation*, *fake news*, *deception*, получившими особую популярность в эпоху постправды:

“Ten alternative facts for the post truth world” («Десять альтернативных фактов для мира постправды»);¹⁰

“Alternative Facts, Misinformation, and Fake News” («Альтернативные факты, дезинформация и фейковые новости»);¹¹

“Deceptions in the time of the ‘alternative facts’ president” («Обман во времена президента, выдвигающего «альтернативные факты»»);¹²

В качестве заключения приведём частотность употребления проанализированных в статье эвфемизмов из корпуса современного английского языка NOW Corpus (News on the Web), содержащего на настоящий момент данные по 12.9 миллиардам слов на основе интернет-версий газет и журналов с 2010 года. Так, на первом месте стоит выражение *alternative facts* (4788 примеров). Далее следует эвфемизм *to be economical with the truth* (1328 примеров). Список замыкает выражение *terminological inexactitude* (39 примеров). Большая популярность эвфемизма *alternative facts*, безусловно, связана с президентством Дональда Трампа, одной из ключевых фигур эпохи постправды, и свидетельствует о том, что роль личности в политике определяется не только её влиянием на массовое сознание, но и на формирование связанной с ней определённой языковой картины. Этим объясняется гораздо меньшая частотность употребления эвфемизма *economical with the truth*, несмотря на то, что он входит в состав английских толковых словарей. Что касается выражения *terminological inexactitude*, оно довольно редко используется за пределами парламентского дискурса и в большей степени, чем два другие эвфемизма, является маркером категории вежливости в рамках устоявшихся правил речевого этикета.

Таким образом, в политическом дискурсе, как и в медиадискурсе, процесс эвфемизации в английском языке представляет собой динамический языковой процесс. На появление и дальнейшее использование эвфемизмов в значительной степени влияют не только правила речевого этикета, политическая корректность и исторические традиции, как, например, в британском парламенте, но и общая мировая обстановка. В эпоху постправды на фоне информационных войн и фейковых новостей реальность представляется в искажённом виде, происходит манипуляция фактами, а эвфемизмы всё чаще употребляются как метафоры лжи и обмана.

© Корецкая О.В., 2021

Список литературы

1. Головина Н. М. Парламентские «непарламентские выражения»: речевая агрессия как риторическая стратегия в парламентском дискурсе // Вопросы психолингвистики / Н.М. Головина. 2019. №3 (41). С. 200-215. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/parlamentskie-neparlamentskie-vyrazheniya-rechevaya-agressiya-kak-ritoricheskaya-strategiya-v-parlamentskom-diskurse> (Дата обращения: 1.07.2021).
2. Ковшова М.Л. Семантика и прагматика эвфемизмов. Краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов / М.Л. Ковшова. М., 2007. 320 с.
3. Рубина Н. Б. «Эвфемизм» и «Политическая корректность» в современном английском языке // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика / Н.Б. Рубина. 2011. №4. С. 35-41. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evfemizmi-politicheskaya-korrektnost-v-sovremennom-angliyskom-yazyke> (Дата обращения: 1.07.2021).
4. Минаева Л.В. Агональная стратегия в парламентских дебатах // Пространства коммуникации: язык, литература, медиа / Л.В. Минаева. 2018. С. 523-530.

¹⁰ <https://www.google.com/amp/s/amp.theguardian.com/books/2017/may/12/post-truth-worst-of-best-donald-trump-sean-spicer-kellyanne-conway> (Дата обращения: 1.07.2021).

¹¹ https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-030-00813-0_4 (Дата обращения: 1.07.2021).

¹² <https://apnews.com/article/donald-trump-capitol-siege-politics-coronavirus-pandemic-elections-69cafecdde291c5211daf9ff0f2ad05> (Дата обращения: 1.07.2021).

5. Минаева Л.В. Британский парламентский дискурс как культурный феномен // Преподаватель XXI век / Л.В. Минаева. 2015. №3. С.396-404. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/britanskiy-parlamentskiy-diskurs-kak-kulturnyy-fenomen> (Дата обращения: 25.06.2021).
6. Морозов М.А. Политические эвфемизмы как средство манипулирования в современной публицистике // МИРС / М.А. Морозов. 2015. №1. С.24-29. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-evfemizmy-kak-sredstvo-manipulirovaniya-v-sovremennoy-publitsistike> (Дата обращения: 1.07.2021).
7. Keyes R. The Post-Truth Era: Dishonesty and Deception in Contemporary Life / R. Keyes. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ralphkeyes.com/the-post-truth-era> (Дата обращения: 1.07.2021).
8. Roberts D. Post-truth politics / D. Roberts. [Электронный ресурс]. URL: <http://grist.org/article/2010-03-30-post-truth-politics> (Дата обращения: 1.07.2021).
9. Serious Science. Post-Truth. [Электронный ресурс]. URL: <http://serious-science.org/post-truth-8875> (Дата обращения: 1.07.2021).
10. The Phrase Finder. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.phrases.org.uk/meanings/127700.html> (Дата обращения: 1.07.2021).

References

1. Golovina, N.M. *Parlamentskie «neparlamentskie vyrazheniia»: rechevaia agressiia kak ritoricheskaia strategiiia v parlamentskom diskurse* [Parliamentary “nonparliamentary language”: verbal aggressiveness as a rhetoric strategy in the parliamentary discourse] / N.M. Golovina. // *Voprosy psikholingvistiki*. 2019. №3 (41). Pp. 200-215, cyberleninka.ru/article/n/parlamentskie-neparlamentskie-vyrazheniya-recheyaya-agressiya-kak-ritoricheskaya-strategiya-v-parlamentskom-diskurse (Accessed 1 June 2021).
2. Kovshova, M.L. *Semantika i pragmatika evfemizmov. Kratkii tematicheskii slovar' sovremennykh russkikh evfemizmov* / M.L. Kovshova. [Semantics and pragmatics of euphemisms. A concise dictionary of Russian euphemisms]. M., 2007. 320 p.
3. Rubina, N. B. “*Evfemizm*” i “*Politicheskaiia korrektnost*” v *sovremenno angliiskom iazyke* [Euphemism and political correctness in contemporary English] / N.B. Rubina // *Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika*. 2011. №4. Pp. 35-41, cyberleninka.ru/article/n/evfemizm-i-politicheskaya-korrektnost-v-sovremenno-angliyskom-yazyke (Accessed 1 June 2021).
4. Minaeva, L.V. *Agonal'naia strategiiia v parlamentskikh debatakh* [Agonistic strategy in parliamentary debates] / L.V. Minaeva // *Prostranstva kommunikatsii: iazyk, literatura, media*. 2018. Pp. 523-530.
5. Minaeva, L.V. *Britanskii parlamentskii diskurs kak kul'turnyi fenomen* [British parliamentary discourse as a phenomenon of culture] / L.V. Minaeva // *Prepodavatel' XXI vek*. 2015. №3. Pp.396-404, cyberleninka.ru/article/n/britanskiy-parlamentskiy-diskurs-kak-kulturnyy-fenomen (Accessed 1 June 2021).
6. Morozov, M.A. *Politicheskie evfemizmy kak sredstvo manipulirovaniia v sovremennoy publitsistike* [Political euphemisms as a way of manipulation in modern journalism] / M.A. Morozov // *MIRS*. 2015. №1. Pp.24-29, cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-evfemizmy-kak-sredstvo-manipulirovaniya-v-sovremennoy-publitsistike (Accessed 1 June 2021).
7. Keyes, R. *The Post-Truth Era: Dishonesty and Deception in Contemporary Life*, www.ralphkeyes.com/the-post-truth-era (Accessed 1 June 2021).
8. Roberts D. *Post-Truth politics*, grist.org/article/2010-03-30-post-truth-politics (Accessed 1 June 2021).
9. Serious Science. *Post-Truth*, serious-science.org/post-truth-8875 (Accessed 1 June 2021).
10. The Phrase Finder, www.phrases.org.uk/meanings/127700.html (Accessed 1 June 2021).

Сведения об авторе:

Корецкая Ольга Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка механико-математического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: фонетика и лексикология английского языка; политический и медиадискурс; язык для специальных целей. E-mail: ok0807@yandex.ru

About the author:

Koretskaya Olga Vladimirovna – PhD in Philology, Associate Professor, Department of the English Language, Faculty of Mechanics and Mathematics, Lomonosov Moscow State University. Sphere of scientific and professional interests: English phonetics and lexicology, political and media discourse, language for specific purposes. E-mail: ok0807@yandex.ru

* * *

DYNAMIC-AND-SYSTEMIC PRINCIPLES OF SYNERGETICS IN FUNCTIONAL LINGUISTICS

Victoria L. Malakhova

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. *The article describes the specifics, principles and methods of synergetics as a promising area of modern research. Synergetics is presented by the author as a holistic integral paradigm used in many sciences which confirms its interdisciplinary and even universal nature. The object of this paradigm is the interaction of complex systems, and since the mere concept 'system' is widely used in many scientific fields, the relevance of synergetics is beyond doubt. The author describes the main characteristics of the structure and functioning of a system. The key concepts of synergetics and their explanation are also given.*

Further, the article discusses the branches of linguistics which use principles of synergetics – linguosynergetics and functional linguosynergetics as its variety. Since the study of text and discourse and their parameters as complex systems is of particular interest to many linguists, linguosynergetics has become one of the demanded scientific paradigms in this area of research. The author points out the objectives and tasks of linguistic synergetics, and functional linguosynergetics in particular, their basic concepts, principles and methods. Attention is also paid to the functioning of linguistic means, as well as the formation and interpretation of meaning depending on certain discursive space.

The author comes to the conclusion that thanks to synergetics language can be studied from specific angles, and the application of its principles greatly contributes to the theory of the evolution of language. Linguosynergetics provides ample opportunities for describing language/text/discourse as a complex dynamic open system, and functional linguosynergetics, in turn, helps describe the features of its functioning and evolution.

Key Words: *synergetics, linguistic synergetics, functional linguosynergetics, system, language, discourse, structure, functioning, evolution*

For citation: Malakhova V.L. (2021). Dynamic-and-Systemic Principles of Synergetics in Functional Linguistics. *Philology at MGIMO*, 7(3), pp. 24–33. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-3-27-24-33>

ДИНАМИКО-СИСТЕМНЫЕ ПРИНЦИПЫ СИНЕРГЕТИКИ В ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

В.Л. Малахова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. В статье описываются особенности, принципы и методы синергетики, являющейся перспективным направлением современных исследований. Синергетика представлена автором как целостная интегральная парадигма, применяемая во многих науках, что подтверждает её междисциплинарность и даже универсальность. Актуальность данной парадигмы обуславливается тем, что она занимается изучением взаимодействия сложных систем, а понятие «система» широко используется во многих научных сферах. Автор описывает основные характеристики и особенности структуры и функционирования системы. Приводятся ключевые понятия синергетики, даётся их пояснение.

Далее в статье рассматриваются направления лингвистики, в основу которых легли принципы синергетики – лингвосинергетика и, как её разновидность, функциональная лингвосинергетика. Поскольку особый интерес для многих исследователей представляет изучение текста и дискурса, их параметров как сложных систем, лингвосинергетика стала одной из востребованных научных парадигм в данном направлении исследований. Автор описывает объекты и задачи лингвистической синергетики и в частности функциональной лингвосинергетики, их основные понятия, принципы и методы. Уделяется внимание описанию функционирования языковых средств, а также формированию и интерпретации смысла в зависимости от определённого дискурсивного пространства.

Автор приходит к выводу о том, что синергетика способна предложить специфический взгляд на язык, а применение её принципов позволяет внести вклад в теорию эволюции языка. Лингвосинергетика предоставляет широкие возможности для описания языка/текста/дискурса как сложной динамической открытой системы, а функциональная лингвосинергетика, в свою очередь, позволяет описать особенности её функционирования и эволюции.

Ключевые слова: синергетика, лингвистическая синергетика, функциональная лингвосинергетика, система, язык, дискурс, структура, функционирование, эволюция

Для цитирования: В.Л. Малахова (2021). Динамико-системные принципы синергетики в функциональной лингвистике. Филологические науки в МГИМО. 7(3), С. 24–33. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-3-24-33>

1. Введение

На современном этапе развития лингвистической науки появляется множество теорий, дополняющих друг друга и предлагающих свою интерпретацию языковых явлений. Это представляется закономерным, поскольку, как подчёркивает Ф.М. Березин, «одна какая-либо, даже всеобъемлющая теория не может дать всеохватное описание языка» [2, с. 22]. Тем не менее, предпринимаются попытки создать такую целостную интегральную парадигму.

Многие лингвисты сходятся во мнении, что подобную концепцию можно разработать на основе синергетического подхода за счёт его связности, всеединства синтезируемых областей знания, эволюционного и холистического видения мира [1]; [8]; [14].

Мы снова наблюдаем интерес к понятию система – одному из центральных терминов синергетики, востребованность принципов и законов синергетики в других науках. Быстрое развитие технологий, множество научных открытий, появление новых дисциплин приводит к значительным изменениям понимания термина *система* и возможностей его использования в научных исследованиях. Исследования в сфере лингвистики не являются исключением.

Поскольку окружающая нас реальность воспринимается как динамический конгломерат систем – социальных, физических, химических, биологических и т.д., исследователи стремятся создать всеобъемлющий научный взгляд на мир, основанный на законах, общих как для органической, так и для неорганической природы, создать сложную системную парадигму. Благодаря этому были предложены новые научные теории со своими методами исследования, что впоследствии послужило основой для синергетики как единого подхода к изучению различных сложных систем.

Целью данной статьи является анализ наиболее важных достижений синергетики и актуальность их применения в лингвистике.

2. Результаты и обсуждение

2.1. Синергетика, её исходные положения и принципы

Термин синергетика был введён немецким физиком Г. Хакеном для обозначения научного направления, изучающего внешние и внутренние взаимодействия сложных систем – их возникновение, самоорганизацию, развитие, изменение [13]. Важным для описания поведения такой системы является понимание воздействий внешней среды, при которых система способна сохранять стабильность и функционирование. Степень сложности синергийной системы определяется не только большим количеством её частей, но и широким спектром связей между ними, а также их способностью устанавливать новые связи с элементами других систем.

Под «сложностью» системы, как правило, понимают взаимосвязанность и взаимодействие множества компонентов, частей и уровней системы, их последовательность и сложное поведение [4]. Описывая сложные системы, Р. Бишоп среди наиболее важных характеристик называет большое число компонентов, нарушение симметрии структуры, иерархичность, связность, целостность, сложность поведенческих траекторий и др. [10, с. 111–112].

Сложность системы проявляется также в её функционировании, поэтому анализ и описание требуют применения новых научных методов, подходов и ракурса. Успешное применение концепций и методов синергетического подхода к описанию биологических, физических, экономических, исторических, социальных, а также лингвистических явлений выявило сходство, если не универсальность, принципов эволюции сложных систем. В результате синергетика позволила создать широкий спектр междисциплинарных взаимосвязей и рассматривается как концептуально-методологическая основа для междисциплинарного синтеза знаний.

Методологическая особенность синергетики заключается в изучении процессов развития определённого единства как многоуровневой саморегулирующейся структуры. Синергетика обусловила целостное восприятие мира, в котором всё взаимосвязано и постоянно меняется. Она представляет реальность как систему открытую, постоянно меняющуюся, нелинейную и бесконечную в выборе альтернатив для дальнейшего развития.

Ключевыми понятиями синергетики являются *интеграция, синтез, взаимодействие, согласованность, открытость, нелинейность, неравновесность, динамика, эволюция* и т.д., используемые для описания различных сложных систем, включая язык.

Применение синергетических методов и принципов в новых областях исследований эффективно для понимания и описания саморазвития системы – её основных стадий и фазовых сдвигов, колебаний, зон бифуркации и других особенностей. Поскольку язык является открытой саморазвивающейся сложной системой, синергетический подход к изучению различных аспектов его структуры и функционирования не только возможен, но и представляется необходимым.

Далее рассмотрим некоторые направления лингвистики, в основу которых легли принципы синергетики.

2.2. Лингвосинергетика: междисциплинарный подход к изучению языка через концептуальную систему и методы синергетики

Многомерная онтология языка позволяет использовать синергетическую методологию в различных исследованиях. На современном этапе лингвистическая синергетика включает в себя две основные ветви – синергетику языка и синергетику речи. Особый интерес для многих исследований в данном направлении представляет синергетика текста и дискурса, нацеленная на установление их параметров, которые позволяют такой сложной системе, как текст/дискурс, формировать пространственные характеристики, а также раскрывать принципы успешного общения и способы коммуникативного влияния на поведение человека.

Основная задача лингвосинергетики языка состоит в выявлении и описании его внутренней динамической структуры, объяснении механизмов его изменений, в том числе в точках бифуркации (ветвления пути развития), в ситуациях реструктуризации и реорганизации.

Синергетика языка тесно связана с историческим языкознанием. Она направлена на понимание основных этапов эволюции языка, в том числе появления языка, особенностей его нелинейного развития (то постепенного, то быстрого), согласованного поведения его компонентов и подсистем, влияния внешних факторов на структуру языка и т.д. Исследование языка в рамках синергетической парадигмы также предполагает описание его особенностей как открытой самоорганизующейся системы – изучение языковой системы в её динамическом равновесии (синхрония) и в состоянии фазового перехода, что вызывает качественные изменения в организации и функционировании языка (диахрония). Синхронический и диахронический подходы представляют собой две необходимые, взаимодополняющие, взаимосвязанные плоскости исследовательского процесса. Несомненно важно не только знать современное состояние и функционирование анализируемой системы, но и раскрыть её принципы организации, «поведение» на той или иной стадии развития, наметить тенденции и возможные пути эволюции.

Как мы видим, синергетика предлагает специфический взгляд на языковую систему; применение принципов синергетического анализа и синтеза позволяет внести вклад в теорию эволюции языка как сложной динамической открытой саморегулирующейся системы.

Равновесное состояние языковой системы достаточно полно описано в традиционной лингвистике; лингвосинергетическое исследование языка в точках изменения существенно дополняет языковедческую науку. Известно, что язык постоянно меняется; однако его различные уровни и подсистемы меняются с разной скоростью. Основная задача лингвистической синергетики состоит в выявлении, описании и объяснении характеристик и внутренней динамики языка и тех механизмов, благодаря которым язык, претерпевая некие модификации, остаётся способным выполнять свои коммуникативные функции в обществе.

Итак, с использованием принципов синергетики становятся возможным моделирование и интерпретация фазовых сдвигов языковой системы, а также проектирование вариантов её изменения в зависимости от разнонаправленных бифуркаций и множества потенциальных аттракторов (целей развития системы). Синергетический подход является по сути *динамико-системным*, так как изучает речевую деятельность как образование системное, но подвижное, эволюционирующее.

2.3. Основные понятия синергетики и лингвосинергетики

Новый подход к изучению сложных открытых динамических систем подразумевает введение новой терминологии, а также пересмотр некоторых концепций и понятий. Ниже приведены основные понятия синергетики, которые применяются в синергетическом направлении языкознания.

Закрытая / открытая система. Система представляет собой совокупность иерархически организованных компонентов (элементы, части, подсистемы и т.д.) и их связей, имеющих пространственные и временные границы, существующих в определённой среде [3]; [4]; [7]. Взаимодействие системы в целом и её компонентов с внешней средой делает эту систему открытой. Функционирование открытой системы происходит при поступлении информации (энергии) из внешней среды. Напротив, закрытая система не взаимодействует с внешней средой, что рано или поздно ведёт к вырождению системы. Большинство «живых» систем (в том числе язык) являются открытыми.

Открытый характер системы языка проявляется в реагировании на изменения и отражении социальной, экономической, политической и культурной жизни общества, научно-технических достижений. Язык передаёт новые понятия, сохраняя их в своей лексической подсистеме. В условиях многонационального общества и глобальных процессов язык не может не меняться, но, как и любая другая система, он стремится к самосохранению. Чтобы сохранить свою форму и функционирование, система может допускать внутренние и внешние колебания, отклонения в динамике своих компонентов лишь в той степени, при которой, даже создавая некоторую хаотизацию (отклонение от исходных параметров системы), они все же сохраняют подчинённость компонентов целому.

Линейность / нелинейность. В парадигме стабильности и равновесия линейность представляет собой последовательность причин и следствий, отображаемых в пропорциональной и детерминированной реакции системы на внутренние сигналы и на внешнее воздействие [3]; [7]; [9]. Нелинейные системы периодически подвержены хаотизации и не всегда предсказуемы, так как их поведение не обусловлено конкретными начальными условиями и не может быть определено общепринятым математическим принципом «Если X ..., то Y ...». Описание поведения таких систем требует множества разноплановых факторов.

Синергетическая парадигма фокусируется на нелинейности как на более важном принципе в оппозиции *линейность : нелинейность*. Понятие линейности связано с упорядоченностью составных компонентов системы, например, языковых элементов в речевой цепи. Нелинейность же создаёт более сложную реальность с точки зрения моделей поведения системы, а также предусматривает исследование асимметрии, регулярности и неравномерности. Можно сказать, что нелинейность является концептуальным ядром синергетической парадигмы, которая также называется парадигмой нелинейности [3, с. 48]. Нелинейность языковой системы зависит от особенностей и функций системы и от поведения каждого её компонента, причём кумулятивный эффект условно выражается в формуле синергизма: $2+2=5$. Это особенно ярко проявляется в речи, когда общее смысловое пространство речевого произведения превосходит простую сумму смыслов всех отдельных компонентов текста [7]; [9].

Самоорганизация. Последовательность этапов самоорганизации сложной системы составляет динамику данной системы, её эволюцию. В синергетике самоорганизация является одновременно процессом и результатом последовательного взаимодействия многочисленных компонентов и частей системы, направленных на регулирование внутренней структуры этой системы. Системы, которые подвергаются пространственно-временным и функциональным сдвигам в результате внутренних процессов без вмешательства извне, называются самоорганизующимися системами [13, с. 69].

Язык также является самоорганизующейся системой, которая изменяется и развивается в соответствии с универсальными принципами поведения сложной системы, разработанными в общей теории синергетики. Являясь многокомпонентной синергийной системой, язык характеризуется сложным поведением элементов, частей и подсистем.

Синергетическая парадигма выделяет микроскопический и макроскопический уровни описания системы. Микроскопический уровень включает исследование элементарных компонентов и их поведения в данной системе, в то время как макроскопический уровень представляет собой

описание динамики всей системы в результате её взаимодействий с внешним миром. Макроскопическая структура системы может быть описана с помощью макроскопических переменных – параметров порядка [13].

Параметры порядка представляют собой характеристики определённой сложной системы. Это те факторы системы, которые управляют поведением (упорядочивают) её компонентов. Изменения в шаблоне параметров могут сигнализировать о структурном изменении сложной системы и наоборот. В речевой деятельности параметрами порядка признаются функциональные связи дискурса, которые организуют речь как коммуникативное событие, направленное на достижение заданной коммуникативной цели (или целей) [7]; [8].

Флуктуации и бифуркации. Под флуктуацией понимается временное изменение системы или постоянное переключение из одной точки в другую, которое может вызвать определённое отклонение в динамике системы, включая даже потерю устойчивости. Колебания могут привести систему к критической точке, называемой *бифуркацией* – своеобразному ветвлению или соединению возможных режимов существования системы. Далее система подвергается локальным и глобальным изменениям. Под локальными подразумевают непрерывные изменения формы при постоянном варьировании какого-либо динамического параметра или параметров. Более сложные, глобальные, изменения включают фазовые переходы, критические точечные переходы, где изменения могут быть прерывистыми и многочисленными, в основном из-за одновременно возможных колебаний на многих уровнях общей системы. Пройдя точку бифуркации, система приходит к новому стабильному состоянию [3]; [7].

Аттрактор репрезентирует состояние, к которому стремится система в процессе своего развития, независимо от начальных условий, и которое представлено в виде точки или траектории в фазовом пространстве системы [17]. Такое устойчивое состояние определяется с помощью набора логических правил (положительных и отрицательных взаимодействий), регулирующих развитие информации в самоорганизующейся системе. По сути, аттрактор является конечной точкой эволюции системы [11, с. 300]. Применительно к речи аттрактором выступает коммуникативная цель говорящего/пишущего [7]; [8].

Фрактал. Данный термин был введен математиком Б. Мандельбротом для описания модели «самоподобия» на каждом уровне и/или в масштабе структурной организации сложной системы. Фрактал представляет собой фрагментированную форму, которая может быть разбита на части, каждая или почти каждая из которых является уменьшенной копией целого [5]. Самоподобие признаётся в качестве основной характеристики фракталов.

Языковая система также имеет фрактальный тип организации: элементы одного уровня языка являются строительным материалом для более сложных комбинаций другого уровня языка и, в свою очередь, служат основой для ещё более сложных конфигураций на следующем уровне организации и так далее. Следует отметить, что чем выше уровень комбинаций, тем шире диапазон возможных альтернатив.

2.4. Основные характеристики и особенности системной функциональной лингвосинергетики

Одним из направлений лингвосинергетики является функциональная лингвосинергетика, которая органично синтезировала синергетическую методологию и основы теории системно-функциональной лингвистики (Systemic Functional Linguistics, или SFL), разработанной научной школой М. Хэллидея. Целый ряд положений SFL имеет существенное значение для функциональной лингвосинергетики.

Системно-функциональная лингвистика ставит своей целью изучение условий и процессов активизации тех или иных характеристик языка/речи/дискурса в зависимости от определённой коммуникативной ситуации в реальных условиях вербального взаимодействия [12, с. 143]; [15], [16]. Она рассматривает функционирование языка как ресурс, создающий смысл и взаимосвязь формы и значения и стремится соединить структурную (системную) информацию с экстралингвистическими факторами в интегрированное описание. Языковая система не является автоном-

ной и независимой от внешних факторов, а, напротив, определяется ими. Как считают функционалисты, «именно в языке и слове оформляется концептуальный образ мира» [6, с. 35]. Такое понимание ведёт к поиску ответов на вопросы о том, какова цель (замысел) говорящего/пишущего; какие языковые средства являются наиболее оптимальными в достижении этой цели; какие именно факторы определяют выбор того или иного языкового средства и т.п. Таким образом, SFL – это теория, полностью основанная на понятии функциональности языка и с этих позиций объясняющая синтаксическую структуру языка. Язык рассматривается в действии, с учётом конкретной ситуации общения и понимается как речемыслительный инструмент, реализующий экстралингвистические цели и функции коммуникации.

Согласно М. Хэллидею, язык отвечает на три вида социально-функциональных потребностей человека: во-первых, уметь понимать и интерпретировать то, что происходит внутри и вокруг нас; во-вторых, взаимодействовать с реальным миром путём согласования социальных ролей и отношений; в-третьих, уметь создавать смыслы с точки зрения того, что является данным и новым (тема-рематические отношения). Эти функции языка М. Хэллидей называет метафункциями и обозначает их как идеаторную, межличностную и текстовую, соответственно; использование языка задействует все три метафункции одновременно [14].

Ещё одним важным и фундаментальным понятием системно-функциональной лингвистики является понятие выбора. Парадигматические отношения считаются первичными и образующими смысловой потенциал языка путём систематизации основных компонентов во взаимосвязанных системах характеристик. Поэтому одной из основных задач SFL является определение возможных вариантов создания этого смыслового потенциала в реальных контекстах и ситуациях через ресурсы, доступные для выражения в языке. Синтагматические отношения рассматриваются как реализация системы в контексте определённого высказывания (дискурсе), что обуславливает формальные и структурные последствия выбора конкретной функции языка. М. Хэллидей подчёркивает важность понятия выбора, поскольку текст представляет собой «непрерывный процесс семантического выбора. Текст – это значение, а значение – это выбор» [там же, с. 137]. Поэтому язык скорее следует рассматривать как обмен значениями в межличностных контекстах, а функционирование языка – как осмысленный выбор, а не набор формальных правил. Как видим, системно-функциональная теория принимает парадигматическую ось в качестве отправной точки в понимании того, как функционирует язык.

Начало развития собственно функциональной лингвосинергетики было положено Евгенией Витальевной Пономаренко и продолжено в трудах А.А. Харьковской, Д.С. Храмченко, В.Л. Малаховой, И.В. Савиной, А.В. Радюк и других. Среди основных принципов функциональной лингвосинергетики выделяются следующие:

- анализ самоорганизационных процессов языка и дискурса в тесной взаимосвязи, причём самоорганизация понимается как мобилизация функционально-смыслового потенциала всех компонентов текста,
- нелинейность языка и дискурса на фоне нелинейности их внешней среды (истории и коллективного сознания этноса, сознания конкретных коммуникантов и параметров коммуникативной ситуации),
- активное взаимодействие языка и дискурса с внешней средой,
- определяющий характер параметров порядка по отношению к функционированию элементов системы языка и дискурса,
- направленность элементов к аттрактору (коммуникативной цели),
- проявление процессов оптимизации и информационного сжатия в виде тенденции английского языка и дискурса к экономии [7]; [8]; [16].

Ещё одной особенностью SFL и функциональной лингвосинергетики является тесная связь с прагматикой. Это обуславливает важность интерпретации смысла в зависимости от определённого дискурсивного пространства. Иными словами, функциональная лингвосинергетика анализирует, каким образом тот или иной смысл, представляющий собой прагма-семантическое целое, формируется языковыми средствами в определённом контексте, какие дополнительные факторы

воздействуют на этот процесс. При этом дискурс-анализ прежде всего учитывает коммуникативную ситуацию – погружение языкового пространства в реальность, что определяет коммуникативное использование языка, описание языковых фактов в аспекте человеческой деятельности, отношения между знаком и теми, кто его использует, с акцентом на функции знака. Это способствует поиску коммуникативных параметров языка, обеспечивая не абстрактный обмен информацией, а реальный процесс общения, складывающийся из множества компонентов, которые включают информативный контент и влияют на участников коммуникации и их действия.

Конечной целью использования языка является не просто создание или знание «правильных» лингвистических структур/форм, но формирование желаемого смыслового пространства и решение определённых коммуникативных задач. Поэтому для функциональной лингвосинергетики важна функциональность языка, поскольку без функции структура превращается в малосодержательную схему [12]. Тем не менее, чтобы эффективно активизировать и анализировать функции языка, необходимо понимать, как он структурирован. Таким образом, системные функционалисты воспринимают язык как социальную семиотическую систему, в которой его значение и форма всегда определяются контекстом, параметрами ситуации и коммуникативными целями участников общения.

Функциональная лингвосинергетика использует различные виды анализа, включая анализ выражения, содержания и контекста. Контекст вносит первостепенный вклад в процесс формирования смысла. Человек говорит и пишет не изолированными предложениями, а значимыми единицами – текстами, которые создаются в пространстве определённого дискурса и подвержены его влиянию.

3. Заключение

Хотя синергетика считается довольно новым этапом в развитии теории систем с особым акцентом на вопросы эволюции и фазовых сдвигов, будучи междисциплинарной по своему характеру, она объединяет множество наук, имеющих дело с открытыми, динамичными, самоорганизующимися сложными системами, развивающимися нелинейно в различных средах. Междисциплинарность синергетики заключается в синтезе методов исследования, разработанных и внедрённых в естественных науках.

Лингвосинергетика, или лингвистическая синергетика, представляет собой такой междисциплинарный исследовательский подход к изучению языка. Применение синергетических принципов в исследовании языка является не только возможным, но и необходимым, поскольку язык соответствует всем критериям синергийной системы – является открытой, динамической, нелинейной, самоорганизующейся системой с множеством иерархических подсистем и элементов, которые взаимосвязаны и функционируют под действием регулирующих параметров порядка. Это сложная синергийная мегасистема, которая изменяется и развивается в соответствии с универсальными принципами поведения сложной системы, раскрытыми в теории синергетики. Потенциал лингвосинергетики открывает границы для всесторонних исследований языка как синергийной системы и позволяет расширить наше понимание природы, функционирования и перспектив развития языка.

Поскольку структура и организация языка обуславливают его функции на всех уровнях, представляется закономерным появление системной функциональной лингвосинергетики как направления, изучающего организацию функциональной структуры. Язык является источником смысла во многих и постоянно меняющихся контекстах человеческого взаимодействия; особенность языка заключается в его организации как огромной сети взаимосвязанных выборов.

Функциональная лингвосинергетика рассматривает язык как систему систем с потенциалом смысла, с помощью которого его пользователи передают значение, делая выбор из целого ряда альтернатив языковых средств. При этом формирование общего смыслового пространства произведения речи происходит по принципу нелинейности ($2+2=5$), так как общий смысл, как правило, превосходит механическую сумму смыслов отдельных компонентов текста.

© Малахова В.Л., 2021

Список литературы

1. Базылев В.Н. Синергетика языка: Овнешнение в гадательных практиках / В.Н. Базылев. М.: Диалог – МГУ, 1998. 180 с.
2. Березин Ф.М. О парадигмах в истории языкознания XX в. / Ф.М. Березин // Лингвистические исследования в конце XX в.: Сб. обзоров (Сер.: «Теория и история языкознания») / исслед. Отдел языкознания, Редколл.: Березин Ф.М., отв. ред. и др. М., 2000. С. 9-25.
3. Князева Е.Н. Основания синергетики: Синергетическое мировидение / Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов. М.: Книжный дом «ЛИБРО-КОМ», 2010. 256 с.
4. Майнцер К. Сложносистемное мышление: Материя, разум, человечество. Новый синтез. Пер. с англ. / К. Майнцер / Под ред. и с предисл. Г.Г. Малинецкого. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 464 с.
5. Мандельброт Б. Фрактальная геометрия природы / Б. Мандельброт. М.: Институт компьютерных исследований, 2002. 656 с.
6. Миронова Ю.В. Художественный дискурс как когнитивный диалог о «языке – доме духа» / Ю.В. Миронова, Т.И. Сокольская // Дискурс профессиональной коммуникации. № 3(2). 2021. С. 33-42. DOI: <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2021-3-2-33-42>
7. Пономаренко Е.В. Системность функциональных связей в современном английском дискурсе: Автореферат дис. ... доктора филологических наук / Е.В. Пономаренко. Москва, 2004. 47 с.
8. Пономаренко Е.В. Функциональная системность дискурса и предпосылки развития лингвосинергетики / Е.В. Пономаренко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2006. № 2. С. 22-27.
9. Пономаренко Е.В. Нелинейность как системное свойство функционального пространства английского делового дискурса / Е.В. Пономаренко, Г.А. Паршутина // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 3. С. 156–160. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-3-156-160>
10. Bishop R.C. Metaphysical and epistemological issues in complex systems / R.C. Bishop // Philosophy of Complex Systems. Handbook of the Philosophy of Science / Ed. by C. Hooker. Amsterdam: Elsevier, 2011. Vol. 10. P. 105-136.
11. Coffman J.A. On causality in nonlinear complex systems: The developmentalist perspective / J.A. Coffman // Philosophy of Complex Systems. Handbook of the Philosophy of Science / Ed. by C. Hooker. Amsterdam: Elsevier, 2011. Vol. 10. P. 287-309.
12. Fontaine L. Analysing English grammar: A systemic functional introduction / L. Fontaine. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 294 p.
13. Haken H. Information and self-organization: A macroscopic approach to complex systems. 2nd enlarged edition / H. Haken. Berlin: Springer, 2000. 222 p.
14. Halliday M.A.K. Language as social semiotic / M.A.K. Halliday. London: Edward Arnold, 1978. 256 p.
15. Khranchenko D.S. Functional-linguistic parameters of English professional discourse // Professional Discourse & Communication. 2019. № 1(1). P. 9-20. DOI: <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2019-1-1-9-20>
16. Khranchenko D.S. Planning the functional field of business English discourse: Linguosynergetic approach // Вопросы прикладной лингвистики. 2015. № 18. С. 151-163.
17. The American heritage science dictionary [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dictionary.com/browse/attractor> (дата доступа 10.06.2021).

References

1. Bazylev, V.N. *Sinergetika iazyka: Ovneshnenie v gadatel'nykh praktikakh* [Synergetics of language: Outwardness in fortune-telling practices]. Moscow: Dialogue – Moscow State University, 1998. 180 p. (In Russian).
2. Berezin, F.M. O paradigmakh v istorii iazykoznanii XX v. [On paradigms in the history of linguistics of the 20th century] // *Lingvisticheskie issledovaniia v kontse XX v.: Sb. obzоров (Ser.: "Teoriia i istoriia iazykoznanii")* [Linguistic studies at the end of the twentieth century: Reviews (Series "Theory and history of linguistics")]. Moscow, 2000. P. 9-25 (In Russian).
3. Knyazeva, E.N., Kurdyumov S.P., *Osnovaniia sinergetiki: Sinergeticheskoe mirovidenie* [Foundations of synergetics: Synergetic worldview]. Moscow: LIBRO-KOM, 2010. 256 p. (In Russian).
4. Mainzer, K. *Slozhnosistemnoe myshlenie: Materiia, razum, chelovechestvo. Novy sintez. Per. s angl.* [Complex system thinking: Matter, mind, humanity. New synthesis. Translated from English] / Ed. by G.G. Malinetskiy. Moscow: LIBRO-KOM, 2009. 464 p. (In Russian).
5. Mandelbrot, B. *Fraktal'naia geometriia prirody* [Fractal geometry of nature]. Moscow: Institute for Computer Research, 2002. 656 p. (In Russian).
6. Mironova, Y.V., Sokolskaya, T.I. Literary discourse as a cognitive dialogue about «Language as the house of spirit» // *Professional Discourse & Communication*. No. 3(2). P. 33-42. (In Russian). DOI: <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2021-3-2-33-42>.
7. Ponomarenko, E.V. *Sistemnost' funktsional'nykh svyazei v sovremennom angliiskom diskurse* [Systemacy of functional links in modern English discourse]. Doctor's Thesis Abstract. Moscow, 2004. 47 p. (In Russian).
8. Ponomarenko, E.V. Funktsional'naia sistemnost' diskursa i predposylki razvitiia lingvosinergetiki [Functional systemity of discourse and prerequisites for development of linguosynergetics] // *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Linguistics]*. 2006. No. 2. P. 22-27 (In Russian).
9. Ponomarenko, E.V., Parshutina G., Nelineinost' kak sistemnoe svoistvo funktsional'nogo prostranstva angliyskogo delovogo diskursa [Non-linearity as systemic property of functional space of Business English discourse] // *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*. 2018. Vol. 24. No. 3. P. 156–160. (In Russian). DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-3-156-160>

10. Bishop, R.C. Metaphysical and epistemological issues in complex systems // *Philosophy of complex systems. Handbook of the philosophy of science* / Ed. by C. Hooker. Amsterdam: Elsevier, 2011. Vol. 10. P. 105-136.
11. Coffman, J.A. On causality in nonlinear complex systems: The developmentalist perspective // *Philosophy of complex systems. Handbook of the philosophy of science* / Ed. by C. Hooker. Amsterdam: Elsevier, 2011. Vol. 10. P. 287-309.
12. Fontaine, L. *Analysing English grammar: A systemic functional*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 294 p.
13. Haken, H. *Information and self-organization: A macroscopic approach to complex systems*. 2nd enlarged edition. Berlin: Springer, 2000. 222 p.
14. Halliday, M.A.K. *Language as social semiotic*. London: Edward Arnold, 1978. 256 p.
15. Khramchenko, D.S. Functional-linguistic parameters of English professional discourse // *Professional Discourse & Communication*. 2019. No. 1 (1). P. 9-20. DOI: <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2019-1-1-9-20>.
16. Khramchenko, D.S. Planning the functional field of business English discourse: Linguosynergetic approach // *Voprosy prikladnoi lingvistiki [Applied linguistics issues]*. 2015. No 18. C. 151-163.
17. The American heritage science dictionary, <http://www.dictionary.com/browse/attractor> (date of access 10.06.2021).

Сведения об авторе:

Малахова Виктория Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка № 4 МГИМО. Сфера научных интересов: функциональная лингвосинергетика, дискурс-анализ, категория притяжательности, функциональные свойства, когнитивная лингвистика, фразеологически передаваемый концепт, межкультурная коммуникация.

E-mail v.l.malakhova@inno.mgimo.ru

About the author:

V.L. Malakhova – PhD (Philology), Associate Professor, Assistant Professor of English Language Department № 4, MGIMO University (Russia, Moscow). Research interests: functional linguosynergetics, discourse, possession, cognitive linguistics, phraseologically represented concept, intercultural communication.

E-mail v.l.malakhova@inno.mgimo.ru

* * *

PRAGMATIC MARKER *I PRAY* IN EARLY MODERN ENGLISH

Natalia Yu. Merkuryeva

Moscow Metropolitan Governance Yury Luzhkov University,
28, Sretenka st., Moscow, 107045, Russia

Abstract. *The article deals with the sentences that contain pragmatic marker I pray you / thee and its variants as a parenthetical clause. The linguistic material for synchronic analysis is taken from the texts of the plays written by the English authors during the 16–17th centuries. The examination of the lexical-grammatical and stylistic characteristics of the structures under analysis shows that the greatest variety of the marker forms is achieved at the beginning of the period under consideration. The following processes are seen to be the sources of the diversity: the increase of expression by means of an adverb (now, still, hardly) or a modal verb, the change of the pronunciation of the constituent words followed by modifications of their representation in the text (comes into I prythee with variants prithe, pr'ythee), the elimination of subject and / or object (resulting in the forms pray, pray you, I pray). Towards the end of the period under consideration, in the second half of the 17th century, the diversity of the variants of the marker decreases, predominantly the following structures continue to exist: I pray, pray and I prythee. The parenthetical clause is studied in diachrony as well. The forms of the marker constituents, the peculiarities of the marker word order, the position of the clause in the sentences, the combination with other pragmatic markers are compared with the sentences from the texts of the 14–15th centuries.*

Key Words: *pragmatic markers, discourse markers, historical syntax, historical pragmatics, authorial style, Early Modern English*

For citation: Merkuryeva N.Yu. (2021). Pragmatic Marker *I Pray* in Early Modern English. *Philology at MGIMO*, 7(3), pp. 34–42. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-3-27-34-42>

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ МАРКЕР *I PRAY* В РАННЕНОВОАНГЛИЙСКИЙ ПЕРИОД

Н.Ю. Меркурьева

Московский городской университет управления Правительства Москвы имени Ю.М. Лужкова,
107045, Россия, Москва, ул. Сретенка, 28

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению предложений, содержащих предикативный прагматический маркер-оборот *I pray you / thee* и его разновидности в качестве вводной клауземы. Лингвистический материал для синхронического изучения подобран из пьес английских авторов, созданных в XVI–XVII вв. Анализ лексико-грамматических и стилистических характеристик найденных структур показывает, что наибольшее разнообразие форм оборота достигается в начале исследуемого периода, в произведениях XVI в. Источниками разнообразия представляются несколько процессов: увеличение объёма оборота за счёт добавления наречия (*now, still, hartly*) или модального глагола, изменение в произношении составляющих оборот слов с одновременным изменением их отражения в тексте (оформившееся в разновидность *I prythee* с вариантами *prithee, pr'ythee*), элиминирование подлежащего и/или дополнения (с образованием форм *pray, pray you, I pray*). Ближе к концу рассматриваемого периода, во второй половине XVII в., разнообразие разновидностей оборота значительно уменьшается, преимущественно сохраняющиеся структуры – *I pray, pray и (I) prythee*. Производится исследование вводного предложения *I pray you / thee* в диахронии (XIV–XVII вв.). Обсуждаются формы представления составляющих оборота, особенности словорасположения в нём, размещение оборота в конструкции, комбинирование с другими прагматическими маркерами.

Ключевые слова: прагматические маркеры, дискурсивные маркеры, историческая прагматика, исторический синтаксис, авторский стиль, ранненовоанглийский период

Для цитирования: Меркурьева Н.Ю. (2021). Прагматический маркер *I Pray* в ранненовоанглийский период. *Филологические науки в МГИМО*. 7(3), С. 34–42. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-3-27-34-42>

Введение.

Ранненовоанглийский период истории английского языка продолжался с XVI до первой половины XVIII в. [1, с. 301] и представляет интерес для лингвиста-историка, поскольку, как считается, в это время особенно интенсивно происходило и к концу периода завершилось формирование общенационального литературного стандарта, выполнявшего функции наддиалектной коммуникативной системы [7, с. 3]. Кроме того, литература XVI–XVII вв., а на этот период пришлись эпохи Возрождения и Реставрации, обладала ярко выраженным светским характером, ведущим жанром была драма [2, с. 159–161]; [3, с. 218–223]. Тексты пьес обладают особой ценностью при исследовании разговорной диалогической речи ушедших эпох, поскольку в репликах действующих лиц могут быть найдены фрагменты живой речи. Такими фрагментами, в частности, являются прагматические (дискурсивные) маркеры (слова, фразы, звуки, не имеющие реального лексического значения, но обладающие функцией формировать разговорную структуру, передавая намерения говорящих при разговоре [6]).

Формы и количество привлекаемых писателями-драматургами прагматических маркеров зависят от объективных и субъективных факторов. К объективным отнесём само существование на этапе написания произведения вербальных и невербальных средств создания фатических (неинформативных) элементов речи, то есть средств (с присущими им лексико-грамматическим составом и формами выражения), находящихся в речевом обиходе современников авторов (той аудитории, для которой и предназначаются произведения). К объективным факторам отнесём также продиктованную жанром произведения необходимость насыщения (в той или иной степени) реплик персонажей употребляемыми в повседневной речи привычными и узнаваемыми словами, конструкциями, звуками (как, например, современные нам средства русского языка – «наверное», «я думаю», «э-э-э», «хм-м»). Принятие автором решения о включении или не включении маркера в предложение, выбор разновидности маркера, определение его структуры (из предлагаемых повседневной речью языковых и речевых реалий, существующих на эта-

пе написания произведения) и места его размещения в конструкции отнесём к субъективным факторам.

Ранее мы рассмотрели разнообразие прагматических маркеров в драматургических произведениях Ренессанса. В предложениях, отражающих прямую речь, нам встретились междометия *tut, ha, ah*, восклицания *why*, наречия *then, surely, now*, модально-предикативные сочетания *I think, I presume, I know, I pray*, обращения *lady, sirs, woman*, присоединенные вопросы и др. Говоря о размещении маркеров в предложении, мы отметили, что в том случае, если автор употребляет в предложении один маркер, последний размещается в начале, финале предложения или синтагмы, на границе клаузем в сложных структурах. Картина несколько меняется, если в предложении автор использует не один, а два или три маркера. Тогда композиции из двух или трёх маркеров, предикативных или непредикативных, состав которых варьирует, располагаются вокруг принимающего маркер предложения. Сочетания могут быть образованы союзом и наречием *And surely*, союзом и вводным предложением *But I fear*, междометием и обращением, как *Tush, fool* и *Ah, sir*, восклицанием и наречием *Why, then* и пр., такие сочетания образуют начальную часть предложения. Финальная часть формируется, например, присоединённым вопросом, или комбинацией нескольких (чаще двух) маркеров – обращения и присоединённого вопроса *sir, are you?*, наречия и вводного предложения *now, I presume* и др. Расположение фатических компонентов в виде комбинаций из двух или трёх маркеров внутри предложения – для выделения определённой группы слов, структурирования высказывания и других целей – встречается достаточно редко и представляет собой индивидуальный выбор создателя текста [11].

Мы также исследовали модально-предикативные сочетания, использованные одним из авторов Ренессанса, Николасом Юдаллом, в предложениях реплик пьесы «Ральф Ройстер Дойстер». Показано, что предикативные прагматические маркеры, которые употребляет автор, построены при помощи личного местоимения первого лица единственного числа и глаголом *trust, pray, warrant, trot, wot, say, suppose, see, tell, advise, mean, confess, think*. В целях придания естественности речи персонажей, Юдалл встраивает сочетания *I think, I see, I trust* и др. в повествовательные, императивные, вопросительные предложения. Маркеры выполняют в предложении и диалогическом тексте множество функций, среди которых в первую очередь следует назвать выделение определённых слов или словосочетаний, осуществление тема-рематического членения предложения, структурирование слишком объёмных конструкций устных реплик, выстраивание рифмы. Разнообразие рассмотренных вводных предложений формируется несколькими способами. В числе таких способов мы отметили употребление сокращённой и усечённой форм слов (сокращённой формы глагола *advise* и усечённой формы местоимения *you* – *I'veise ye*), распространение вводного предложения (дополнением *I warrant – I warrant you*; модальным глаголом *I say – I dare say*), изменение порядка слов при выдвигании глагола вперед (*Mean I*) [4].

Одной из употребляемых авторами Ренессанса структур является маркер *I pray you*, который в настоящем исследовании мы решили рассмотреть подробнее.

Считается, что вводный оборот *I pray you*, впервые засвидетельствованный в текстах конца XIV века в форме *I pray thee*, к XVI веку сократился до *pray* [5]. Однако полученные нами ранее результаты не позволяют согласиться с таким предположением. В этой связи представлялось интересным увеличить количество рассматриваемых текстов и на более обширном лингвистическом материале, расширив временные рамки исследования и обратившись к произведениям авторов не только периода Ренессанса, но и Реставрации, рассмотреть оборот *I pray you / thee* в синхронии, на этапах XVI и XVII вв.

Материалы и методы исследования.

Материалом для анализа послужили предложения из диалогов пьес, созданных английскими авторами в периоды Возрождения (1485–1660 гг.) и Реставрации (1660–1688 гг.). Всего были изучены тексты более 200 произведений. Для исследования применялись методы лингвистического исследования языковых фактов, проведения сплошной выборки изучаемого материала, сравни-

тельно-сопоставительного анализа, лингвистического описания, трансформационная и оппозиционная методики. После иллюстрирующего примера в тексте будут указаны время написания или первой публикации произведения, его автор (если они известны), которые уточнялись по [8], [9], [12], [13], а также название и страница в источнике.

Результаты и обсуждение

Лексико-грамматические и стилистические характеристики рассматриваемых структур в художественном произведении, без сомнения, находятся во взаимосвязи и взаимозависимости, поэтому рассмотрим их в совокупности, уделив внимание следующим чертам оборота: порядок, число и формы слов, взаимодействие с другими маркерами, расположение в предложении.

Для проведения анализа примем за «обязательные» составляющие три слова: местоимение-подлежащее *I*, глагол-сказуемое *pray* и дополнение, выраженное местоимениями *you* или *thee* и будем относиться к ним как к «изначально существовавшим» в конструкции оборота, тем более, что это не противоречит приведённым выше данным [5] и нашим наблюдениям за состоянием маркера в предложениях текстов XIV–XV вв.

Порядок «обязательных» слов в исследуемой структуре в нерифмованном тексте в основном един – «подлежащее + сказуемое + дополнение». Такую последовательность расположения составляющих видим в предложении *I pray you answer me.* (1575, Still J. “Gammer Gurton’s Needle,” p. 235), где прагматический маркер оформляет императивное предложение. Отклонение от такого порядка расположения слов допускается автором в тех случаях, когда создаётся рифмованный текст и оборот располагается в конце строфы. Так, например, в диалогическом единстве –

“Neighbour Prat, come hither, I you pray – ”

“Why, what is this nice fray?” (1533, Heywood J., “The Pardoner and the Frere”, p. 23) –

императивное предложение реплики-зачина построено с привлечением двух прагматических маркеров – обращения *Neighbour Prat* и вводной клауземы *I you pray*. Употребление последней связано, скорее всего, с возможностью подобрать рифму для финального в реплике-реакции слова *fray*. Отсюда перемена мест *pray* и *you* в обороте.

В следующем отрывке наблюдаем подобное явление – дополнение размещается между подлежащим и сказуемым с формированием вводной структуры *I thee pray*:

Merrygreek. Shall I tell him what ye say?

Custance. Yea, and add whatsoever thou

canst, I thee pray,

And I will avouch it, whatsoever it be. (1553, Udall N., “Ralph Roister Doister”, p. 50).

Такой порядок слов продиктован репликой-зачином, произносимой Меригриком. Реплика показана автором в виде одной строфы, в конце которой употреблено слово *say*. В реплике-реакции оно рифмуется с *pray*, отсюда необходимость поставить местоимение *thee* перед глаголом.

Для первой половины рассматриваемого периода наиболее характерно включение в оборот всех трёх «обязательных» составляющих: *I pray you, be content, and we will be more mannerly.* (1568, Fulwell U., “Like Will to Like”, p. 322), *I pray you, when did ye last kiss your cow?* (1553, Udall N., “Ralph Roister Doister”, p. 23). Однако отмечаются и случаи сокращения количества слов. Редукции может быть подвержено дополнение, как в примере: *I pray, good master, give me nine-pence.* (1568, Fulwell U., “Like Will to Like”, p. 349). Вводная структура с сохранённым дополнением, но опущением подлежащего, употребляется в предложении *Pray you, speak English.* (1614, Tomkis Th., “Albumazar”, p. 118).

Оба местоимения, формирующие как подлежащее, так и сказуемое, могут быть элиминированы. Предложение с вводной клауземой, представленной единственным словом, глаголом-сказуемым *pray*, наблюдаем в примере *Pray, is Monsieur Pisaro to de maison?* (1598, Haughton W., “Englishmen for my Money”, p. 525). Такие формы обнаруживаются в текстах как XVI, так и XVII веков. Так, в реплике *Pray how long is’t, brother, since you left Spain?* (1662, Tuke S., “The Adventures of Five Hours”, p. 28) видим вводное предложение *Pray*, расположенное в начале конструкции и оформляющее вопросительное предложение.

Стремления авторов к увеличению количества составляющих в обороте (относительно «обязательных») не наблюдается. Расширение группы подлежащего или сказуемого структуры *I pray thee* за счёт распространяющих слов не является характерным для изучаемого периода. Можно говорить, скорее, об индивидуальных предпочтениях или речевых привычках отдельных драматургов «усиливать» вводную структуру. Дополнительными элементами для использования в этих целях служат наречия, например, *hartyly* и *now*, размещённые в финале вводных клаузем, как в предложениях: *But who shall do yt, I pray yow hartyly?* (1538, Bale J., “Kynge Johan”, p. 47) и *I pray now, let me ask you one question that I remember.* (1606, Day J., “The Return from Parnassus”, p. 157). В следующем примере наблюдаем размещение между «обязательными» компонентами оборота, местоимением *I* и глаголом *pray*, ещё двух слов – наречия *still* и модального глагола *shall*: *Send me such wenches, heavens, I still shall pray.* (1598, Haughton W., “Englishmen for my Money”, p. 486).

Отдельного внимания заслуживают формы слов, входящие в оборот. Так, в конце 1500-х гг. «в моду» входит совместное написание глагола *pray* и местоимения *thee*, причём структуры с местоимением-дополнением *you* это не затрагивает. Можно предположить, что изменение написания глагола в этой разновидности оборота, в форме *pry* или *pri*, является следствием фонетических процессов, в частности, связано с редукцией гласного в слове *pray*. Другой тенденцией, приведшей к формированию такого правописания, может быть изменение логического ударения во фразе и, как следствие, сокращение паузы между словами *pray* и *thee*. В следующем примере видим вводную клаузему, в которой сохранены все три «обязательные» компонента, но показаны формой из двух слов, представляющих подлежащее *I* и комплекс сказуемого и дополнения *prythee*: *I prythee, note him well.* (1602, Cooke J., “How a Man May Choose”, p. 47). Несмотря на новый способ графического отражения и, скорее всего, произношения оборота, тенденция к сокращению составляющих затрагивает и его. Редуцированные структуры с элиминированным подлежащим, несколько отличающиеся друг от друга написанием, *priethee* и *pr'ythee*, обнаруживаются в конструкциях *Priethee, hold thy peace.* (1599, Shakespeare W., “The Merry Wives of Windsor”, p. 223) и *And me too, pr'ythee.* (1613, Jonson B., Fletcher Th., Middleton Th. “The Widow”, p. 234).

Далее обратимся к расположению клауземы *I pray you / thee* в конструкции. Если она является единственным прагматическим маркером в предложении, как в примерах: *I pray you, come away to dinner.* (1598, Greene R. “Mucedorus”, p. 49) и *Laugh at him, I pray you.* (там же, p. 44), то наиболее характерно её расположение в начале или финале. Случаев вклинивания в информативную часть, независимо от длины предложения, нами не отмечено.

Если в предложении употреблены несколько прагматических маркеров, то возможны три основных варианта их расстановки.

Расположение в начале и финале конструкции можно видеть в примере *Tush, lett me se them, I pray the hartely.* (1538, Bale J., “Kynge Johan”, p. 35). Два маркера, восклицание *tush*, и вводная клаузема *I pray the hartely* как бы окружают императивное предложение *lett me se them*. В примере *Why, hast thou spied the nee'le quickly, I pray thee tell?* (1575, Still J. “Gammer Gurton's Needle”, p. 232) видим подобное «окружение» у общевпросительного предложения. Конструкция начинается восклицанием *why* и заканчивается композицией из двух предикативных маркеров *I pray thee* и *tell*.

Все маркеры могут быть сосредоточены в начале предложения. В конструкции *Why pray, how can you spend your time better?* (1666, Killigrew W. “Pandora”, p. 4) наблюдаем редуцированную структуру *pray*, сопровождаемую восклицанием *why*, расположенную в начале предложения. Императив *say not so* в конструкции *Nay, pray you, Master Lusam, say not so.* (1602, Cooke J., “How a Man May Choose”, p. 7) предваряется фатической частью, состоящей из восклицания *Nay*, вводной клауземы *pray you* и обращения *Master Lusam*. В начале предложения *I praye the hartely tell me why thu doest so?* (1538, Bale J., “Kynge Johan”, p. 98) наблюдаем сосредоточение вводного *I praye the hartely* и императива *tell me*. Последовательность из союза *and*, вводной клауземы *I pray thee* и императива *tell me* видим в начале вопросительного предложения *And I pray thee tell me, is not thy name New Custom?* (1573, Daiches S., “New Custom”, p. 22).

Все прагматические маркеры могут быть размещены в финальной части предложения. Таково, например, расположение обращения *sir* и вводного *I pray you heartily* в структуре *Stay yourself, sir,*

I pray you heartily. (1568, Fulwell U., "Like Will to Like", p. 322). В конструкции *This assurance how cometh it, declare, I pray you?* (1573, Daiches S., "New Custom", p. 46) наблюдаем сосредоточение двух предикативных маркеров, *declare* и *I pray you*, в постпозиции от вопросительного предложения.

В том случае, если принимающее маркеры предложение является сложным, тенденция к расположению маркеров не меняется. Они группируются на границе клаузем, то есть в начале одной клауземы и /или в финале другой. В конструкции *May not folks be honest, pray you, though they be poor?* (1553, Udall N., "Ralph Roister Doister", p. 60) наблюдаем два маркера, вводное предложение *pray you* и союзное наречие *though*, которое, согласно классификации Б. Фрейзера, может быть отнесено к контрастивным маркерам [10]. В предложении *Yea, and add whatsoever thou canst, I thee pray, and I will avouch it, whatsoever it be*. (1553, Udall N., "Ralph Roister Doister", p. 50) маркеры располагаются в начале конструкции и на границе клаузем. Подобное же расположение вводного предложения и обращения наблюдаем в примере *Pray how long is't, brother, since you left Spain?* (1662, Tuke S., "The Adventures of Five Hours", p. 28).

Можно предположить, что функция разновидностей структуры *I pray you/thee* в живой речи изучаемого периода, не зависимо от того, находится ли она в составе фатического «блока» или же является единственным прагматическим маркером в конструкции, связана с местом размещения. При расположении в начале конструкции основным её назначением служит привлечение внимания собеседника, при расположении в концовке – смягчение категоричности высказывания. Эмотивная составляющая также присутствует – употреблением маркера адресант демонстрирует настойчивость в желании получить ответную реакцию адресата, акциональную или вербальную. В тексте пьесы функции *I pray you/thee*, несомненно, другие. Авторы включают маркер в предложения реплик персонажей, используя те его формы, которые употребляются современниками в повседневной жизни, для придания как можно большей естественности речи действующих лиц. Размещая маркер в объёмных конструкциях, состоящих из нескольких клаузем, его используют как средство, структурирующее отрезок речи актёра для облегчения восприятия слушающим (зрителем), как средство заполнения паузы. При создании рифмованного текста авторы располагают маркер в конце строфы, при этом возможности для подбора рифмы расширяются, благодаря неустойчивому порядку слов и непостоянному количеству составляющих в изучаемой структуре.

Рассматривая вводное предложение *I pray you / thee* в диахронии, можно заключить, что форма представления «обязательных» составляющих оборота в XIV–XV вв. отличается большим разнообразием. Так, глагол записывается в виде *pray* или *praye* с корневой *a*, и, кроме того, следуя старофранцузскому слову *preier*, с корневой *e* – *preye* или *preu*. В XVI в. идёт процесс постепенного приведения к единообразию написания глагола и нам встретились только формы *praye* и *pray*. Также намечается тенденция к стандартизации написания местоимения, служащего дополнением, и из разнообразия форм местоимений 2 лица, которые в обороте XIV–XV вв. выглядят как *uow* или *thee*, а также *the*, *þe*, остаются две – *you* и *thee*.

Количество «обязательных» слов в обороте с течением времени уменьшается. Если для XIV–XV вв. характерно сохранение всех трёх составляющих и, кроме того, в структуру могут включаться и дополнительные элементы (наречия, модальные глаголы), то в первой половине XVI в. такой подход авторов к отражению оборота в тексте сохраняется, а во второй половине XVI и в XVII вв. наблюдается тенденция к элиминированию «обязательных» местоимений, подлежащего и дополнения, с образованием структуры *pray*. Таким образом, можно говорить о характерном сокращении оборота *I pray you / thee* до *pray*, скорее, не к XVI в., а к концу XVII века.

Словорасположение во вводном предложении *I pray you / thee* в XIV–XV вв. не имеет определённых норм. Авторы успешно используют способность оборота менять порядок составляющих и размещают его в конце строфы, обеспечивая возможность рифмования с нужным словом. Так, в примере

Dere leman, y prey þe

Bi wille þatow tel to me. (1300s, "The Romance of Guy Warwick")

слово *þe* поставлено в обороте в постпозицию от глагола с целью подобрать рифму для завершающего следующую строфу слова *me*. Иной порядок компонентов во вводном предло-

жении, с расположением глагола-сказуемого после местоимения-дополнения, можно видеть в отрывке

*Isaac: when I am dede, and closed in clay,
who shall then be youre son?*

Abraham: A, lord, that I shuld abide this day!

Isaac: sir, who shall do that I was won?

Abraham: speke no sich wordis, son, I the pray. (1300s, "Abraham. The Towneley Plays").

В нём поэтический текст имеет сложную структуру, первая, третья и пятая строфы рифмуются между собой. Первая и третья заканчиваются словами *clay, day*. Финальная клаузема в предложении пятой строфы должна заканчиваться словом *pray*, поэтому сказуемое и дополнение во вводном предложении меняются местами. Таким образом, порядок составляющих в обороте обусловлен запросами рифмы и может легко перестраиваться.

Авторы Ренессанса также применяют приём перемены мест сказуемого и дополнения для рифмованного текста. Если оборот употребляется в предложении нерифмованного текста, в нём устанавливается порядок слов «подлежащее + сказуемое + дополнение».

Оформление вводного оборота в виде главной клауземы, как это наблюдается, например, в «Кентерберийских рассказах» *I pray yow alle that ye nat yow greve*; (1380-1390-е, Chaucer G., "The Reves Tale"), в XVI-XVII вв. уже не встречается.

Если в предложении XIV–XV вв. сочетание *I pray you / thee* является единственным прагматическим маркером, оно размещается преимущественно в начале или финале конструкции. Такая тенденция сохраняется и в последующие два века. Если же в предложении употребляется несколько маркеров, то они сконцентрированы также либо в начале, либо в финале, то есть «точечно». Кроме того, наблюдаются варианты «рамочного» размещения от двух до пяти маркеров в конструкции, когда в пре- и постпозиции от принимающего предложения находятся не только *I pray yow / thee*, но и непредикативные маркеры, например, обращения (*gode suster, dame, son, sir, good sir*), союзы (*and*), наречия (*therforee, nowe, now, specially, yet*), устоявшиеся сочетания (*for goddess sake*), восклицания (*loo*), а также предикативные, как *telleth me, tell me*. В произведениях XVI в. разнообразие сочетаемых с оборотом маркеров несколько уменьшается, уменьшается также и количество маркеров, включаемых в одно предложение вместе с *I pray yow / thee*. К концу XVII в. вместе с *I pray / pray* в предложении размещаются в основном восклицания (*why*), союзы (*and*), обращения (*sir*).

Заключение.

В работе исследованы предложения, содержащие вводную клаузеку *I pray you* и её разновидности. Лексический материал подбирался из текстов диалогов пьес, созданных в XVI и XVII вв.

Показано, что начало рассматриваемого периода характеризуется наибольшим разнообразием форм изучаемого оборота. Это разнообразие формируется из-за нескольких процессов, действующих на вводное предложение. Первый – увеличение собственного объёма клауземы путём добавления наречий (как *now, still, hartly*), модальных глаголов (например, *shall*). Второй – изменение в оформлении и, вполне вероятно, произношении составляющих слов с появлением разновидности *I prythee* и её вариантов. Третий процесс – редукция компонентов. Элиминированию подвержены местоимения – подлежащее и / или дополнение. Ближе к концу рассматриваемого периода наблюдается некоторое уменьшение разнообразия и сужение количества разновидностей преимущественно до форм *I pray, pray, prythee*.

Располагая оборот относительно принимающего предложения, авторы дополняют его другими маркерами, предикативными (как *tell me, tell, declare*) и непредикативными (*but, why* и др.). Сочетания нескольких прагматических маркеров размещаются преимущественно в начале или финале конструкции или входящих в её состав клаузем, что наблюдалось также и в текстах XIV–XV вв.

© Меркурьева Н.Ю., 2021

Источники иллюстративного материала

- Bale John. *Kynge Johan. A play in two parts.* By John Bale. London: Ed. J. Bowyer Nichols and Son, 1838. 110 p.
- Cooke Joshua. *How a Man May Choose a Good Wife from a Bad. A Select Collection of Old English Plays.* V. 9. London: Reeves and Turner, 1874. 576 p.
- Daiches Samuel. *New Custom. A Select Collection of Old English Plays.* V. 3. London: Reeves and Turner, 1874. 359 p.
- Day John. *The Return from Parnassus: or, the Scourge of Simony. A Select Collection of Old English Plays.* V. 9. London: Reeves and Turner, 1874. 576 p.
- Fulwell Ulpian. *Like Will to Like. A Select Collection of Old English Plays.* V. 3. London: Reeves and Turner, 1874. 359 p.
- Greene Robert. *The Comedy of Mucedorus.* Halle: Ed. Max Niemeyer, 1878. 79 p.
- Haughton William. *Englishmen for my Money; or, A Woman Will Have Her Will. A Select Collection of Old English Plays.* V. 10. London: Reeves and Turner, 1874. 564 p.
- Heywood John. *The Mery Play between the Pardoner and the Frere, the Curate and Neybour Pratte. The Dramatic Writings of John Heywood. Early English Dramatists.* Vol. 5. London: Ed. John S. Farmer, 1905. 280 p.
- Jonson B, Fletcher Th., Middleton Th. *The Widow. A Select Collection of Old Plays.* V. 12. London: Ed. Isaak Reed, 1827. 422 p.
- Killigrew William. *Pandora: a Comedy or the Converts. Fovr New Playes written by Sr. William Killigrew.* Oxford: Ed. Ric. Davis, 1666. 246 p.
- Shakespeare William. *The Merry Wives of Windsor. The Works of William Shakespeare in nine volumes.* V. 1. Cambridge and London: Macmillan & Co, 1863. P. 161-292.
- Still John. *Gammer Gurton's Needle. A Select Collection of Old English Plays.* V. 3. London: Reeves and Turner, 1874. 359 p.
- Tomkis Thomas. *Albumazar. A Select Collection of Old Plays.* V. 7. London: Ed. Isaak Reed, 1825. 456 p.
- Tuke Samuel. *The Adventures of Five Hours. A Tragi-comedy. A Select Collection of Old Plays.* V. 12. London: Ed. Isaak Reed, 1827. 422 p.
- Udall Nicholas. *Ralph Roister Doister. The Dramatic Writings of Nicholas Udall.* London: Ed. John S. Farmer, 1907. 160 p.

Список литературы

1. Аракин В. Д. История английского языка. М.: Физматлит, 2009. 304 с.
2. История английской литературы. Т.1, вып. 1. М-Л: Изд-во АН СССР, 1943. 324 с.
3. История английской литературы. Т.1, вып. 2. М-Л: Изд-во АН СССР, 1945. 655 с.
4. Меркурьева Н.Ю. Предикативные прагматические маркеры в предложениях текста пьесы XVI в. // Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 4. С. 138-148.
5. Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com> (дата обращения 10.03.2021)
6. Словарь лингвистических терминов Жеребило. URL: https://gufo.me/dict/linguistics_zherebilo (дата обращения 19.09.2021)
7. Швейцер А.Д. Американский вариант литературного английского языка: пути формирования и современный статус. // Вопросы языкознания. 1995 № 6. С. 3-16.
8. The Dictionary of Literary Biography. V. 18, 21, 32, 39, 58, 62. Michigan: A Briccoli Clark Book. 1982-1987.
9. A Dictionary of Literature in the English Language. V. 1-2. Oxford: Pergamon Press, 1970.
10. Fraser B. What are discourse markers? // Journal of Pragmatics. 1999. № 31. P. 931-952.
11. Merkuryeva N.Yu. Pragmatic markers in the sentences from Renaissance artworks. Сборник материалов международной научной конференции «Наука. Образование. Практика» Ч. 2. Торонто: Инфинити, 2020. С. 79-84.
12. The New Cambridge Bibliography of English Literature. V. 1-5. Cambridge: At the University Press, 1977.
13. Reference Guide to English Literature. V. 1-3. Chicago and London: St. James Press, 1991.

References

1. Arakin, V.D. *Istoriia angliiskogo iazyka* [A history of the English language] / V.D. Arakin. Moscow: Fizmatlit, 2009. 304 p.
2. *Istoriia angliiskoi literatury* [The History of the English Literature]. Vol. 1. Issue 1. Moscow-Leningrad, Academy of Science Publ. 1943. 324 p.
3. *Istoriia angliiskoi literatury* [The History of the English Literature]. Vol. 1. Issue 2. Moscow-Leningrad, Academy of Science Publ. 1945. 655 p.
4. Merkuryeva, Natalia Y. Predicativnye pragmaticheskie markery v tekste piesy XVI v. [Predicative pragmatic markers in the XVI century play text sentences] / N.Y. Merkuryeva // *Gumanitarnye i sotsialnye nauki* [Social and Human Sciences Journal]. 2020. № 4. P. 138-148.
5. *Online Etymology Dictionary*, <https://www.etymonline.com>.
6. *Slovar lingvisticheskikh terminov Zherebilo*. [Zherebilo Dictionary of linguistic terms], https://gufo.me/dict/linguistics_zherebilo. (дата обращения 19.09.2021)
7. Shveitser, A.D. *Amerikanskii variant literaturnogo angliiskogo iazyka: puti formirovaniia i sovremennyi status.* / A.D. Shveitser // *Voprosy Iazykoznaniiia* [Voprosy Jazykoznanija (Topics in the Study of Language)]. 1995. № 6. P. 3-16.
8. *The Dictionary of Literary Biography*. V. 18, 21, 32, 39, 58, 62. Michigan: A Briccoli Clark Book, 1982-1987.

9. *A Dictionary of Literature in the English Language*. V. 1-2. Oxford: Pergamon Press, 1970.
10. Fraser, B. What are discourse markers? // *Journal of Pragmatics*. 1999. № 31. P. 931-952.
11. Merkuryeva, N.Yu. Pragmatic markers in the sentences from Renaissance artworks. Materials of the International Scholarly Conference «Science. Education. Practice». Part 2. Toronto: Infinity, 2020. P. 79-84.
12. *The New Cambridge Bibliography of English Literature*. V. 1-5. Cambridge: At the University Press, 1977.
13. *Reference Guide to English Literature*. V. 1-3. Chicago and London: St. James Press, 1991.

Сведения об авторе:

Меркурьева Наталья Юрьевна – кандидат химических наук, доцент кафедры юриспруденции МГУУ ПМ им. Ю.М. Лужкова. Область научных и профессиональных интересов: теоретическая грамматика, грамматика разговорной диалогической речи, исторический синтаксис английского языка.
E-mail nata2lya1@mail.ru

About the author:

Merkuryeva Natalia – PhD, Associate Professor of Moscow Metropolitan Governance Yury Luzhkov University (Moscow, Russia). Spheres of research interest: theoretical grammar, spoken language grammar, historical syntax. E-mail: nata2lya1@mail.ru

* * *

SEMANTIC COMPONENTS OF THE RUSSIAN PREPOSITION “ЧЕРЕЗ” IN COMBINATION WITH DIFFERENT LOCUMS AND ITS EXPRESSION IN THE PERSIAN LANGUAGE

M. Estiri, Kh. Torkashvand

Gonbad Kavus university,
4971799151, Iran, Golestan, Gonbad Kavus, st. Falahi, Basirat Blvd.

Abstract. *In the Russian language the preposition “через (through)” is used in its typical contexts to refer to spatial characteristics in which an action or movement takes place. However, there are cases in the Persian language when there is no clear boundary among the spatial prepositions corresponding to the preposition “через (through)”, which causes difficulty for Iranian learners to choose the correct one. At the same time one and the same Persian preposition can be expressed by different Russian prepositions which lead to regular mistakes in the speech of Iranian students. Thus, for instance, Iranian students use the preposition “az miyan-e” / (among) in the meaning of the Russian prepositions “через” (through), “mezhdū”, “ckvoz” (within) and “iz” (from), although these prepositions are different in meaning and function. In this article, the locations used in combination with the preposition “through” are systematically classified to explain their specific features. In addition, the ways of expressing the spatial meanings of the preposition “through” in the Persian language are addressed in order to raise Iranian learners’ awareness of possible mistakes. The novelty of the article is in the attempt to compare semantic and spatial features of the Russian preposition “через (through)” with its correlates in the Persian language. The findings of this study can be of interest to RFL teachers, in particular in Iran, as they will highlight common mistakes in the speech of Iranian learners when using the preposition “through”, and to RFL textbook developers.*

Key Words: *spatial relations, space, route of movement, object, preposition “через (through)”, locum, the Russian language, the Persian language*

For citation: M. Estiri, Kh. Torkashvand (2021). Semantic Components of the Russian Preposition “Через” in Combination With Different Locums and its Expression in the Persian Language. *Philology at MGIMO*, 7(3), pp. 43–52. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-3-27-43-52>

СЕМАНТИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ ПРЕДЛОГА «ЧЕРЕЗ» В СОЧЕТАНИИ С РАЗНЫМИ ЛОКУМАМИ И СПОСОБЫ ЕГО ВЫРАЖЕНИЯ В ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКЕ

М. Эстири, Х. Торкашванд

Университет Гонбад-Кавус,
4971799151, Иран, Голестан, г. Гонбад-Кавус, ул. Фалахи, конец бульвара Басират.

Аннотация. В русском языке предлог «через» употребляется в характерных для него ситуациях и конкретизирует характеристику локума, в котором происходит действие или движение. Однако есть случаи, когда в персидском языке отсутствует чёткая граница между значениями пространственных предлогов, соответствующих предлогу «через», и это вызывает ошибки у иранских обучающихся при выборе правильного пространственного предлога. С другой стороны, один и тот же персидский предлог способен выражаться разными русскими предлогами, употребление которых в речи иранских студентов сопровождается своеобразными и достаточно устойчивыми ошибками. Так, иранские обучающиеся употребляют предлог *az tiyaan-e* в значении предлогов через, между, сквозь и из, в то время как семантика указанных предлогов и их употребление отличаются большим своеобразием. В статье систематизируются локумы в сочетании с предлогом «через», трактуются их специфика, изучаются способы выражения пространственных значений предлога «через» в персидском языке с целью способствовать осознанному усвоению пространственных средств с предлогом «через» у иранских обучающихся. Новизна статьи заключается в том, что впервые в иранской русистике предлог «через» сопоставляется со своими коррелятами в персидском языке по семантическим и пространственным особенностям. Результаты могут быть использованы в практике преподавания русского языка в иноязычной среде, в частности в Иране, с целью дальнейшей нейтрализации ошибок при употреблении предлога «через», а также методистами при составлении учебников и пособий по русскому языку как иностранному.

Ключевые слова: пространственные отношения, пространство, трасса движения, объект, предлог «через», локум, русский язык, персидский язык

Для цитирования: Эстири М., Торкашванд Х., (2021). Семантические компоненты предлога «через» в сочетании с разными локумами и способы его выражения в персидском языке. *Филологические науки в МГИМО*. 7(3), С. 43–52. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-3-27-43-52>

Чтобы полностью понять семантические компоненты предлога «через» в сочетании с разными локумами, прежде всего нужно разобраться в определении и свойствах пространства. Пространство – это категория, отражающая местонахождение, расположение и форму материальных явлений и предметов. Категория пространства рассматривается в разных науках. Так, применительно к лингвистике пространство можно рассматривать как категорию, отражающую местонахождение (зону, участок) каких-либо объектов действительности относительно субъекта, вступающего с ними в субъектно-объектные отношения, или относительно друг друга (объектно-объектные отношения), а также как характеристику расстояния между ними (протяжённость, даль, близь) [5]. Категория пространства выражается пространственными от-

ношениями. Под пространственными отношениями понимаются различные положения лиц или предметов относительно друг друга [10, с. 150].

Пространственные отношения – это отношения, которые связывают позиционируемый объект и локум. Пространственные отношения уточняются спецификой локума и положением объекта относительно локума. Локум – пространство, предмет, лицо, представляемые как ориентир, относительно которого характеризуется локализуемый объект [4, с. 282]. Локализуемым объектом может быть предмет, лицо, событие, явление и т.п. [Там же]. По определению М.В. Всеволодовой и Е.Ю. Владимирского локум – трасса движения, составляя часть пути движения, входит в него целиком [3, с. 126]. Также, по их мнению, в значении локума содержатся два нюанса: а) локум – путь сообщения; б) локум – преодолеваемое пространство [Там же]. Кроме того, на взгляд авторов статьи, локум может быть препятствием или сопредельным пространством.

В русском языке пространственные отношения выражаются разнообразными способами:

- 1) морфологическим средством (существительное в косвенном падеже без предлога: Дорога шла *сосновым лесом*;
- 2) лексическим средством (наречие, которое выражает пространственное значение: Домик *снаружи* покрасили голубой краской;
- 3) синтаксическим средством: а) предлог в сочетании с существительным или местоимением в косвенном падеже: Мы шли *через* лес. б) сложноподчинённое предложение с пространственным значением: Я ходил в кино, где показывали фильм.

Наиболее употребительным грамматическим средством со значением пространственных отношений является синтаксическое средство, то есть сочетание предлогов с падежными формами имён существительных или местоимений.

В персидском языке категории падежа и рода отсутствуют, и пространственные отношения выражаются наречиями и предлогами в сочетании с существительными или местоимениями. Не изменяясь и не являясь членами предложения, в русском и персидском языках предлоги выражают разные отношения, включая пространственные. В русском языке пространственные предлоги существуют во всех падежах, кроме именительного. Сравнить систему средств выражения пространственных отношений между персидским и русским языками невозможно, потому что русский язык является типичным флективным языком, а персидский – аналитическим, то есть формы слов в различных ситуациях употребления остаются неизменными. Кроме того, в зависимости от системы родного языка каждый воспринимает локум по-своему и выражает его разнообразными способами. Помимо отсутствия падежной системы в персидском языке, наблюдается и отсутствие однозначного межъязыкового соответствия между русскими и персидскими предлогами. Так, предлог *az miyan-e* соответствует русским предлогам *через, между, сквозь* и *из*, а предлоги *az dakhel-e, az vasat-e, az beyn-e, az miyan-e, az, az tarigh-e, az ru-ye, az faraz-e* – русскому *через*.

Следует отметить, что в существующих грамматиках персидского языка семантические особенности предлогов специально не рассматриваются. Иначе говоря, из-за ограничений, связанных с аналитическим строем персидского языка и отсутствием в нём падежей, иранским лингвистам не удалось всесторонне раскрыть все значения многих из персидских предлогов. С другой стороны, значения, данные в двуязычных словарях, не всегда дают возможности установить и сопоставить семантические различия между синонимичными предлогами, в частности *через* и *сквозь*. В русско-персидских словарях Г.А. Восканяна [2] и И.К. Овчинниковой [6] предлог «через» в значении пространственных отношений выражен предлогами *az, az miyan-e, az ru-ye, ru-ye, az faraz-e, az bala-ye, az vasat-e, az tarigh-e, az rah-e*.

Как в русском, так и в персидском языке предлоги как служебные слова классифицируются по-разному. В русском языке предлоги разделяются по строению на производные, или первообразные, (*через, сквозь, без, кроме, между* и т.д.) и производные, или непервообразные, (*вдоль, благодаря, не смотря на, вблизи* и т.д.), по значению – на пространственные (*через, сквозь, в, на, у, около* и др.), временные (*до, через, в, на, перед, в течение* и др.), причинные (*от, со зла, за, из-за, в силу, по случаю, благодаря* и др.), целевые (*в, по, к, за, для, ради* и др.), образ действия (*с, без, в, от* и др.) и объективные (*о, про, с, по, насчёт, относительно* и др.), по структуре – на простые (*через,*

сквозь, мимо, путём и др.), сложные (из-за, из-под и др.) и составные (в отличие от, по отношению к и др.), по значению – на однозначные (при, к, у, из и др.) и многозначные (на, в, с, по и др.).

В персидском языке Ю.А. Рубинчик разделяет предлоги по своему происхождению на первичные (собственно предлоги, основные предлоги) и вторичные (производные, отыменные, изафетные) [7, с. 311]. Вторичные предлоги часто сочетаются с первичными предлогами: *az miyan-e*, *az dakhel-e*, *az vasat-e* и т.п.

Кроме того, на основе классификации таких иранских грамматистов, как Х. Фаршидвард [15], Х. Ахмади-Гиви и Х. Анвари [11], персидские предлоги бывают простые и сложные в зависимости от их состава. Простые предлоги состоят из одного слова (*az* – через, сквозь, из, от, у; *bā* – в, на, к), сложные – из двух слов (*az miyan-e* – через, из, сквозь, между, по; *ghabl az* – к, перед, до), а иногда – из трёх (*be gheyr az* – кроме).

Ряд современных ведущих грамматистов персидского языка, такие как Х. Хатиб-Рахбар [12], М.Дж. Шариат [14], А. Хаямпур [13] и др., рассматривали персидские предлоги с точки зрения семантики.

На основании приведённых вышеуказанными авторами толкований предлог *az miyan-e* в зависимости от контекста может обозначать направление движения и действия из внутренней стороны, части локума к наружной. В этом же значении можно употреблять и предлог *az dakhel-e*, являющийся синонимом к предлогу *az miyan-e*, но в русско-персидских словарях Г. А. Восканяна [2] и И. К. Овчинниковой [6] он не указан как коррелят предлога «через». Предлоги *az dakhel-e* и *az miyan-e* относятся к нейтральному стилю речи. Предлоги *az miyan-e*, *az vasat-e* и *az beyn-e* выражают направление движения и действия через центр, по центру, а не по периферии локума. В персидском языке данные предлоги отличаются друг от друга не значением, а стилистикой. Предлог *az-miyan-e* свойствен книжному стилю речи, а предлоги *az vasat-e* и *az beyn-e* – нейтральному. Предлоги *az ru-ye*, *az bala-ye* и *az faraz-e* указывают на направление движения или действия контактно по поверхности локума или поверх его верхней границы. Предлоги *az ru-ye* и *az bala-ye* используются в нейтральном стиле, а предлог *az faraz-e* – в книжном. Предлоги *az tarigh-e* и *az rah-e* указывают на трассу движения или локума, через которые преодолевается локум или достигается какая-то цель. Предлог *az tarigh-e* относится к книжному стилю речи, а предлог *az rah-e* – к нейтральному. Предлог *az arz-e*, который соответствует предлогу «через» и значение которого не указано в русско-персидских словарях, выражает перемещение или движение, которое совершается поперёк локума (с одной стороны локума на другую сторону), а не вдоль него. Этот предлог употребляется в нейтральном стиле речи. Предлог *az* относится к нейтральному стилю речи и его нередко можно заменить любым из вышеуказанных предлогов.

В «Словаре русского языка в четырёх томах» под редакцией А.П. Евгеньевой [8] указано тринадцать значений предлога «через», из которых семь значений сосредоточены на пространственных отношениях, а в «Словаре современного русского литературного языка» [9] приведены десять общих значений предлога «через», пять из которых являются пространственными.

Предлог «через» употребляется для выражения специфического характера движения и перемещения в локуме. Он показывает данный специфический характер перемещения структурой *через + В.п.* в сочетании с приставочными и бесприставочными глаголами движения, а также глаголами зрительного и слухового восприятия и воздействия. Ниже перейдём к рассмотрению семантических компонентов предлога «через» в различных локумах и способам его выражения в персидском языке.

Предлог «через» является простым, непроизводным (первообразным) и употребляется только с винительным падежом (однозначным). На взгляд Е.Ю. Владимирского, главное значение предлога «через» в сочетании с существительными в винительном падеже – пересечение и преодоление какого-либо локума, чаще по его поверхности [1].

В «Книге по грамматике» под редакцией А.В. Величко указано, что этот предлог подчёркивает однонаправленность движения, подразумевает достижение конца локума (движение из конца в конец) [4, с. 304]. В этой книге локум в сочетании с предлогом «через» рассматривается с двух аспектов: с одной стороны, локум и его протяжённость преодолевается без трудностей, с другой

стороны, локум, по (на) поверхности которого существуют препятствия, преодолевается с физическими трудностями [4].

В зависимости от разновидности локума и характера перемещения употребляются разные семантические компоненты предлога «через», которые перечислены ниже:

1. Предлог «через» в сочетании с существительными *брод, переход, туннель, канал, пролив, коридор, переулок, труба, ущелье* и т.п. демонстрирует сооружённый или природный путь с ограниченной шириной и незначительной протяжённостью, соединяющий два локума [1], [4]. В этой особой позиции локум составляет часть общего пути. Предлог «через» в сочетании с данными локумами может описывать путь движения, который протягивается в направлении длины локума. Наиболее ясно это значение выявляется при глаголах движения с приставкой *про*, хотя и употребление бесприставочных глаголов движения возможно:

Когда поезд ехал *через* туннель, в вагонах включили свет. – Vaghti ghatar az *dakhel-e* (az *miyan-e*) (az) tunel harekat mikard, cheragh-ha-ye dakhel-e vagon-ha ra roshan kardand.

Катер долго плыл *через* пролив, прежде чем вышел в открытое море. – Navche ghabl az inke vared-e darya-ye azad shavad, modat-e tulani az (az *dakhel-e*) (az *miyan-e*) natge harkat mikard.

Корабли проплыли *через* канал и вышли в открытое море. – Keshti-ha az (az *dakhel-e*) (az *miyan-e*) kanal ubur kardand va vared-e daryaye azad shodand.

Предлог «через» в сочетании с существительными, демонстрирующими этот специфический характер локумов, соответствует сложным предлогам *az dakhel-e*, *az miyan-e* и простому предлогу *az*. В данной позиции предлоги *az*, *az miyan-e* и *az dakhel-e* в сочетании с локумами могут указывать на направление движения и действия из внутренней части локума к наружной части, то есть в направлении длины локума. В этом значении предлоги *az*, *az dakhel-e* и *az miyan-e* синонимичны.

Также, в этой же ситуации конструкция *через + В.п.* в сочетании с глаголами с другими приставками и особенно с бесприставочными выражает локум, который может преодолеваться как вдоль, так и поперёк. В этом значении контекст выполняет особую функцию:

Мальчик побежал *через* переулок к себе домой. – Pesar bache az kuche be samt-e khane david.

Из этого предложения не следует, как мальчик проходил путь – вдоль или поперёк переулка. Если локум преодолевается поперёк, то в данной позиции предлог «через» совпадает с предлогами *az* и, точнее, *az arz-e* в персидском языке, указывающими на направление движения с одной стороны в другую сторону локума.

2. Предлог «через» в сочетании с существительными, называющими протяжённый локум с линейной особенностью (дорога, улица, переулок, река, тропинка, овраг, долина), выражает перемещение или движение, которое совершается поперёк (с одной стороны локума на другую), а не вдоль локума. Конструкция *через + В.п.* выражает это значение в сочетании с глаголами с приставкой *пере*, однако оно возможно и при глаголах с другими приставками, а также при бесприставочных глаголах движения [1, с. 28]:

Мы собрались на лодке переплыть *через* реку. – Ma tasmim gereftim ba ghayegh az (az *arz-e*) rudkhane ubur konim.

Из-за машин мы долго не могли перейти *через* улицу. – Bekhater-e mashin-ha modat-e tulani nemitavanestim az (az *arz-e*) khiyaban ubur konim.

Офицер, перегибаясь *через* стол, что-то говорил даме, держа её тонкую руку. – Afsar ba kham shodan ru-ye miz, dar halike dast-e zarif-e zan ra gereft-e bud, chizi be u goft.

Мальчик бежит *через* улицу. – Pesar bache az (az *arz-e*) khiyaban davan davan migozarad.

Из примеров следует, что предлог «через» с этим значением совпадает, прежде всего, с простым предлогом *az*, а временами и со сложным предлогом *az ru-ye*. В этом значении предлог *az* обозначает перемещение и движение поперёк локума, а предлог *ru-ye* – движение и действие контактно по поверхности локума. В персидском языке, чтобы более конкретно уточнить значение перемещения и движения поперёк локума, можно употреблять сложный предлог *az arz-e*.

Также, при локумах с линейной особенностью предлог «через» способен передавать движение вдоль всего локума и по всей его протяжённости (из конца в конец). В данной ситуации, локум сопровождается глаголами с приставкой *про* и бесприставочными глаголами:

Мы прошли *через* всю улицу, но аптеки не увидели. – Ma tamam-e khiyaban ra posht-e sar gozashtim, amma darukhane-i nadidim.

Предлог «через» в сочетании с локумами, которые обозначают движение вдоль всего локума и по всей его протяжённости, не переводится на персидский язык, потому что в данной ситуации персидские глаголы являются переходными и требуют послелога *ra*. В данном конкретном случае глагол *posht-e sar gozashtan* является переходным и употребляется не с предлогом, а с послелогом *ra*.

3. Предлог «через» может употребляться с локумами с нечёткой, неясной линейной протяжённостью при лимитных или нелимитных плоскостных пространствах (поле, степь, площадка, поляна, сад, лес и т.д.), а также с объёмными частями помещений (комната, кухня, зал). Предлог «через» в сочетании с вышеуказанными локумами обозначает: а) преодоление какого-либо участка локума по удалённой или отделённой от центра части локума, б) пересечение локума через центр, а не по периферии локума. Локум в этом значении употребляется, чаще всего, с глаголами движения с приставкой *про*, или временами с бесприставочными глаголами. В персидском языке при преодолении и пересечении пути движения через центр предлог «через» выражается сложными предлогами *az miyan-e*, *az vasat-e*, *az beyn-e* и *az*:

Дети пробежали *через* сад. – Bache-ha davan davan *az miyan-e* (*az vasat-e*) (*az beyn-e*) (*az*) bagh gozashtand.

Туристы долго шли *через* поле. – Turist-ha moddat-e tulani dashtand *az miyan-e* (*az vasat-e*) (*az beyn-e*) (*az*) keshtzar miraftand.

Мы шли *через* пшеничное поле. – Ma *az miyan-e* (*az vasat-e*) (*az beyn-e*) (*az*) gandomzar miraftim.

При преодолении и пересечении какого-либо участка локума по удалённой или отделённой от центра части локума предлог «через» соответствует сложному предлогу *az dakhel-e*, *az miyan-e* или простому предлогу *az*:

Дети пробежали *через* сад. – Bache-ha davan davan *az miyan-e* (*az dakhel-e*) (*az*) bagh gozashtand.

Туристы долго шли *через* поле. – Turist-ha moddat-e tulani dashtand *az* (*az dakhel-e*) (*az miyan-e*) keshtzar miraftand.

Мы шли *через* пшеничное поле. – Ma *az* (*az dakhel-e*) *az miyan-e* gandomzar miraftim.

В этом значении предлоги *az*, *az dakhel-e* и *az miyan-e*, будучи синонимами, обозначают направление движения и действия с внутренней части локума к наружной, а не по центру.

4. Предлог «через» иногда употребляется в тех случаях, когда локум пересекается и преодолевается для достижения какой-то цели; локумы, указывают на дальнейшую цель движения [1, с. 30]:

Мы шли к метро *через* парк. – Ma *az dakhel-e* (*az miyan-e*) (*az rah-e*) (*az*) (*az tarigh-e*) park be samt-e metro miraftim.

Туристы шли к реке *через* лес. – Gardeshgar-an *az dakhel-e* (*az miyan-e*) (*az*) (*az tarigh-e*) (*az rah-e*) jangal be samt-e rudkhane miraftand.

В этом значении предлог «через» сосредоточивается не на направлении движения по центру, периферии или протяжённости локума, а на преодолении локума для дальнейшей цели движения.

Также, в этом же значении локум может быть населённым пунктом, через который пересекается локум для достижения цели:

Когда ехали *через* Москву, видели много новых зданий. – Vaghti dashtim *az dakhel-e* mosko miraftim sakhteman-ha-ye jadid-e ziyadi mididim.

Из Ленинграда в Киев мы ехали *через* Москву. – Ma *az tarigh-e* (*az rah-e*) mosko az leningrad be kiev miraftim.

Поскольку в этом значении предлог «через» сосредоточен не на трассе локума, а только на преодолении локума для дальнейшей цели движения, он передаётся на персидском языке сложными предлогами *az dakhel-e*, *az miyan-e*, *az beyn-e*, *az tarigh-e*, *az rah-e*, а также простым предлогом *az*. В персидском языке предлоги *az tarigh-e* и *az rah-e* более конкретно указывают на преодоление локума для дальнейшей цели движения.

5. Предлог «через» в сочетании с рядом локумов (пустыня, пески, тайга, заросли колючего кустарника, крапива, болото и т.п.) обозначает в первую очередь преодоление препятствия с физическими трудностями, дискомфортом и неудобством:

Они шли *через* пустыни, их мучила жажда. Они замерзли в снегах... – *Anha az dakhel-e (az miyan-e) (az vasat-e) (az beyn-e) (az) biyaban-ha miraftand, teshnegi anha ra azar midad. Anha dakhele barf-ha yakh zade budand...*

Антон сорок дней шёл *через* пустыню и, наконец, подошёл к прекрасному замку, стоявшему на вершине горы. – *Anton chehl ruz az dakhel-e (az miyan-e) (az vasat-e) (az beyn-e) (az) biyaban miraft va saranjam be ghale-i ziba ke bar ru-ye ghole-ye kuh gharar gerefte bud, resid.*

Предлог «через» в сочетании с локумами, передающими преодоление препятствия с физическими трудностями, выражается сложными предложениями *az dakhel-e, az miyan-e, az vasat-e, az beyn-e*, а также простым предлогом *az* в персидском языке. Локумы, такие как пустыня, пески, тайга, заросли колючего кустарника, крапива, болото и их персидские корреляты, показывают чаще пространства, которые преодолеваются с физическими трудностями. Предлог «через» и его персидские эквиваленты в сочетании с данными локумами передают семантику преодоления с трудом.

6. Предлог «через» употребляется с вертикальными локумами, которые приходится преодолевать вертикально, поверх их верхней границы (забор, ограда, стена, ворота) [4, с. 305]. Кроме вертикальных локумов, возможно употребление разнообразных барьеров и препятствий, поверх верхней границы которых совершается движение или действие. Также, предлог «через» при вертикальных локумах и разнообразных барьерах и препятствиях обозначает как контактное преодоление препятствия, так и бесконтактное преодоление препятствия (по воздуху):

Ребята забрались в сад *через* забор. – *Bache-ha az ru-ye hesar vared-e bagh shodand.*

Ворота были такие высокие, что перелезть *через* них никто не мог. – *Darvaze anghadr boland bud ke hichkas nemitavanest az ru-ye an be an taraf beravad.*

Дети прыгнули *через* костёр. – *Bache-ha az ru-ye (az bala-ye) atash paridand.*

Тренер прыгнул *через* конь. – *Morabi az ru-ye (az bala-ye) kharak parid.*

Предлог «через» в сочетании с данными локумами соответствует сложным предложениям *az ru-ye* и *az bala-ye* в персидском языке. Предлоги *az ru-ye* и *az bala-ye* выражают движение или действие, которое совершается по поверхности локума или поверх его верхней границы.

7. Предлог «через» при обозначении проёмов, проходов, вертикальных открывающихся преград (окно, дверь, форточка, проём, калитка, ворота, иллюминатор) передаёт значение «горизонтально пересекать, воспринимать, минуя границу, создаваемую проёмом» [4, с. 305]. Кроме названных локумов, глаголы движения, глаголы преодоления пространства, а также глаголы звукового действия, зрительного и слухового восприятия, выполняют функцию выражения значения предлога «через» в такой ситуации:

Мы вошли в зал *через* главный вход. – *Ma az (az tarigh-e) (az rah-e) vorudi-ye asli vared-e salon shodim.*

Татьяна *через* иллюминатор наблюдала волнуемое море. – *Tatiyana az dariche darya-ye mavvaj ra negah mikard.*

Через открытое окно доносился запах сирени. – *Bu-ye yas az panjare-ye baz be masham miresid.*

В персидском языке для выражения предлога «через» в этой ситуации используются простой предлог *az* и сложные предлоги *az tarigh-e* и *az rah-e*, которые указывают на локумы, через которые совершается движение или действие или воспринимается чувство.

8. Предлог «через» может употребляться с существительными, называющими природные возвышенности и вертикальные преграды типа *стена, скала, камень, холм, хребет и стекло*, обладающие плотной и сплошной средой. Предлог «через» в сочетании с этими существительными и при глаголах движения с приставкой *про*, глаголах зрительного и слухового восприятия и воздействия, а также глаголах *проникать* и *проваливаться* обозначает движение и перемещение через тело локума:

Новая автотрасса пройдёт *через* скалу. – *Jadde-ye jadid az (az miyan-e) (az-dakhel-e) sakhre migozarad.*

Звуки не проходят *через* стены. – Seda-ha az (az dakhel-e) (az miyan-e) divar rad nemishavand.

Лучи солнца проникали *через* оконное стекло. – Ashaэ-ha-ye khorshid az (az dakhel-e) (az miyan-e) shishe-ye panjare ubur mikard.

Е.Ю. Владимирский выражает такое мнение, что употребление предлога «через» здесь менее предпочтительно и вместо него лучше употреблять предлог *сквозь* [1]. Предлог «через» с локумами со значением плотной и сплошной среды (*стена, скала и т.д.*) передаётся на персидский язык простым предлогом *az* и сложными предлогами *az miyan-e* и *az dakhel-e*. Предлоги *az miyan-e*, *az dakhel-e* и *az* в сочетании с локумами со значением плотной и сплошной среды указывают на локумы, из внутренней части которых проходит трасса, то есть движение через тело предмета.

9. С существительными типа *снег, вода, песок, земля, почва*, которые обозначают локумы, пропускающие через себя что-либо и обладающие проницаемой средой, может употребляться предлог «через». При таких локумах предлог «через» указывает на путь прохождения внутри пространства. В этом значении предлог «через» употребляется в сочетании с глаголами движения с приставкой *про* и глаголами *проникать, провалиться и прорваться*:

Через песок проникала вода. – Ab az dakhel-e (az darun-e) (az miyan-e) (az) mase nofuz mikard.

Речные воды прорываются *через* замёрзший уже слой грунта. – Ab-ha-ye rudkhane az dakhel-e (az darun-e) (az miyan-e) (az) laye-ye yakh zade-ye khak nofuz mikonand.

В персидском языке для выражения предлога «через» в этой ситуации употребляются простой предлог *az* и сложные предлоги *az dakhel-e*, *az darun-e* и *az miyan-e* со значением «из внутренней части», «изнутри» локума.

10. Предлог «через» способен употребляться с локумами типа *заросли, огород, чаща, листва, толпа*, обозначающими неплотную, несжатую и некомпактную среду, при глаголах движения с приставкой *про* и глаголы *проникать и провалиться*:

Кто-то большой, сильный шёл *через* лес, не разбирая дороги. – Shakhse bozorg va nirumandi bedun-e tavajo be rahash az (az miyan-e) (az dakhel-e) (az rah-e) jangal miraft.

Какой-то верховой продирается *через* кусты кизила. – Savarei az (az miyan-e) (az dakhel-e) (az rah-e) bute-ha-ye derakht-e zoghal akhte besakhti migozarad.

Эти люди знали, как пролезать *через* заросли. – In afraad midanestand chetor az (az miyan-e) (az dakhel-e) (az rah-e) butezar ubur konand.

Предлог «через» в сочетании с локумами, описывающими неплотную и несжатую среду, выражается сложными предлогами *az miyan-e*, *az dakhel-e*, *az rah-e* и простым предлогом *az*. В данной ситуации все указанные персидские предлоги являются синонимами. Предлог «через» и его персидские эквиваленты указывают на направление движения или действия из внутренней стороны, изнутри локума.

11. Предлог «через» употребляется при существительных, выражающих узкие и небольшие в ширине проходы, внутреннюю сквозную пустоту либо прерывность поверхности (*щель, отверстие, трещина, дыра*) с глаголами зрительного и слухового восприятия и воздействия, а также с глаголами типа *пробираться, пробиваться, проникать* [1]. В этой ситуации предлог «через» описывает меньшую степень трудности в преодолении препятствующей среды:

Вода проникала *через* трещины в сосуд. – Ab az dakhel-e (az miyan-e) (az tarigh-e) tarak-ha be dakhel-e zarf nofuz mikard.

Вода проникала *сквозь* трещины в сосуд. – Ab az labelaye (az la-ye) tarak-ha be dakhel-e zarf nofuz mikard.

Во втором предложении имеются в виду более узкие трещины. В этой ситуации предлог *сквозь* соответствует персидским предлогам *az labelaye* и *az la-ye*. Персидские эквиваленты предлога «через», то есть *az dakhel-e*, *az miyan-e* и *az tarigh-e* в сочетании с существительными со значением узких проходов не описывают степень трудности в преодолении препятствующего локума.

Заключение

Сравнение системы средств выражения пространственных отношений между персидским и русским языками представляет собой значительные трудности.

В русском языке пространственные значения и средства их выражения (предложно-падежные группы и наречия) многообразны и разнообразны, и, следовательно, основные трудности для иранских обучающихся связаны именно с семантикой и условиями функционирования средств выражения пространственных позиций объекта.

Предлог «через» в сравнении со своими эквивалентными предлогами в персидском языке описывает более конкретно специфику локумов и сред, другими словами, для выражения пространственных отношений с предлогом «через» в русском языке существует богатое разнообразие значений, образующих лексико-грамматическое поле пространственности. В русском языке локумы, употребляемые в конструкции *через + В.п.*, исключительно разнообразны. Разнообразие локумов даёт возможность выразить многообразие значений. Естественно, многообразие значений предлога «через» представляет большие трудности для иранских обучающихся, особенно при переводе с персидского языка на русский, так как в русском языке существуют другие предлоги, выражающиеся эквивалентами предлога «через» в персидском языке. Персидские эквиваленты предлога «через» показали, что чёткая граница среди значений предлогов со значением пространства отсутствует, и для перевода предлога «через» в большинстве ситуаций можно использовать один и тот же предлог. Чтобы избежать вызванных иранскими обучающимися ошибок, выделены семантические компоненты предлога «через» в сочетании с отдельными локумами, а также способы его выражения в персидском языке. Представляется, что наиболее эффективным способом для выделения семантических компонентов предлога «через» с разными локумами является систематизация локумов, которая способствует более глубокому осмыслению данного предлога. Анализ собранных примеров показывает, что предлог «через» может соответствовать разным персидским предлогам, и наиболее употребительными эквивалентами предлога «через» в персидском языке являются предлоги *az*, *az miyan-e* и *az dakhel-e*.

© Эстири М., Торкашванд Х., 2021

Список литературы

1. Владимирский Е.Ю. Выражение пространственных отношений [Электронный ресурс]. – URL: <http://journal.pushkin.institute/archive/archive/1979/79-1/> (дата доступа: 09.03.2021)
2. Восканян Г.А. Русско-персидский словарь / Г.А. Восканян. Тегеран: Кухсар, 2003. 830 с.
3. Всеволодова М.В. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке / М.В. Всеволодова, Е.Ю. Владимирский. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 288 с.
4. Книга о грамматике / под ред. А.В. Величко. СПб: Златоуст, 2018. 752 с.
5. Лагута Н.В. Изучение пространственных предлогов на занятиях по русскому языку как иностранному [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/journal/n/slovo-folklorno-dialektologicheskij-almanah?i=901199>
6. Овчинникова И.К. Русско-персидский словарь / И.К. Овчинникова, Г.А. Фуругян, Ш.М. Бади. Тегеран: Изд-во Джавадан-е Херад, 2009. 1092 с.
7. Рубинчик Ю.А. Грамматика современного персидского литературного языка / Ю.А. Рубинчик. Москва: Восточная литература, 2001. 600 с.
8. Словарь русского языка в четырёх томах, Т. 4 (с-я) / под ред. А.П. Евгеньевой. Москва: Русский язык, 1988. 800 с.
9. Словарь современного русского литературного языка, Т. 17 (х-я) / под редакцией Л.С. Ковтун, В.П. Петушков. Москва, Ленинград: Наука, 1965. 2126 с.
10. Яо Цзяжу. Средства выражения пространственных значений в русском и китайском языках (лингводидактический аспект) // Вестник РУДН: серия Русский и иностранные языки и методика их преподавания, Москва: Российский университет дружбы народов, 2016. С. 150-155.
11. احمدی گیوی حسن. انوری حسن. دستور زبان فارسی 1. تهران. انتشارات فاطمی. 1385. 256 ص.
12. خطیب رهر خلیل. دستور زبان فارسی: حروف اضافه و ربط. تهران. انتشارات سعدی. 1367. 543 ص.
13. خیام پور عبدالرسول. دستور زبان فارسی. تیریز. انتشارات شفق. 1344. 193 ص.
14. شریعت محمد جواد. دستور زبان فارسی. تهران. انتشارات اساطیر. 1372. 454 ص.
15. فرشیدورد خسرو. دستور مفصل امروز. تهران. انتشارات سخن. 1382. 703 ص.

References

1. Vladimirskii, E.Iu. Vyrazhenie prostranstvennykh otnoshenii [Expressing spatial relations], journal.pushkin.institute/archive/archive/1979/79-1/ (accessed: 09.03.2021)
2. Voskanian, G.A. *Russko-persidskii slovar'* [Russian-Persian Dictionary] / G.A. Voskanian. Tegeran: Kuhsar, 2003. 830 s.
3. Vsevolodova, M.V. *Sposoby vyrazheniia prostranstvennykh otnoshenii v sovremennom russkom iazyke* [Ways of expressing spatial relations in modern Russian] / M.V. Vsevolodova, E.Iu. Vladimirskii. Moskva: Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2009. 288 s.
4. *Kniga o grammatike* [A book about grammar] / pod red. A.V. Velichko. SPb: Zlatoust, 2018. 752 s.
5. Laguta, N.V. Izuchenie prostranstvennykh predlogov na zaniatiiakh po russkomu iazyku kak inostrannomu [The study of spatial prepositions in Russian language as a foreign language], cyberleninka.ru/journal/n/slovo-folkloro-dialektologicheskii-almanah?i=901199
6. Ovchinnikova, I.K. *Russko-persidskii slovar'* [Russian-Persian Dictionary] / I.K. Ovchinnikova, G.A. Furugian, Sh. M. Badi. Tegeran: Izd-vo Javedan-e Kherad, 2009. 1092 s.
7. Rubinchik, Iu.A. *Grammatika sovremennogo persidskogo literaturnogo iazyka* [Grammar of modern persian literary language] / Iu.A. Rubinchik. Moskva: Vostochnaia literatura, 2001. 600 s.
8. *Slovar' russkogo iazyka v chetyrekh tomakh*, T. 4 (s-ia) [Dictionary of the Russian language in four volumes, V. 4 (s-ia)] / pod red. A.P. Evgen'voi. Moskva: Russkii iazyk, 1988. 800 s.
9. *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo iazyka*, T. 17 (kh-ia) [Dictionary of modern Russian literary language, V. 17 (kh-ia)] / pod redaktsiei L.S. Kovtun, V.P. Petushkov. Moskva, Leningrad: Nauka, 1965. 2126 s.
10. Iao Tsziazhu. Sredstva vyrazheniia prostranstvennykh znachenii v russkom i kitaiskom iazykakh (lingvodidakticheskii aspekt) [Methods of expressing spatial meanings in Russian and Chinese languages (linguistic and didactic aspect)] // *Vestnik RUDN: seriia Russkii i inostrannye iazyki i metodika ikh prepodovaniia*, Moskva: Rossiiskii universitet druzhby narodov, 2016. S. 150-155.
11. Ahmadi-Givi Hasan. Anvari Hasan. *Dasture zabane farsi 1* [Persian grammar 1]. Tehran. Entesharate Fatemi [Fatemi Publication]. 1385. 256 s.
12. Khatib-Rahbar Khalil. *Dasture zabane farsi: horufe ezafe va rabt*. [Persian grammar: prepositions and conjunctions]. Tehran. Entesharate Saadi [Saadi Publication]. 1367. 543 s.
13. Khaiampur Abdo-Alrasoul. *Dasture zabane farsi* [Persian grammar]. Tabriz. Entesharate Shafagh [Shafagh Publication]. 1344. 193 s.
14. Shariat Mohammad-Javad. *Dasture zabane farsi* [Persian grammar]. Tehran. Entesharate Asatir [Asatir Publication]. 1372. 454 s.
15. Farshidvard Khosro. *Dasture mofassale emruz* [Contemporary detailed grammar]. Tehran. Entesharate Sokhan [Sokhan Publication]. 1382. 703 s.

Сведения об авторах:

Маджид Эстери – кандидат филологических наук, ассистент профессора, преподаватель кафедры иностранных языков университета Гонбад-Кавус (Иран). Сфера научных и профессиональных интересов: сравнительная грамматика (русского и персидского языков), лингвострановедение, лингвокультурология, перевод. E-mail: estiri@mail.ru

Хосро Торкашванд – кандидат филологических наук, ассистент профессора, преподаватель кафедры иностранных языков университета Гонбад-Кавус (Иран). Сфера научных и профессиональных интересов: сравнительная грамматика (русского и персидского языков), лингвострановедение, лингвокультурология, перевод. E-mail: khosro@mail.ru

About the authors:

Majid Estiri – Candidate of Philology, Assistant Professor, Lecturer at the Department of Foreign Languages of the University Gonbad Kavus (Iran). Research and professional interests: comparative grammar (Russian and Persian), linguistic and cultural studies, cultural linguistics, translation. E-mail: estiri@mail.ru

Khosro Torkashvand – Candidate of Philology, Assistant Professor, Lecturer at the Department of Foreign Languages of the University Gonbad Kavus (Iran). Research and professional interests: comparative grammar (Russian and Persian), linguistic and cultural studies, cultural linguistics, translation. E-mail: khosro@mail.ru

* * *

THE “CONCEPT – IMAGE – MOTIVE” TRIAD IN ARAB-AMERICAN FICTION LITERATURE

Maria A. Dubovitskaya

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. *Arab-American multicultural, or cross-cultural, literature related to different time periods is closely examined in the article. These writings are part of borderline literature due to the fact that the central theme in them is the theme of dual (transitional) identity. The author provides a definition of “liminality”, which is necessary when considering the phenomena of bilingualism and biculturalism. The relevance of the study is due to the growing interest in emigrant literature as a source of meanings scattered in the text, contributing to the understanding of the social and cultural context. The motive, image and the concept are singled out in the works of Arab-American literature to decode hidden meanings. The results of the analysis of the main motives, taken in diachrony, are presented, and their similarities and differences are revealed. The fact that the same motives, for example, the motives of nature and music, are found in completely different works, speaks of their semantic, cultural and literary significance. The novelty of the research is seen in the combination of linguo-literary and linguo-stylistic methods in the analysis of linguistic material, which helps to identify psychological, cultural and social aspects in the Arab-American fiction discourse.*

Key Words: *motive, the concept in literature, image, borderline literature, transitional identity, liminality, cross-cultural Arab-American literary discourse*

For citation: Dubovitskaya M.A. (2021). The “Concept – Image – Motive” Triad in Arab-American Fiction Literature. *Philology at MGIMO*, 7(3), pp. 53–64. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-3-27-53-64>

ТРИАДА «КОНЦЕПТ – ОБРАЗ – МОТИВ» В АРАБО-АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

М.А. Дубовицкая

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. В статье рассматриваются произведения арабо-американской мультикультурной, или кросс-культурной, литературы, относящиеся к разным временным отрезкам. Данные произведения являются частью пограничной литературы в силу того, что центральной темой выступает тема двойственной (переходной) идентичности. Автором приводится определение «лиминальности», которое необходимо при рассмотрении явлений билингвальности и бикультурализма. Актуальность исследования обусловлена растущим интересом к эмигрантской литературе в США в силу расового и этнического многообразия этой страны и, следовательно, сложного социального и культурного контекста, требующего интерпретации и анализа. Для поиска и декодирования скрытых смыслов и подтекста предлагается выделение мотива, образа и художественного концепта. Представлены результаты анализа основных мотивов, взятых в диахронии, и выявлены их сходства и различия. Мотив соотносится с образом и концептом как часть и целое. Концепт является смысловой доминантой, охватывающей социальный, культурный и исторический аспекты. Образ является литературным художественным средством отражения концепта, в то время как мотив соотносит его с эмоционально-чувственной стороной героя или автора. Тот факт, что одни и те же образы, например, образы природы и музыки, встречаются в произведениях разных авторов, говорит об их смысловой, культурологической и литературной значимости. Новизна исследования видится в совмещении лингволитературных и лингвостилистических методов при анализе языкового материала, что помогает выявить психологические, культурные и социальные аспекты в арабо-американском художественном дискурсе.

Ключевые слова: мотив, художественный концепт, образ, пограничная литература, переходная идентичность, лиминальность, кросс-культурный арабо-американский художественный дискурс

Для цитирования: Дубовицкая М.А. (2021). Триада «концепт – образ – мотив» в арабо-американской литературе. *Филологические науки в МГИМО*. 7(3), С. 53–64. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-3-27-53-64>

1. Введение

В связи с усложнением социокультурной реальности вопрос идентичности становится острым на фоне расового и этнического многообразия. Возникает потребность рассмотреть взаимодействие языка, культуры и идентичности для выявления общих тенденций развития культуры. Арабо-американский литературный дискурс является примером кросс-культурного перекрёстка ценностей и взглядов, отражающихся в различных формах вербального и невербального взаимодействия. Исследование языка и литературы требует поиск такого подхода, который позволит выйти на лингволитературный стык формы и содержания.

Для исследования художественного литературного дискурса применимы методы анализа художественного текста: метод выборочного анализа и объяснения индивидуально-авторских языковых особенностей, стилистический анализ, индуктивный метод, сравнительно-сопоставительный метод. Для выявления более общего смыслового пласта необходим концептуальный анализ в диахронии, чтобы выявить произошедшие изменения. В художественном тексте образы и мотивы часто группируются вместе с общим художественным концептом, что делает анализ не только лингвистическим, но и литературоведческим.

В художественных произведениях образ и мотив позволяют приблизиться к философско-символическим доминантам в тексте, служащим триггерами в осмыслении интеллектуальной жизни иммигранта, его самоидентификации и образа себя (автообраза). Участки текста с мотивами и образами являются максимально насыщенными с точки зрения психологических, социальных и культурных импликаций.

Для языкового и художественного анализов были выбраны художественные тексты начала XX века (Амин ар-Рейхани «Книга Халида» 1911, Джебран Халиль Джебран «Иисус Христос-Сын Человеческий» 1928) и произведения современной мультикультурной литературы (Хишам Матар «Анатомия исчезновения» 2011, «В мире мужчин» 2006; Диана Абу-Джабер «Аравийский джаз» 1993, Лайла Лалами «Надежда и другие опасные занятия» 2005). Разный временной отрезок даёт возможность проследить изменение образов и мотивов в составе художественного концепта путь, который присутствует во всех перечисленных романах. Эти произведения отличаются друг от друга стилями, эмоциональной насыщенностью, темами, однако их объединяют выражение тревоги и экзистенциальная потребность понимания своего места и принадлежности в постоянном потоке внешних и внутренних изменений, что, конечно, свойственно темам кросс-культурной литературы, где герои часто оторваны от своего мира и в то же время не могут полностью принадлежать новому для них миру.

2. Особенности арабо-американского литературного дискурса

Арабо-американский литературный дискурс представляет собой огромный массив художественной литературы, написанной на английском языке авторами-выходцами из арабских стран или имеющими арабские корни. Данные тексты относят к «литературе, написанной через дефис» (hyphen literature), а её представителям, американским авторам, не утратившим своих корней, приписывают переходную идентичность (hyphenated identity). Говоря о пограничной литературе, мы имеем в виду писателей или литературных героев, которые находятся между двух миров или одновременно в обоих сразу, если они иммигранты первого или второго поколений. Однако даже если они родились уже в другой стране, проблемы ассимиляции их могут коснуться на более тонких уровнях восприятия. Здесь необходимо затронуть тему лиминальности как социального, культурного и психологического феномена.

Феномен лиминальности был широко исследован Арнольдом ван Геннепом [5] и Виктором Тернером [23]. Под «лиминальностью» понимается нестабильность, переходное состояние, в результате которого образуется новое состояние, отличное от прежнего. Тернер делал акцент не на результате переходной фазы, а на процессе, подчёркивая, что лиминальная фаза может стать стилем жизни, неким состоянием. Лиминальная фаза как состояние характерна для носителей двух и более культур и языков, которые имеют более широкий потенциал к расширенному восприятию действительности и большую свободу в суждениях и оценках. Это психологическое раскрепощение сопровождается широким диапазоном средств выражения мыслей и идей, взятых из разных культур. Нахождение между двух культур запускает процесс самоанализа и осмысления, познания и обретения себя заново, в результате чего происходит обогащение идентичности.

Острая потребность в осмыслении окружающей действительности и нахождении себя в преобладающем культурном контексте подталкивает представителей литературной элиты, находящихся на стыке культур, в художественных произведениях выразить свой опыт и чувства как обладателей «двойного сознания». В 1903 году Уильям Эдвард Буркхардт Дюбуа, прозаик, социолог и публицист, обосновал понятие «двойное сознание» в своей книге «Души чёрных людей». У. Дюбуа писал о пожизненном восприятии себя через призму других, в том случае если ты относишься к меньшинству или твоё положение можно назвать ущемлённым. Выходец из интеллигентной негритянской семьи, обладатель прекрасного образования и энциклопедических знаний, в своей книге У. Дюбуа точно отразил ощущение двойственной идентичности, – «белого и чёрного, две души, два образа мыслей и устремлений, два идеала, – всё в единстве и противоречии одновременно» [17, с. 57].

В статье *Netting the Clouds* Диана Абу-Джабер, писательница с иорданскими корнями, выразила ощущения, схожие с теми, что описываются в теории «двойного сознания» У. Дюбуа и лиминальности В. Тернера. Она пишет о невозможности отнести себя к одному или другому полюсу, о постоянной рефлексии о том, кто ты есть и как тебя видят другие, а также о сложности описания уникальности этнокультурного опыта [15].

В пограничной литературе, таким образом, главной темой выступает идентичность, или её

поиск, а также стремление описать и осознать свой уникальный опыт, – это и есть главная движущая сила произведения, от которой исходят лучи в разные направления. Язык описания своего уникального жизненного пути может многое сказать о самоощущении автора, его представлении о той среде, в которой он живёт, и людях, с которыми он взаимодействует. Особенно красочную картину контрастов видения и взглядов можно получить в результате диахронического сравнения образов, метафор и концептов. Безусловно, различия в выборе художественных средств могут быть продиктованы временем и веянием стилей, однако если брать за основу единый концепт, схожие образы, мотивы и символы в разных произведениях в рамках одного дискурса, то можно увидеть определённые узловые точки тектоники «смысловых плит». Для дальнейшего анализа мы берём некоторые произведения арабо-американских писателей первой половины XX века и романы рубежа XX и XXI веков. Первыми яркими представителями арабо-американской литературы были Джебран Халиль Джебран и Амин ар-Рейхани, их по праву можно назвать космополитами и мигрантами не только в жизни, но и в литературе. В своих произведениях они переплели европейский визионерский романтизм и суфийскую мудрость, иными словами, обратились к Западу на понятном читателю языке, однако с привлекательным восточным колоритом. Халиль Джебран считается классиком литературы в США и изучается в рамках учебной программы, на его стихи сочиняют музыку.

Современные признанные арабо-американские писатели, по большей части, родились или учились в США, английский язык для них родной или же они владеют им наравне с арабским. Можно предположить, что всплеск литературного творчества среди американских писателей арабского происхождения случился некоторое время спустя после трагедии одиннадцатого сентября, который объясняется острой потребностью выразить своё несогласие с политической пропагандой и общественным мнением. В 2006 году была учреждена арабская американская книжная премия, а в 2010 году была основана театральная организация (Noor Theatre Company), продюсирующая работы американцев с ближневосточными корнями. Авторы произведений, которые были выбраны для анализа, являются признанными литераторами. Дебютный роман Хишама Матара «В стране мужчин» (*In the Country of Men*, 2006) вошёл в шорт-лист Букеровской премии в 2006 году, а в 2007 году писатель был удостоен Пулитцеровской премии. Диана Абу-Джабер является профессором Портлендского университета и преподаёт литературное мастерство. Главными темами её книг являются культура и идентичность. Лайла Лалами, американская журналистка и писательница американского происхождения, тоже преподаёт литературное мастерство в Калифорнийском университете, а в 2015 году она стала финалистом Пулитцеровской премии в области литературы за лучшее произведение художественной прозы. Произведения этих писателей, как и многих других американских писателей с арабскими корнями, занимают важное место в литературе США, они также являются частью мировой литературы в силу того, что английский язык предопределяет широкое распространение книг и охват читателей во всём мире. В то же самое время мы можем говорить о том, что они образуют свой дискурс с особой семантикой и лексикой. В текстах произведений есть вкрапления иноязычных слов и аллюзии к литературным, географическим и историческим понятиям. На художественно-смысловом уровне в дискурсе присутствуют определённые смысловые доминанты, объединяющие разные по тематике и стилю произведения. Для нахождения и декодирования смыслов художественного текста необходимо объединить литературные и лингвистические методы, о которых речь пойдет ниже.

3. Литературный мотив и концепт

Художественный текст является богатым источником для исследования и анализа культурного, исторического, психологического и социального аспектов, так как художественное произведение обращено одновременно вовне и внутрь. Вовне текст связан с концептуальной сферой, где находятся основополагающие концепты. Согласно С.Г. Воркачёву, «концепт – это единица коллективного знания/сознания, отправляющая к высшим духовным ценностям, имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой» [3, с. 64]. Концепт живёт над текстом,

однако в то же самое время сам текст может выразить эти концепты с помощью ассоциаций и мотивов, способных привносить новые смыслы и оттенки. Литературное произведение вмещает концепт и мотив, однако способы реализации и функции у каждого свои. Важная черта мотива – ассоциативность, объясняющая его эффективность в плане интерпретации. Мотивы и мотивные ассоциации дают необходимый художественный и смысловой импульс. Традиция исследования мотива как литературного феномена насчитывает немало десятилетий. Теоретические основы мотива были заложены А. Н. Веселовским [2] и предполагают архаизацию, типологизацию и сюжетную неразложимость, что породило много вопросов и вызвало немало дискуссий. Семантический подход к изучению мотива А.Н. Веселовского был дополнен структурным подходом, представленным В.Я. Проппом [12]. По мнению учёного, мотив состоит из частей, которые могут заменяться другими вариантами. Аспект интертекстуальности мотива был привнесён А. К. Жолковским и Ю. К. Щегловым, которые указали на наличие вариантов мотива в разных произведениях одного автора [7]. Эта концепция также предполагает, что мотив связан с сюжетом, однако не напрямую, а опосредованно, мотив является выразительным откликом темы и сюжета. Б.М. Гаспаров не привязывает к мотиву конкретные единицы с предикативными компонентами, считая, что мотивом может стать «любое смысловое “пятно” – событие, черта характера, элемент ландшафта, любой предмет, произнесённое слово, краска, звук и так далее [4, с. 30]. Б. И. Ярхо привязывает мотив непосредственно к образу и отмечает, что мотив является образом в действии [14]. С.Ю. Неклюдов отмечает огромное разнообразие мотивов (мотивы-действия, мотивы-эпизоды, мотивы-чувства) и их многоплановость (глубинные и поверхностные) [10]. В.Е. Хализиев говорит о том, что в художественном тексте мотив является «компонентом произведений, обладающим повышенной значимостью (семантической насыщенностью)» [13]. Как упоминалось ранее, мотив может выступать ассоциативно-чувственной интерпретацией концепта, который существует над текстом. Таким надтекстовым концептом в арабо-американской литературе является концепт *ПУТЬ*. Мотивы-чувства являются эмоциональным выражением концепта. Переплетаясь с образами и символами, мотивы наполняют концепт новыми оттенками. Повторяемость мотива в произведениях разных авторов на протяжении какого-то времени говорит об универсальности в восприятии и оценке окружающей действительности. Сопоставление мотивов даёт понимание произошедших изменений за определённый отрезок времени, а также переживаний и тревог. Например, мотивы радости и трепета в образах природы в произведениях первой половины XX века сменились мотивами тоски, потерянности и грусти, что можно объяснить как социокультурными и политическими изменениями в жизни эмигрантов, так и внутренними психологическими причинами, которые, безусловно связаны с внешним контекстом.

4. Образ и символ

Мотив необходимо анализировать с понятием образа, так как в данном исследовании он соотносится с образом как частное с общим. Мотив связан с образом, является его частью и позволяет глубже понять смысл произведения. Образ как нечто отвлечённое, охватывающее класс предметов или признаков, бытует в сознании или воображении. Он соседствует с ассоциациями и представлениями, а значит живёт в области психологии. Н.Д. Арутюнова отмечает стихийность и спонтанность возникновения образов, их произвольный характер [1]. Образ часто включает в себя символы.

XX век дал понимание символа как глубинного смысла, архетипа, как чего-то, о чём нельзя сказать, но что незримо присутствует. Обращение к символу является больше произвольным актом, чем осознанным. Это конденсат смысла, который декодируется с помощью интерпретации и анализа. Э. Кассирер отмечает универсальность, подвижность и изменчивость смысла. Символ играет важную роль в структурировании опыта человека [8]. Символ – это закодированный смысл, характеристиками которого являются многослойность и комплексность. Символ создан для интерпретации, ему необходим контекст и фон. Символ и образ могут появляться вместе – тогда образ служит богатым фоном и насыщенным контекстом для символа, но могут появляться

отдельно в разных контекстах и отрывках. В сравнении с символом образ не такой конденсированный и сжатый, он описательный, даёт картину для декодирования смыслов. Образ – это отражение действительности, преломлённое в сознании, он психологичен по своей природе. По мнению П.В. Палиевского, образ является особой художественной функцией, где переплетаются конкретно-чувственные детали [11].

Анализ образов и символов является ключом к пониманию сюжета, контекста и внеконтекстной информации. Художественность, символичность и психологичность образов являются неотъемлемой частью ментальной сферы, где «мысль не отделена от эмоций, латентных привычек и приёмов сознания» [9]. Основными образами в анализируемых произведениях являются образ природы и образ музыки. В образе природы главным символом является символ моря, а в образе музыки мы встречаем символ лютни в произведении «Книга Халида» и символ барабана в произведении «Аравийский джаз».

5. Образ-концепт-мотив как метод анализа культурного и психологического фона в литературном творчестве арабо-американской интеллигенции

Вне зависимости от интенции автора образы и мотивы в литературном творчестве играют важную роль при анализе текста и его интерпретации, так как природа художественных средств текста во многом психологична, то есть необязательно зависит от воли автора. Они вбирают в себя эмоциональный, культурный, психологический, философский и исторический аспекты, способствующие общему пониманию фона художественного произведения и мироощущения автора. Однако образ необходимо рассматривать наряду с художественным концептом. «Художественный концепт предстаёт наиболее полным, богатым и наполненным смыслом образом, одновременно генерализирующим весь имеющийся опыт и выражающим персонализированную точку зрения определённого временного среза эпохи. Художественный концепт является авторской единицей сознания, выведенной из общей коллективной культурной целостности с отсылкой на духовные и культурные ценности, представленные в семантическом пространстве языка, и представляет собой персонализированные элементы архетипичного образа» [6 с. 74]. Концепт обязательно присутствует в тексте напрямую или имплицитно. Рассмотрение связки образ – концепт – мотив как литературный метод и анализ художественных языковых средств как лингвистический метод помогут выявить некоторые сдвиги в их мышлении и ощущении на примере художественных текстов арабо-американских писателей первой половины XX и начала XXI века. В кросс-культурной, или мультикультурной, литературе соединение литературного и лингвистического подходов поможет выйти на новый уровень понимания общекультурного и субкультурного. Даже малые изменения в художественном концепте даёт импульс к новому в образах, что в последующем отражается в мотивах. Анализ языковых художественных средств позволяет рассмотреть изменения в образном и концептуальном отношениях.

В англо-арабской художественной литературе основополагающим художественным концептом является *ПУТЬ*. Нужно признать, что этот концепт не является прерогативой мультикультурной литературы, он универсальный и архетипичный, однако бесспорно, что именно в кросс-культурной литературе он обретает особое значение, переключаясь с темами идентичности и аккультурации, сегрегации и отчуждения. У этого концепта широкая семантика: путь, или путешествие в прямом смысле, и путь как духовный поиск. В тексте данный концепт эксплицитно выражен следующими словами-номинантами: *travel, journey, high road*. Имплицитно концепт передаётся через основные образы, в нашем случае, образ природы и музыки. Если взять произведения арабо-американской литературы двух временных срезов – первой половины XX и первой четверти XXI века, то заметны изменения в художественном концепте и мотивах.

Для анализа были выбраны произведения двух представителей арабо-американской литературы первой половины XX века, Амина ар-Рейхани и Джебрана Халиля Джебрана, и современные произведения писателей арабского происхождения – Хишама Ма-

тара, Лайлы Лалами и Диана Абу-Джабер. На примере романов этих писателей можно увидеть, что один и тот же концепт выражается разными образами и сопровождается разными мотивами.

У ливанского писателя Ameen Rihani (1876–1960) можно проследить реализацию концепта ПУТЬ в тексте через образ природы и музыки. Он родился на территории Османской Сирии, ныне Ливан, в семье землевладельца и коммерсанта, учился в Колумбийском университете и писал на арабском и английском языках. По духу и образованию он приобщился к двум противоположным полюсам – Востоку и Западу – и пропагандировал совместный путь и развитие. Образ природы обладает важным смыслом – связью с местом, перемещением и нахождением себя в другом пространстве. Этот образ является неотъемлемой частью концепта ПУТЬ. Важным компонентом здесь является символ моря, он связывает исходную и конечную точку путешествия, а также даёт мотивам выражение надежды и предвкушения: “... dreamt of adventures, of long journeys across the desert or across the sea; yearned for what was beyond, above or below, the visible line on the high sea of hope and joy they sail; under the Favonian wind of enthusiasm, on the friendly billows of boyish dreams” they roll the rolling waves of life [22 с. 29]. /... мечтал о приключениях, длительных путешествиях по пустыням и морям; стремился к недостижимому, уплыть в далёкую даль за линию горизонта, в море надежды и радости; подгоняемые благоприятным западным ветром, вселяющим бодрость, они плывут по морю жизни, купаясь в волнах мальчишеских мечтаний (здесь и далее перевод мой – М.Д.).

Метафоризация моря создаёт концептуальную рамку, в которой проявляются ментальные репрезентации индивида.

Благоговейное и мистическое ощущение природы встречается и у Kahlil Gibran (1883–1931). Его роднит с Рейхани место рождения и философские взгляды. Его можно назвать космополитом, вобравшим в себя культуры Запада Европы и Востока. В концепте ПУТЬ у Джебрана присутствует духовная составляющая общей мировой религии, поэтому путь является дорогой от себя и к себе, процесс познания внутреннего и внешнего: “He was a stranger, a wayfarer on His way to a shrine...”. Символ моря и образ природы участвуют в построении метафор: “And the voice of the sea was in those two words, and the voice of the wind and the trees... And your laughter like the waves of the white sea” [18, с. 175]. / Он был путником, странником на пути к своему храму... В этих словах слышался голос моря, ветра и деревьев... И твой смех, точно шум белого моря. /

Здесь основной концепт разворачивается с помощью образа природы, символа моря и мотивов духовности и свежести.

У современных писателей море также участвует в построении образа природы, однако символика моря претерпевает огромные изменения, вызывая мотивы тревоги, волнения, тоски, печали и отчаяния: “The waves are inky black, except for hints of foam here and there, glistening white under the moon, like tombstones in a dark cemetery” [19, с. 2]. / Волны были чернильно-чёрного цвета, лишь пена кое-где отсвечивала лунным блеском, белела точно надгробия в кладбищенской темноте. / Ассоциативный ряд чёрного, надгробий и мрачного кладбища в составе образной метафоры не оставляет сомнений в безысходности пути и его несчастливом исходе. В рассказах Laila Lalami [19], родившейся и выросшей в Марокко, море неразрывно связано с трагизмом и гибелью, так как многие беженцы бесславно завершили свой путь в море в поисках лучшей жизни.

У британо-ливанского писателя американского происхождения Hisham Matar [20] море участвует в ночных кошмарах и внутренних страхах главного героя-мальчика, символизируя ужас потери близкого человека и невозможность изменить судьбу, повернуть вспять колесо государственной машины, которая поражает несогласных и инакомыслящих, что, конечно, можно объяснить состраданием к ливийцам и сопричастностью к происходящим событиям: “That night I dreamed of Baba floating on the sea. The water was unsettled, moving as it does in the deep, rising and falling in hills. He lay on his back. He looked like a small fishing boat trying to surrender to the sea. I was there too, working hard to keep my shoulders above water, to not lose sight of him, but the sea rose, and he vanished from view. I kept swimming. I knew I was close. Then I saw him, wooden and stiff. When I reached out to touch him, he turned into a fish, agile and shy. He plunged with a splash down and away. I could see

his silver spine flicker below the water. I turned around and saw no shore to turn to [20, с. 83]. / В ту ночь мне приснился папа в море. Вода была беспокойная, прибывающая и убывающая, плещущаяся о склоны. Он лежал на спине, выглядел, точно маленькая рыбацкая лодка, покорная морю и судьбе. Я тоже там был, старался грести как можно сильнее и задираю голову повыше, чтобы не упустить его из виду, но море поднялось, и он исчез с горизонта. Я продолжал плыть, зная, что он где-то поблизости, как вдруг я увидел его неестественно недвижимым. Я протянул руку, чтобы дотронуться до него, но он тут же обратился в рыбу ловкую и осторожную, нырнул и уплыл. Время от времени я мог ухватить взглядом очертания его спины под водой. Вдруг берег пропал из виду, и мне некуда уже было плыть. /

Олицетворение моря, его безграничность и всемогущество противопоставляется ветхому судёнышку и маленькому человеку, однако символ рыбы, богатый на культурные и религиозные трактовки, здесь, безусловно, является антиподом тёмного и властного, а именно живая и робкая рыбка способна перехитрить стихию и укрыться от бури.

Концепт ПУТЬ также резко претерпел изменения: от воодушевляющего пути внутреннего и внешнего преображения, переосмысления и духовного перерождения – к пустоте и иллюзорности окружающего. Так, у Амина ар-Рейхани мы встречаем идиллическое представление предстоящего пути: *“On the high road of the universal spirit the world, the whole world before me, thrilling and radiating, chanting of freedom, faith, hope, health and power, and joy* [22, с. 225]. / По дороге вселенского духа, передо мной весь мир, захватывающий и сияющий, провозглашающий веру, надежду, здоровье, силу и радость. /

Здесь мотивы надежды, веры, энергии и радости сопровождают путника в дороге, который не видит границ между нациями и культурами, а лишь только общую цель и желание единства и свободы для всех. Эпитеты и метафора жизненного пути на стилистическом уровне показывают ментальные установки главного героя.

В произведениях же Hisham Matar путешествие связано с мотивами тоски и потери: *“Egypt has not replaced Libya. Instead, there is this void, this emptiness I am trying to get at like someone frightened of the dark, searching for a match to strike. I see it in others, this emptiness...How readily and thinly we procure these fictional selves, deceiving the world and what we might have become if only we hadn't got in the way, if only we had waited to see what might have become of us”* [20, с. 233]. / Египет не заменил Ливию. Здесь присутствует некая пустота, которую я стараюсь понять, как будто в темноте ищу спичку, чтобы спастись от страха и увидеть хоть что-то. ... Как скоро и умело мы придумываем себе роли, обманывая остальных, кем бы мы могли стать, не случись того, что случилось, подождав ещё немного.

Концепт ПУТЬ приобретает обездвиживающую пустоту с помощью синонимов *void* и *emptiness*, а метафорическое сравнение с человеком, ищущим хоть спичку, чтобы осветить путь, добавляет безысходность и растерянность.

В другом романе Хишама Матара *“Anatomy of a Disappearance”* (2005) вынужденный переезд ассоциируется с тоской по близкому человеку: *“We landed in Cairo in the early morning. The damp tarmac shone under the streetlights. The air was heavy with the human smell of the old and overpopulated city. I had never felt so deeply disoriented. Mother came into my thoughts. My need for her was sudden, bottomless and unendurable”* [21, с. 129]. / Мы приземлились в Каире ранним утром. Мокрое шоссе блестело при свете уличных фонарей. В воздухе чувствовался запах старого и многолюдного города. Никогда раньше я не чувствовал себя столь потерянным. Я вспомнил мать, и моя потребность в ней оказалась столь внезапной, безграничной и невыносимой. /

Здесь также ПУТЬ вызывает мотив безграничной тоски и потерянности. Стилистический приём градации *sudden, bottomless, unendurable* усиливает эффект, завершая чувственное восприятие действительности после зрительных ощущений (*shone under the streetlights*) и ощущений запахов (*heavy with the human smell of the old*).

Образ музыки в анализируемых романах играет важную роль в построении концепта ПУТЬ, а также вызывает дополнительные смыслы и мотивы. Американская писательница с палестино-иорданскими корнями Diana Abu-Jaber в своём романе *“Arabian Jazz”* (1993) очень красочно показала сосуществование арабской и американской культур со всеми хитросплетениями

и конфликтами интересов. Для главного героя музыка является главным звеном между окружающей реальностью и душевными переживаниями. Музыкальная игра утешает и помогает двигаться дальше по дороге жизни: *“He had become increasingly bemused over the years, wandering into abstraction, traveling in and out of conversations like a visitor to foreign places. Only at his drums did he seem to focus, concentrate with the purpose of remembering, steering rhythms into line, coaxing a steady—in his word, peripatetic—pulse out of air”* [16, с. 1]. / С годами он стал более рассеянным, участвовал в разговорах примерно так же, как иностранец участвует в жизни чужих стран, не вдаваясь в детали, то слушая, то предаваясь своим мыслям. Концентрация и внимание к нему приходили только за игрой в барабаны, заставляя запоминать мелодию и находить постоянный ритм, но в то же самое время живой и созвучный с биением сердца и жизни. /

Общая растерянность из-за потери жены много лет назад выражается метафорическим употреблением глагола «путешествовать» (*traveling in and out of conversations*) и сравнением с человеком на чужбине (*like a visitor to foreign places*), в то время как музыка даёт внутренний ориентир и служит компасом в безграничном пространстве иного и незнакомого. Музыка для главного героя служит средством гармонизации, помогающим примириться с постоянным ощущением дисбаланса. Автор через внутренний мир персонажа даёт понимание жизни без чётких границ и ориентиров, с постоянным движением и изменениями. Противоположные по своему значению слова (*steady, peripatetic* / постоянный, странствующий) здесь выступают контекстуальными синонимами, дополняющими друг друга и отлично передающими состояние нестабильности и лиминальности. Барабан помогает анализировать моменты прошлого и настоящего, а также обладает паллиативным психотерапевтическим эффектом: *“His body had ached for the feel of the sticks, the drumheads answering his every move. And the ache for the instrument was like the ache for his lover’s body. In the light of the Old Country, place of his wife’s death, he saw things clearly, fresh, for the first time in years... His memories had run too sweet; they needed the bitterness of earth to temper them, and the clarity of the present, of music, to bring out new life”* [16, с. 353]. / Он на физическом уровне жаждал прикоснуться к барабанным палочкам, точно к возлюбленной. В домашней обстановке, там, где умерла его жена, он впервые взглянул на вещи свежим взглядом... Его воспоминания по прошествии многих лет становились слишком далёкими от реальности. Музыка привнесла остроту и ясность в его жизнь, в которой до этого были лишь призрачные и сладкие грёзы. /

Потребность в музыке подобна потребности в любви, что и выражено стилистическим приёмом сравнения. Употребление слова *ache* в качестве существительного и глагола придаёт отрывку эмоциональность, а антонимичность (*sweet-bitterness, old-new* / сладкий-горечь, старый-новый) и контекстуальная синонимия (*clarity-present-new* / ясность-настоящее-сейчас) создают некий душевный рубеж, или границу, которую пересекает главный герой, чтобы спастись от боли и одиночества и обрести понимание окружающей его действительности, осознать свои чувства и принять настоящее в полной мере, каким бы оно ни было, в отличие от постоянного погружения в себя, свои воспоминания и иллюзии (*“his memories had run too sweet”* / его воспоминания стали слишком прекрасными и далёкими от реальности). Барабан, барабанные палочки и ритм являются символами сердца, дыхания, реальной жизни во всех её проявлениях, о чём свидетельствуют текстовые ключи (*ache, bitterness, clarity, pulse, air*).

Музыкальные образы отчётливо выделяются и в произведении начала XX века Амина ар-Рейхани *“The Book of Khalid”*: *“They drank the wine of the Jesuits, repeated to the mellow strains of the lute, the song of the bulbuls, intoned the verses of Al-Mutanabi...”* [22, с. 34]. / Они пили вино иезуитов, подпевали сладкоголосым струнам лютни и вторили поэтическим строкам Аль-Мутанабби. /

Синонимичные глаголы *repeated* и *intoned* вместе с перечислением (*mellow strains of the lute, the song of the bulbuls, the verses of Al-Mutanabi*) являются мотивами радости и вдохновения во время путешествия главных героев. *“But suddenly he braces up, runs down for his lute, and begins to serenade – Greater New York?”* [22, с. 38]. / Встряхнувшись, он бежит к своей лютне и заводит похвальную серенаду Нью-Йорку. / Музыка входит в концепт ПУТЬ, являясь важной составляющей внутреннего мира главного героя, с ней он отправляется в путь и прибывает в место назначения (New York): *“...happiness like a bride, issues from all these, and, touching the strings of Khalid’s lute, mantles us with*

song” / счастье, как невеста, источает свет из всего и, тронув струны лютни Халида, обволакивает нас песней [22, с. 47]; “*Yes, our modern Jeremiahs should all take music lessons; for no matter how deep and poignant our sorrows, we can always rise from them, harp in hand, to an ecstasy, joyous and divine*” [22, с. 58]. / Да, наши современные Иеремии должны брать уроки музыки, не важно насколько пронзительны и глубоки наши страдания, мы всегда можем возвыситься над ними и вознестись с арфой к наивысшему и радостному блаженству. /

Семантические текстовые ключи мотива музыки определяют тональность и настроение: *mellow strains of the lute* (сладкие мелодии лютни) семантически приравнены к *the songs of the bulbuls* (соловьиные трели) и являются частью одного контекстуального поля, куда также входят слова *to serenade, to mantle, happiness, ecstasy, joyous and divine* / воспевать, обволакивать, счастье, восторг, радостный и божественный. Лютня является символом гармонии с природой и Божественного начала, что в тексте выражено ключевыми словами *bulbuls, ecstasy, divine*. Здесь есть схожий с предыдущим отрывком мотив грусти и тоски совместно с музыкой, но так как контекст совершенно иной, то прежде всего выделяются мотивы счастья, радости и благозвучия. Музыка в произведениях арабо-американской литературы первой половины XX века была философским и культурным символом, сопровождающим героя на протяжении всей его жизни. В современных произведениях образ музыки является также важной смысловой доминантой, анализ которой даёт ключ к пониманию идентичности в мультикультурном аспекте.

6. Заключение

Изучение и анализ мультикультурной литературы предполагает выбор методологии, способной объединить произведения различных авторов, течений и направлений, с целью выявить единый культурно-языковой фон. Так, совершенно разные по тематике и тональности произведения начала XX века (Джебрана Халиля Джебрана и Амина ар-Рейхани) и начала XXI века (Лайла Лалами, Хишам Матар, Диана Абу-Джабер) имеют ряд сходств, требующих не только лингвостилистического, но и лингволитературного подхода. На примере основополагающего концепта *ПУТЬ* в произведениях начала XX века и XXI века, а также образов и мотивов, составляющих его, была сделана попытка выявить некоторые сходства и различия, чтобы вскрыть более глубокий психологический пласт эмигрантской и мультикультурной литературы. За мотив был взят дискурсообразующий элемент, стилистически и контекстуально насыщенная единица, не всегда выраженная эксплицитно, но пронизывающая текст и проявляющаяся в виде смысловых пучков. В проанализированных отрывках произведений это были мотивы-чувства, которые эмоционально насыщали основные образы и участвовали в их раскрытии с психологической точки зрения. Рассмотрение образов и концепта в диахронии позволяет увидеть изменения в тональности мотивов. Появляются более мрачные оттенки в образе природы и мотивах. Образ природы перешёл из эстетико-эмотивной сферы в психоэмоциональную сферу, реализующую страхи и боль главных героев. Образ музыки тоже претерпевает изменения, становясь выражением душевной и психологической раны, но в то же время и средством к исцелению и принятию действительности. При анализе художественной литературы рассмотрение триады «концепт – образ – мотив» является продуктивным при различных интерпретациях: лингвистических, культурологических, социальных и психологических.

Изменение содержания концепта, образов и мотивов в литературном и языковом планах можно объяснить сменой литературных стилей и социально-культурных тенденций. Однако немаловажным фактором может быть желание и потребность быть услышанным и понятым на фоне негативной политической риторики в отношении арабских стран. Дети эмигрантов вовлечены в процесс осмысления сложного социального, политического и культурного контекста не меньше, а может быть, и больше, чем их родители: они родились и выучились в США, хорошо понимают основные тенденции, которые стоят за конкретными политическими событиями в этой стране, в то же самое время они не утратили связь с культурой и традициями своих родителей, поэтому способны посмотреть на вещи через призму другой культуры. Противоречивые чувства, возни-

кающие в процессе наблюдения и анализа, находят своё отражение в творчестве. Литературные художественные произведения, описывающие непростой этнокультурный опыт, проливают свет на чувства людей, которые находятся на перекрестке двух миров – восточного и западного.

© Дубовицкая М.А., 2021

Список литературы

1. Арутюнова Н. А. Образ, метафора, символ в контексте жизни и культуры / Н. А. Арутюнова / М.: RES PHILOLOGICA Филологические исследования. М.: Наука, 1990 С.76
2. Веселовский А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. М.: Высшая школа, 1989. 405 с.
3. Воркачёв С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. №1. С. 64-72.
4. Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы / Б. М. Гаспаров. М.: Наука, 1994. 304 с.
5. Геннеп А. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / А. Геннеп. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. 198 с.
6. Дубовицкая М. А. Кросс-культурная концептуализация иноязычной ментальности (на материале арабо-американской литературы): диссертация ... кандидата филологических наук / М.А. Дубовицкая. Москва, 2018. 162 с.
7. Жолковский А.К., Щеглов Ю. К., Работы по поэтике выразительности: Инварианты–Тема–Приемы–Текст. / Предисл. М.Л. Гаспарова. М.: АО Издательская группа «Прогресс», 1996. 344с.
8. Кассирер Э. Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры. / Э. Кассирер. М.: Гардарики, 1998. 784 с.
9. Микешина Л. А. Новые образы познания и реальности. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/98-03-011-mikeshina-l-a-openkov-m-yu-novye-obrazy-poznaniya-i-realnosti-m-rossiyskaya-politicheskaya-entsiklopediya-rosspen-1997-240-s/viewer> (дата обращения: 19.02.2021).
10. Неклюдов С. Ю. О некоторых аспектах исследования фольклорных мотивов// Фольклор и этнография: у этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Ленинград: Наука, 1984. С. 221–229.
11. Палиевский П. В. Литература и теория / П. В. Палиевский. М.: Советская Россия, 1979. 288 с.
12. Пропп В. Я. Морфология сказки / В. Я. Пропп. Ленинград: Academia, 1928. 152 с.
13. Хализев В. Е. Теория литературы / В. Е. Хализев. М.: Высшая школа, 2004. 405 с.
14. Ярхо Б.И. Методология точного литературоведения: [Текст] : избранные труды по теории литературы / Б. И. Ярхо ; подгот. М. В. Акимова, И. А. Пильщиков и М. И. Шапир; под общ. ред. М. И. Шапира. М.: Яз. славян. культур, 2006. XXXI, 926 с.
15. Abu-Jaber D. Netting the Clouds [Electronic resource] / D. Abu-Jaber. URL: <https://kr.usembassy.gov/wp-content/uploads/sites/75/2017/04/Multicultural.pdf> 42-46 pp. (Accessed 9 January 2021).
16. Abu-Jaber D. Arabian Jazz / D. Abu-Jaber. New York: A Harvest Book, 1994. 374 p.
17. Du Bois W. E. B. The Souls of Black Folk. London / W. E. B. Du Bois. London: Longmans, Green and Co. Ltd., 1965. 170 p.
18. Gibran K. Jesus the son of man / K. Gibran. London: Penguin books, 1997. 224 p.
19. Lalami L. Hope and Other Dangerous Pursuits / L. Lalami. Chapel Hill: Algonquin Books of Chapel Hill, 2005. 197 p.
20. Matar H. In the country of men / H. Matar. New York: The Dial Press, 2007. 246 p.
21. Matar H. Anatomy of Disappearance / H. Matar. New York: The Dial Press, 2011. 224 p.
22. Rihani A. The book of Khalid / A. Rihani. New York: Melville House Publishing, 2012. 325 p.
23. Turner V. Blazing the Trail: Way Marks in the Exploration, of Symbols. / E. Turner. Tucson: Tuscon & London: The University of Arizona Press, 1992. 181 p.

References

1. Arutiunova, N. A. *Obraz, metafora, simvol v kontekste zhizni i kul'tury* [Image, Metaphor, Symbol in the Context of Life and Culture] / N. A. Arutiunova / M.: RES PHILOLOGICA *Filologicheskie issledovaniia*. M.: Nauka, 1990 S.76
2. Veselovskii, A. N. *Istoricheskaia poetika* [Historical Poetics] / A. N. Veselovskii. M.: Vyssh. shk., 1989. 405 s.
3. Vorkachev, S. G. *Lingvokul'turologiia, iazykovaia lichnost', kontsept: stanovlenie antropotsentricheskoi paradigmy v iazykoznanii* [Cultural Linguistics, Linguistic Personality, Concept: The Formation of an Anthropocentric Paradigm in Linguistics] // *Filologicheskie nauki*. 2001. №1. S. 64-72.
4. Gasparov, B. M. *Literaturnye leitmotivy* [Literary Leitmotifs] / B. M. Gasparov. M.: Nauka, 1994. 304 s.
5. Gennep, A. *Obriady perekhoda. Sistematicheskoe izuchenie obriadov* [Rites of passage. The Systematic Study of Rites] / A. Gennep. M.: Izdatel'skaia firma «Vostochnaia literatura» RAN, 1999. 198 s.
6. Dubovitskaia, M. A. *Kross-kul'turnaia kontseptualizatsiia inoiazychnoi mental'nosti (na materiale arabo-amerikanskoi literatury): dissertatsiia ... kandidata filologicheskikh nauk* / M.A. Dubovitskaia. Moskva, 2018. 162 s. [Cross-cultural conceptualization of a foreign language mentality (based on the material of Arab-American literature): dissertation...PhD in Philology / M.A. Dubovitskaia

7. Zholkovskii, A. K., Shcheglov, Iu. K. *Raboty po poetike vyrazitel'nosti: Invarianty–Tema–Priemy–Tekst* [Works on the Poetics of Expressiveness: Invariants–Theme–Means–Text] / Predisl. M.L. Gasparova. M.: AO Izdatelskaia gruppa "Progress", 1996. 344 s.
8. Kassirer, E. *Opyt o cheloveke. Vvedenie v filosofiuiu chelovecheskoi kul'tury* [Experience about a Person. Introduction to the Philosophy of Human Culture] / E. Kassirer. M.: Gardarika, 1998. 784 s.
9. Mikeskina, L. A. *Novye obrazy poznaniia i real'nosti* [New Images of Knowledge and Reality], cyberleninka.ru/article/n/98-03-011-mikeskina-l-a-openkov-m-yu-novye-obrazy-poznaniia-i-real'nosti-m-rossiyskaya-politicheskaya-entsiklopediya-rosspen-1997-240-s/viewer (accessed: 19.02.2021).
10. Nekliudov, S. Iu. *O nekotorykh aspektakh issledovaniia fol'klornykh motivov* [On Some Aspects of the Study of Folklore Motives // Folklore and Ethnography: At the Ethnographic Origin of Folklore Plots and Images] // *Fol'klor i etnografiia: U etnograficheskikh istokov fol'klornykh siuzhetov i obrazov*. Leningrad: Nauka, 1984. S. 221–229.
11. Palievskii, P. V. *Literatura i teoriia* [Literature and Theory] / P. V. Palievskii. M.: Sovetskaia Rossiia, 1979. 288 s.
12. Propp, V. Ia. *Morfologiia skazki* [Morphology of the Tale] / V. Ia. Propp. Leningrad: Academia, 1928. 152 s.
13. Halizev, V. E. *Teoriia literatury* [Theory of Literature] / V. E. Halizev. M.: Vysshaia shkola, 2004. 405 s.
14. Iarho, B.I. *Metodologiia tochnogo literaturovedeniia: [Tekst]: izbrannye trudy po teorii literatury* [Methodology of Exact Criticism: [Text]: Selected Works on the Theory of Literature] / B. I. Iarho; podgot. M. V. Akimova, I. A. Pil'shchikov i M. I. Shapir; pod obshch. red. M. I. Shapira. M.: Iaz. slavian. kul'tur, 2006. XXXI, 926 s.
15. Abu-Jaber D. *Netting the Clouds* [Electronic resource] / D. Abu-Jaber, kr.usembassy.gov/wp-content/uploads/sites/75/2017/04/Multicultural.pdf 42-46 pp. (Accessed 9 January 2021).
16. Abu-Jaber, D. *Arabian Jazz* / D. Abu-Jaber. New York: A Harvest Book, 1994. 374 p.
17. Du Bois, W. E. B. *The Souls of Black Folk*. London / W. E. B. Du Bois. London: Longmans, Green and Co. Ltd., 1965. 170 p.
18. Gibran, K. *Jesus the son of man* / K. Gibran. London: Penguin books, 1997. 224 p.
19. Lalami, L. *Hope and Other Dangerous Pursuits* / L. Lalami. Chapel Hill: Algonquin Books of Chapel Hill, 2005. 197 p.
20. Matar, H. *In the country of men* / H. Matar. New York: The dial press, 2007. 246 p.
21. Matar, H. *Anatomy of Disappearance* / H. Matar. New York: The Dial Press, 2011. 224 p.
22. Rihani, A. *The book of Khalid* / A. Rihani. New York: Melville House Publishing, 2012. 325 p.
23. Turner, V. *Blazing the Trail: Way Marks in the Exploration, of Symbols*. / E. Turner. Tucson: Tuscon & London: The University of Arizona Press, 1992. 181 p.

Сведения об авторе:

Дубовицкая Мария Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка №3 МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: кросс-культурная литература, художественный литературный дискурс, идентичность и язык.
E-mail: clouddancing@mail.ru

About the author:

Dubovitskaya Maria Anatolievna – Candidate of Sc., Associate Professor at English Department №3 at MGIMO. Research interests: cross-cultural literature, literature, identity and language.
E-mail: clouddancing@mail.ru

* * *

FRACTALITY AS A FUNDAMENTAL PRINCIPLE OF MONUMENT POEMS ORGANIZATION

N.V. Zakurdaeva

Academy of the Federal Security Service of the Russian Federation (Academy of the FSO of Russia),
302015, Russia, Oryol, st. Instrument-making, 35

Abstract. *There is a centuries-old tradition of writing monument poems, while their content and form changed under the influence of the artistic context of different literary eras and due to differences in the authors' conceptual pictures of the world. This type of poetic texts is the object of research by Russian and foreign scholars, but the approach to the analysis of "monuments" is rather one-sided: they are studied from the point of view of preserving and developing genre traditions. The article offers a new look into this phenomenon – the fractal principle of the monument poems organization. The relevance of the problem is beyond doubt, since synergetic research makes it possible to illuminate in a new way the stages of a literary text formation due to the inclusion of various monument poems in the intertext of Russian literature. Poems-"monuments" with a fractal organization, act as a nonlinear synergistic self-organizing system. Self-similarity is the main property of fractals, causing fractal changes, which repeat themselves on different scales and take different configurations. Using the methods of linguistic observation, conceptual analysis and the descriptive method, the author comes to the following conclusions: in classical texts a monument poem acts as a semantic fractal, since the texts practically do not change structurally and contain all markers of the conceptual fractal. Non-classical texts are represented as a structural fractal, because they preserve only general formal features of a conceptual fractal, its content is subject to transformation by the poet's artistic intention, specific historical time and other factors.*

Key Words: *conceptual fractal, monument poems, intertext, prototext, metatext, structural fractal, semantic fractal*

For citation: Zakurdaeva N.V. (2021). Fractality as a Fundamental Principle of Monument Poems Organization. *Philology at MGIMO*, 7(3), pp. 65–74. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-3-27-65-74>

ФРАКТАЛЬНОСТЬ КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЙ ПРИНЦИП ОРГАНИЗАЦИИ СТИХОТВОРЕНИЙ - «ПАМЯТНИКОВ»

Н.В. Закурдаева

Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации (Академия ФСО России),
302015, Россия, Орёл, ул. Приборостроительная, 35

Аннотация. Существует многовековая традиция написания стихотворения-«памятника», при этом содержание и форма стихотворений изменялись под влиянием художественного контекста различных литературных эпох, а также вследствие различий в концептуальных картинах мира их авторов. Подобный тип поэтических текстов является объектом исследования русских и зарубежных учёных, однако подход к анализу «памятников» достаточно односторонний: стихотворения изучают с точки зрения сохранения и развития жанровых традиций. В статье предложен новый взгляд на данный феномен – с точки зрения фрактального принципа организации стихотворений-«памятников». Актуальность проблемы не вызывает сомнений, так как синергетические исследования дают возможность по-новому осветить этапы становления художественного текста благодаря включению разнообразных «памятников» в интертекст русской литературы. Стихотворения-«памятники», имеющие фрактальную организацию, выступают в качестве нелинейной синергетической самоорганизующейся системы. Самоподобие – основное свойство фракталов, вследствие этого фрактал видоизменяется, повторяя сам себя в различных масштабах и принимая различные конфигурации. Используя методы лингвистического наблюдения, концептуального анализа и описательный метод, автор приходит к следующим выводам: в классических текстах «памятник» выступает как семантический фрактал, так как структурно тексты практически не изменяются и содержат все маркеры концептуального фрактала. Неклассические тексты представляют собой структурные фракталы, потому что от концептуального фрактала сохраняются лишь общие формальные признаки, его содержание трансформируется в зависимости от художественного замысла

Ключевые слова: концептуальный фрактал, тексты-«памятники», интертекст, прототекст, метатекст, структурный фрактал, семантический фрактал

Для цитирования: Закурдаева Н.В. (2021). Фрактальность как основополагающий принцип организации стихотворений - «памятников». *Филологические науки в МГИМО*. 7(3), С. 65–74. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-3-27-65-74>

В последнее десятилетие теория фракталов активно осваивается лингвистикой: «вместо используемых ранее уровневой или полевой моделей языка мы предлагаем термин «фрактал», означающий самоподобное множество» [7, с. 365]. Фракталы – это особые формы самоорганизации открытой нелинейной системы, бесконечно изменяющиеся объекты, которые могут по-разному раскрываться в соответствии со своими потенциальными возможностями, при этом каждая часть фрактала обладает свойством самоподобия.

«Поэтика литературного произведения сильно напоминает фрактальный способ воспроизведения авторских концепций... Выявив ключевые концепты в той или иной художественной системе и следуя принципу фрактальности, можно «раскрутить» всю её образно-смысловую парадигму» [2, с. 876]. Фракталы можно «раскручивать» в эстетических системах различных уровней, начиная с общемировой культуры и кончая конкретным художественным произведением или его частью.

У поэтов разных эпох, стран, литературных направлений существовали особые стихотворения, представляющие собой поэтическое завещание, «нерукотворный памятник». Тематика таких стихотворений известна: цель и смысл творчества, взаимоотношения поэта с властью, современниками, преодоление смерти творчеством и т.д. Изучению жанровых традиций «памятников» посвящены работы как русских, так и зарубежных учёных [3], [4]. Предметом исследования данной статьи является фрактальный принцип организации подобных стихотворений. Основные цели работы:

- 1) проанализировать особенности существования стихотворений- «памятников» в интертексте русской литературы ХУ111–ХХ веков;
- 2) выявить среди них такой текст, который будет являться концептуальным фракталом, то есть сильным прототекстом для последующих его конфигураций, возникающих как следствие самоподобия;
- 3) изучить основные признаки «памятников», сохранять традиции жанра таким образом, чтобы в результате изменений концептуального текста-фрактала текст не перестал быть «памятником», не произошла диссипация (лат. *dissipatio* – рассеяние, переход части энергии упорядоченного процесса в энергию хаоса, в данном контексте – такое изменение смысла концепта-фрактала, которое не позволит «памятникам» оставаться «узнаваемыми»);
- 4) исследовать основные тенденции, или флуктуации (в терминах синергетики), в изменении содержания и формы стихотворений-«памятников». Флуктуация (от лат. *fluctuatio* – колебание) – любое случайное отклонение от среднего значения величины. В контексте данного исследования мы понимаем термин «флуктуация» как отклонение (индивидуальная трактовка) от базового фрактала-памятника, которое не разрушает его, а сохраняет общий смысл и форму.

Выбор методики исследования был обусловлен характером языкового материала: были использованы методы лингвистического наблюдения, концептуального анализа и сравнительно-описательный метод.

«Существует многовековая традиция написания «Памятника», имеющая истоки в древнеегипетской прозе. Таковым является анонимное «Поучение писцов». Уже оно задаёт жанровые архетипы стихотворения, связанные с тематикой вечности, вневременности пребывания, уникальности, которые на протяжении веков по-своему преломляются через микрообраз поэта в контексте художественных парадигм разных литературных эпох» [3, с. 3].

Все тексты-«памятники», независимо от времени создания и автора, включены в единое текстовое пространство русской литературы – интертекст, организованный по принципу фрактальности, при этом сами текст образуют микроинтертекст, поскольку обнаруживают ряд сходных элементов. «Интертекст – это объективно существующая информационная реальность, являющаяся продуктом творческой деятельности человека, способная бесконечно самогенерироваться по стреле времени» [6, с. 20]. Таким образом, этот интертекст обладает свойством самоподобия, фрактальности.

Все самоподобные «памятники» обладают набором определённых черт, делающих их «узнаваемыми». Считается, что один из самых известных «памятников» – «Ода к Мельпомене» Горация. Таким образом, Гораций задал некий набор элементов (базовый фрактал), характерный для «памятника»-оды: 1) «воздвиг я памятник вечнее меди», «превыше пирамид»; 2) ничто «не истребит» памятник; 3) бессмертие поэта – «весь я не умру»; 4) слава поэта будет известна всем: «где Ауфит говорливый стремительно бежит», где «с престола Давн судил народ трудолюбивый»; 5) перечисляются заслуги поэта – «первый я на голос эолийский свёл песнь Италии»; 6) обращение к Мельпомене за наградой – «и лавром увенчай руно моих кудрей». В русской поэзии XVIII-

XX веков существовало много переводов оды (А. Семёнова-Тян-Шанского, С. Шервинского, В. Брюсова), но наиболее часто обращаются к переводу М.В. Ломоносова 1747 года – «Я знак бессмертия себе воздвигнул» (интересно, что в переводе Ломоносова нет слова «памятник», оно появится только у Державина).

В интертексте русской литературы много текстов, которые по своему содержанию тоже представляют собой поэтические завещания (например, «Юбилейное» В. Маяковского или «Реквием» А. Ахматовой), но они останутся за рамками статьи, поскольку предметом исследования являются тексты, написанные в жанре «памятника».

Стихотворения с названием «Памятник» принадлежат перу различных поэтов и были созданы в разное время. Вспомним, что интертекст представляет собой неупорядоченное поле текстов (хаос – в терминах лингвосинергетики, направления когнитивной лингвистики, изучающего образование и самоорганизацию смысла, моделей и структур в открытых нелинейных системах).

Для того, чтобы упорядочить хаос, необходима определённая энергия творца, преобразующая, упорядочивающая хаос, превращающая его во фрактал. Представим самые известные «памятники» на стреле времени:

▷1747	▷1795	▷1836	▷1912	▷1962	▷1973
Ломоносов	Державин	Пушкин	Брюсов	Бродский	Высоцкий

Каждый текст может быть *метатекстом* (вторичным текстом, созданным на основе прототекста, текстом-интерпретатором), но не каждый – *прототекстом* (текстом-прототипом, источником). Для того, чтобы текст стал прототекстом, он должен обладать имплицитной энергией. Энергия, преобразующая хаос, есть сумма энергии прототекста и автора, ведущего диалог с прототекстом. «Создание нового текста (метатекста) в терминах синергетики может быть описано как энергетический резонанс между автором и прототекстами, в результате которого происходит спонтанный выброс энергии – материи, знаменующей рождение нового текста. Этот процесс (энергообмен) и позволяет интертексту бесконечно расширяться и генерировать смыслы» [6, с. 29], видоизменяться как фрактал.

Вернёмся к началу стрелы времени. Текст М.В. Ломоносова не является самостоятельным произведением, это перевод, поэтому начнём анализ с «Памятника» Г.Р. Державина, прототекстом для которого является ломоносовское стихотворение (в литературоведении часто встречается формулировка «вольное переложение оды Горация», таким образом, указан ещё один прототекст – «Ода к Мельпомене»).

По сравнению с прототекстом смысл стихотворения практически не изменился, Г.Р. Державин позволил себе «вольность»: поменял римские реалии на современную ему российскую действительность, но, тем не менее, сохранил фрактальную организацию текста:

И слава возрастёт моя, не увядая,
 Доколь славянов род вселена будет чтить.
 Слух пройдёт обо мне от Белых вод до Чёрных,
 Где Волга, Дон, Нева, С Рифея льёт Урал...
 Кроме того, Державин, в отличие от Горация, видит свои заслуги в том,
 Что первый я дерзнул в забавном русском слоге
 О добродетелях Фелицы возгласить,
 В сердечной простоте беседовать о боге
 И истину царям с улыбкой говорить.

По сравнению с прототекстом, в «Памятнике» Г.Р. Державина наблюдаем приращение смысла: возникает тема взаимоотношений поэта и власти (поэт не должен зависеть от власти, чтобы иметь возможность говорить истину с улыбкой), тема назначения поэта дана пока имплицитно (назначение – говорить истину), но позже в интертексте русской литературы она разовьётся в диаду «поэт – пророк».

Интертекст – это открытая нелинейная система, в которой постоянно происходит обмен энергией (кстати, Р. Барт говорил, что текст – это пространство, в котором идёт процесс образования

смыслов). Для того, чтобы текст вошёл в культуру, не был забыт, он должен обладать высоким энергетическим потенциалом. «Начальный энергетический потенциал текста (метатекста) есть результирующая энергий прототекста... и автора. Будучи открытой неоднородной и нелинейной структурой, текст подвержен диссипации энергии во времени. Если диссипация переходит некий порог, то происходит размывание и распад структуры – такой текст не может породить новый текст» [6, с. 43].

«Памятник» Г.Р. Державина обладал необходимой имплицитной энергией, будучи метатекстом по отношению к «Памятнику» М.В. Ломоносова, он выступил в качестве прототекста для «Памятника» А.С. Пушкина. Известный исследователь творчества А.С. Пушкина С.М. Бонди писал о том, что стихотворение «Я памятник воздвиг себе нерукотворный...» нельзя рассматривать изолированно, его необходимо сопоставлять с прототекстом, обращая внимание на внесённые изменения [1, с. 451].

Сюжет стихотворения, как известно, составляет судьба поэта, осмысленная на историческом фоне. В своём тексте А.С. Пушкин использует традиционную жанровую форму памятника в качестве семантического фрактала, сохраняя общие границы содержания (взаимоотношения поэт-власть, поэт-поэзия и др.), но внося личностный смысл. Для русской поэзии «Памятник» А.С. Пушкина становится концептуальным фракталом. Поэт начал с того, что заменил присутствующие в державинском прототексте топонимы на названия различных народов:

Слух обо мне пройдёт по всей Руси великой,
И назовёт меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.

Насколько важна эта замена? Вспомним, что «Гораций говорит о ценности своих произведений для римлян, Державин – для русских, а Пушкин – для всех народов России, «для всего человечества» [1, с. 465].

Вопрос о назначении поэта А.С. Пушкин решил по-своему, его предшественники на первое место ставили литературные заслуги: «...чтоб внести в Италию стихи эольски», «что первый я дерзнул в забавном русском слоге...», но сам поэт отдаёт приоритет не художественной форме, а содержанию поэзии:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.

«Пушкин назвал очень важное, существенное качество своего характера – светлый, оптимистический, полный любви и уважения к человечеству характер своей поэзии...» [1, с. 466]. Таким образом, в пушкинском метатексте-фрактале наблюдаем приращение смысла: появляется новая тема противостояния поэта и власти. Тема бессмертия творчества тоже звучит по-новому:

Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно...

В предыдущих прототекстах венец был желанным: «И увенчай главу дельфийским лавром», «Чело твоё зарёй бессмертия венчай». Муза Пушкина не требует «венца», признания современников, наоборот, налицо конфликт: «И не оспаривай глупца». Возможно, что поэт не рассчитывает на понимание и признание своего творчества современниками.

Х. Гадамер считал, что временной интервал между произведением и восприятием играет положительную роль, так как время играет роль фильтра, сохраняющего подлинный смысл и задерживающего всё второстепенное, поэтому наиболее сильным «Памятником» был текст А.С. Пушкина, который в XX веке не раз выступал в качестве прототекста.

В интертексте русской литературы XVI–XIX веков стихотворения-фракталы с названием «Памятник» являлись особым жанром, имеющим свою структуру и традиционное содержание. Это семантический фрактал, в котором сохраняется тематическое и структурное единство (топонимы, обращение к Музе и другие маркеры). От прототекста к метатексту возрастает энергоём-

кость, смысловая сложность текста, появляется подтекст. Назовём условно эти тексты классическими «Памятниками». Кстати, Ю. Лотман считал, что подобные традиционные тексты, попадая в новый для них контекст современности, оживают и раскрывают скрытые смысловые потенции.

Тексты такого рода, не подверженные диссипации, являются сильными. «... Энергетически сильные тексты постоянно востребованы, то есть постоянно отдают энергию, но именно вследствие этого и получают энергию читателя... Тем самым они не только компенсируют естественную диссипацию энергии во времени, но и увеличивают общую энергетическую ёмкость прототекста. Таким образом, чем больше количество метатекстов, в которых использована энергия прототекста, тем выше энергоёмкость последнего» [6, с. 51].

Стихотворение В. Брюсова «Памятник» написано уже в XX веке, но оно обладает всеми признаками фрактала: «Классические стихотворения-памятники характеризуются структурно-тематическим постоянством. Из относительно устойчивого набора тематических мотивов следует выделить как наиболее частотный мотив самовосхваления поэтических заслуг, и связанный с ним – вечной памяти потомков, географические (пространственные) и временные (исторические) координаты распространения славы, а также локальность постановки памятника» [3, с. 4].

Стихотворение В. Брюсова также представляет собой семантический фрактал, в котором можно обнаружить указанные выше маркеры: мотив «нерукотворного памятника» – «Мой памятник стоит, из строф созвучных сложен», топонимы – «В сады Украины, в шум и яркий сон столицы, / К преддверьям Индии, на берег Иртыша, – / Повсюду долетят горящие страницы...».

Финал «Памятника» В. Брюсова практически повторяет пушкинский, только мысли о всемирной славе, о невозможности современников оценить по достоинству творчество поэта у Пушкина скрыты в подтексте (отсюда имплицитная энергия текста, большой потенциал), а у Брюсова они выражены явно:

Что слава наших дней? – случайная забава!

Что клевета друзей – презрение хулам!

Венчай моё чело, иных столетий Слава,

Вводя меня в всемирный храм.

На понимание текста, считает Н.А. Кузина, влияют многие факторы, например, жёсткость или мягкость текста, которая определяется числом возможных интерпретаций (чем больше число интерпретаций, которые допускает текст, тем он мягче), простотой или сложностью текста. «Критерием сложности текста мы считаем многослойность, многомерность текста, наличие имплицитной информации. Так, например, объективно сложными являются иронические тексты, в которых текст и подтекст как бы меняются местами – основным смыслом становится именно имплицитный» [6, с. 51].

«Памятник» В. Брюсова не обладает сильным энергетическим потенциалом, поэтому не выступает в качестве прототекста для последующих читателей, он подвержен диссипации во времени. Сильным прототекстом остаётся «Памятник» Пушкина. Данный тезис подтверждает и В.А. Зайцев: «Говоря о роли Пушкина в развитии темы «Памятника», особо следует подчеркнуть воздействие поэта на всю последующую жизнь этой традиции. Достигнув своего рода вершины, он вместе с тем как бы предрёк, предначертал дальнейшие, ещё не использованные возможности раскрытия темы, её многообразные трансформации у последователей в XIX и XX веке» [4, с. 268].

Во второй половине XX века «Памятник» переживает неклассический период, когда как фрактал используется не как содержание, а художественная форма («Памятник» как поэтическое завещание, некая рамка с условными маркерами, содержание сильно варьируется в зависимости от личности поэта). Поэтому каждый последующий метатекст будет трансформацией традиционного, классического «Памятника». Такие трансформации могут носить различный характер: полемический (В. Высоцкий), иронический (Вл. Ходасевич), игровой (И. Бродский) [3, с. 4]. Возникает даже новая форма, которую В.А. Зайцев обозначает как монолог ожившего памятника.

В 1962 году И. Бродский пишет стихотворение «Я памятник себе воздвиг иной...», прототекстом которого является пушкинский текст-фрактал. У Бродского присутствует «воспоминание»

о классическом памятнике: первая строка аллюзивно отсылает нас к Пушкину, но в ней же присутствует слово «иной» – как намёк на полемику с поэтом. Кроме того, для классического «Памятника» свойственно и обращение к Музе, присутствующее в строках Бродского. Это стихотворение в качестве метатекста впитало в себя из предыдущих прототекстов целый «пучок» смыслов: памятник стоит к «...постыдному столетию – спиной.../ А ягоды – к морю полуправд» (мотивы лжи, предательства, тотального подчинения современников недостойной власти, которой не хочет подчиняться лирический герой стихотворения; «я облик свой не стану изменять» – мотив наведения глянца на жизнь и творчество поэта с целью признания его официальной властью», «пускай меня разрушат, расчленят» – мотив разрушения памятника).

У И. Бродского высокий образ памятника, свойственный концептуальному фракталу А.С. Пушкина, снижается, девальвируется ценность памятника как средства признания творческих заслуг, памятник превращается в фонтан (интересна трансформация из мёртвого в живое).

Из гипсового бюста во дворе
Сквозь белые незрячие глаза
Струёй воды ударю в небеса...

В «Памятнике» И. Бродского впервые возникла антитеза «живая жизнь» – «мёртвый памятник». Позже в продолжение темы поэт напишет стихотворение «Поставим памятник в конце длинной городской улицы...», в котором не только заостряет и развивает указанные мотивы, но и прямо даёт отрицательную характеристику памятнику:

Поставим памятник,
Который никому не мешает...
Поставим памятник лжи.

Таким образом, в XX веке в интертексте русской литературы «памятник»-фрактал меняет свою полярность с положительной (памятник как дань уважения поэту от потомков, символ признания его заслуг) на прямо противоположную оценку (средство обезличивания индивидуальности, ограничения свободы творчества и заключения в привычные рамки). Указанные явления можно увидеть в тексте «Памятника» В. Высоцкого.

Итак, этот текст в результате резонанса и диалога с предшествующими «памятниками»-фракталами накопил достаточно сильную имплицитную энергию. Прототекстом для него послужил, прежде всего, «Памятник» А.С. Пушкина, на что в своих выступлениях указывал сам Высоцкий: «Ну, все пишут памятники, значит... Вот, пора, не нарушая традиций, к тридцати семи годам пора» [Крылов, 2010, с. 246] Намёк на традицию и цифра 37 отсылают нас к прототексту А.С. Пушкина и одновременно – к песне «О фатальных датах и цифрах».

Высоцкий, выступая в качестве читателя прототекста Пушкина, ощущает энергетический резонанс – «совпадение ритмов пульсаций энергии автора и текста, дающее спонтанное многократное её усиление» [6, с. 47]. При этом резонируют как текст, так и подтекст. Результатом резонанса является возникший метатекст, в котором энергией автора метатекста преобразуется прототекст (может изменяться его содержание или структура) в соответствии с конкретным историческим периодом, местом текста на стреле времени.

Психологи утверждают, что новое знание может возникнуть только на базе ранее полученной и хранящейся в мозге информации. Поэтому в процессе творчества автор сознательно или бессознательно обращается к прототекстам. Прототексты, попадающие в поле зрения автора, «проверяются на когерентность, и, если их системы когерентны автору, возникает резонанс» [6, с. 59].

Такой резонанс позволил Высоцкому создать свой «Памятник», сохраняя фрактальный принцип организации текста. Название стихотворения отсылает нас к памяти жанра, предшествующим прототекстам, но маркеров классического «памятника» мы не найдём. От предыдущих прототекстов сохранились темы поэтического завещания, преодоления бренности бытия творчеством и др., но творческая энергия автора изменила классический «Памятник» достаточно сильно. Д.С. Лихачёв писал, что личность творца помогает сохранить в литературе необходимый энергетический уровень, без которого невозможно существование искусства. Стихотворение В. Высоцкого уникально, что у него, как минимум, три прототекста. Первым был «Памятник»

А.С. Пушкина, вторым – И. Бродского и третьим, как справедливо указывают А.Е. Крылов и А.В. Кулагин, было стихотворение В.В. Маяковского «Юбилейное» [5, с. 247].

В. Маяковский, обращаясь к самому сильному прототексту, начинает «Юбилейное» с беседы с Пушкиным. Поэт сохраняет традиционную тематику «Памятника» – тема поэта и поэзии, поиски новых форм творчества:

Нами
 лирика
 в штыки
 неоднократно атакована,
 Ищем речи
 точной
 и нагой.

В тексте Маяковского также присутствуют темы ценности «живой жизни», приведения творчества в рамки:

Я люблю вас,
 но живого,
 а не мумию.

Навели
 хрестоматийный глянец.

О прокрустовом ложе официальной поэзии говорится впоследствии у Высоцкого:

Я хвалился косою саженью –
 Нате смерти:–
 Я не знал, что подвергнусь суженью
 После смерти, –
 Но в обычные рамки я всажен –
 На спор вбили,
 А косую неровную сажень –
 Распрямили.

В метатексте Высоцкого в соответствии с замыслом поэта был произведён отбор смыслового содержания с учётом прототекстов. (В синергетике замысел рассматривается как аттрактор творческой деятельности, определяющий отбор материала). «Памятник» Высоцкого построен на антитезе «мёртвое-живое», при этом мёртвым оказывается самое дорогое – «расторопные члены семьи», снимающие маску с лирического героя.

Характерная для «памятников»-фракталов тема свободы творчества, взаимоотношений между властью и поэтом решается с помощью образа рамки, границы, мерки:

Я при жизни был рослым и стройным...
 И в привычные рамки не лез....
 Но в обычные рамки я всажен...
 Подходившие с меркой обычной –
 Опасались...

Текст В. Высоцкого одновременно и продолжает традицию и ломает её: памятник поэту ставят не в результате признания его заслуг перед Отечеством, а как «венец моего исправленья». В. Высоцкий был поэт самиздата, герой «намагниченных лент», которого любила вся страна и с которым бороться средствами официальной пропаганды было неэффективно, поэтому проще «причислить» его к настоящим поэтам, но после соответствующей доработки, наведя глянец:

Мой отчаяньем сорванный голос
 Современные средства науки
 Превратили в приятный фальцет...
 Саван сдёрнули – как я обужен, –
 Нате смерти!–

Неужели такой я вам нужен
После смерти?!

В стихотворении Высоцкого также присутствует тема ожившего памятника, которая далеко не нова для русской литературы («Командора шаги злы и гулки» – аллюзия к Пушкину; у Маяковского памятник Пушкину, прогулявшись, возвращается на своё место: «Ну, давайте, / подсажу / на пьедестал»), но в этом тексте она трансформируется в тему разрушения памятника лирическим героем. Истоки данной темы присутствуют у И. Бродского и В. Маяковского:

Заложил бы
динамиту
– ну-ка,
дрызнь!

Ненавижу
всяческую мертвечину!

Обожаю
Всяческую жизнь! (В. Маяковский)

Высоцкий развивает мотив разрушения, так условное наклонение (возможность действия – *заложил бы*) заменяется прошедшим временем (*прохрипел, ушёл*), констатирующим результат, законченное действие:

Из разодранных рупоров всё же
Прохрипел я похоже: «Живой!»...
Не сумел я, как было угодно –
Шито-крыто.
Я, напротив, – ушёл всенародно
Из гранита.

В ходе проведённых исследований были получены следующие результаты: был выявлен набор элементов базового фрактала-«памятника», характерный для жанра оды; анализ особенностей существования стихотворений-«памятников» в интертексте русской литературы ХУ111–ХХ веков показал, что «Памятник» А.С. Пушкина является концептуальным фракталом, ориентируясь на который поэты создавали свои конфигурации-фракталы, изменяя содержание или форму прототекста. Если в классических текстах-фракталах поэты стремились к увековечению своего творчества путём установки памятника, то в неклассических стихотворениях-фракталах образ памятник снижен, это бесполезный памятник, «памятник лжи». В.С. Высоцкий идёт ещё дальше: предпочитает памятнику живую жизнь. Лексема напротив сразу ставит этот текст в оппозицию к традиции. «Памятник» В.С. Высоцкого – сложный метатекст, ему присуща смысловая множественность, данный текст обогащён традицией написания данного жанра и, вместе с тем, совершенно необычен для интертекста русской литературы.

Интертекст, безграничный во времени и пространстве, в целом находится в состоянии хаоса, под воздействием творца отдельные области интертекста упорядочиваются, превращаясь во фрактал. «Чем меньше текстовых индикаторов..., тем более жёсткими будут условия резонанса автора и читателя, тем более «своего» читателя...» [6, с. 64]. Анализируя многообразие «памятников», созданных на протяжении ХУ111–ХХ веков, можно обнаружить следующую закономерность: в классических текстах (М. Ломоносов, Г. Державин, А. Пушкин) используется память жанра, памятник выступает как семантический фрактал, так как авторы вносят незначительные изменения в семантику текста, структурно тексты практически не изменяются и содержат все маркеры классического «Памятника». Неклассические тексты (И. Бродский, В. Высоцкий и др.) представляют собой структурный фрактал, поскольку от классического текста сохраняются лишь общие формальные признаки, содержание трансформируется в зависимости от замысла поэта, конкретного исторического времени и других факторов. Таким образом, неклассические тексты изменяют привычный образ памятника.

Используя теорию фракталов в качестве инструмента исследования, можно выявить особенности идиостиля автора любого художественного произведения, поскольку каждый текст будет

выступать как фрактал по отношению ко всему корпусу текстов конкретного автора. Фрактальный анализ как метод изучения открывает новый путь наблюдения за упорядочиванием творческого хаоса, стабилизацией поэтического текста.

© Закурдаева Н.В., 2021

Список литературы

1. Бонди С.М. Памятник // Бонди С.М. О Пушкине: Статьи и исследования. М.: Худож. лит., 1978. С. 442-476.
2. Желтова Н.Ю. Поэтика русского национального характера (теоретический аспект) // Вестник ТГТУ. 2004. Том 10. № 3. С.876.
3. Жилияков С.В. Жанровая традиция стихотворения-«памятника» в русской поэзии XVIII–XX вв.: автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук: специальность 10.01.01 «Русская литература». Елец, 2011. 22 с.
4. Зайцев В.А. «Памятник» Высоцкого и традиции русской поэзии // Мир Высоцкого: Исслед. и материалы. Вып. III. Т. 2. / Сост. А.Е. Крылов и В.Ф. Щербакова. М.: ГКЦМ В.С. Высоцкого, 1999. 624 с.
5. Крылов А.Е., Кулагин А.В. Высоцкий как энциклопедия советской жизни: Комментарий к песням поэта. 2-е изд., испр. и доп. М.: Булат, 2010. 384 с.
6. Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. Изд. 5-е. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 272 с.
7. Симонов К.И. Фрактальная концепция языка // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. № 1 (32). 2011. с. 360-371.

References

1. Bondi, S.M. Pamiatnik [Monument] // Bondi S.M. *O Pushkine. Statia I issledovaniia* [About Pushkin: Articles and Research.] M.: Art. Lit., 1978. S. 442-476.
2. Zheltova, N.Yu. Poetika russkogo natsionalnogo karaktera. Teoretichesky aspekt [Poetics of Russian national character (theoretical aspect)] // *Vestnik VGTU* [Bulletin of TSTU]. 2004. Volume 10. No. 3. P.876.
3. Zhilyakov, S.V. *Zhanrovaia traditsiia stihkotvoreniia-pamiatnika v russkoi poezii XV111– XX vekov* [The genre tradition of a poem - a «monument» in Russian poetry of the 18th-20th centuries]: dissertation author's abstract for the degree of candidate of philological sciences: specialty 10.01.01 «Russian literature». Yelets, 2011. 22 p.
4. Zaitsev, V.A. "Pamiatnik" Vysotskogo i traditsii russkoi poezii [«Monument» of Vysotsky and the traditions of Russian poetry] // *Mir Vysotskogo* [The World of Vysotsky]: Issled. i materialy. Issue III. T.2. / Comp. A.E. Krylov and V.F. Shcherbakova. M.: GKTsM V.S. Vysotsky, 1999. 624 p.
5. Krylov A.E., Kulagin A.V. *Vysotsky kak entsiklopediia sovetskoi zhisni* [Vysotsky as an encyclopedia of Soviet life]: Kommentary k pesniiam poeta [Commentary on the poet's songs]. 2nd ed., Rev. and add. M.: Bulat, 2010. 384 p.
6. Kuzmina, N.A. *Intertekst i ego rol' v evolutsii poeticheskogo iazyka* [Intertext and its role in the evolution of poetic language]. Ed. 5th. M.: Book House «Librokom», 2009. 272 p.
7. Simonov, K.I. *Fraktal'naia kontsptsiiia iazyka* [Fractal concept of language] // *Voprosy sovremennoi nauki i praktiki* [Questions of modern science and practice]. University named after IN AND. Vernadsky. - No. 1 (32). - 2011. p. 360-371.

Сведения об авторе:

Закурдаева Наталья Вячеславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и иностранных языков Академии ФСО России (Россия, Орёл). Сфера научных и профессиональных интересов: когнитивная лингвистика, лингвокультурология, лингвострановедение, русский язык как иностранный, риторика. E-mail: zakurdaeva.n@inbox.ru

About the author:

Natalya V. Zakurdaeva – PhD, Assistant Professor of the Department of Russian and Foreign Languages of the Academy of the FSO of Russia (Russia, Oryol). Sphere of scientific and professional interests: cognitive linguistics, cultural linguistics, linguistic and regional studies, Russian as a foreign language, rhetoric. E-mail: zakurdaeva.n@inbox.ru

* * *

PEJORATIVE LEXIS AS THE MEANS OF CRITICISM OF THE 16TH CENTURY RUSSIAN REALIA IN THE TREATISE OF *THE RUSSE* *COMMON WEALTH* BY GILES FLETCHER

Sergey V. Mukhin, Daria A. Efremova

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. *The research aims at analyzing the lexical aspect of foreign criticism of Russia at an early stage of establishing international relations. The article focuses on the role of pejorative lexis and phraseology used by an English diplomat Giles Fletcher to expose to criticism Russian social, cultural and common realia in his treatise *On the Russe Common Wealth* written in 1591. The research finds out the main objects and grounds of the country's negative evaluativity dispensed by the author, puts to analysis diverse lexical means with inherent negative evaluation, reveals their functions in the text. Criticism is underpinned by the author's intention against the historical background of the deteriorating Anglo-Russian relations caused by the competing interests of the two nations. The part that effects evaluation is the late 16th century English society represented by Giles Fletcher, a public officer and politician. Specific objects of his criticism are persons and groups (monarchs, nobility, peasantry, clergy, etc.), national character of the Russian people, and social institutions (administration, political regime, law and judicial system, finance and economy, the Orthodox church, etc.). Criticism of Russian realia in the treatise is mainly manifest on the lexical level by virtue of the extensive use of pejorative substantives and metaphoric idioms. As to the function, negative evaluativity on the lexical level expresses the author's emotions and presents the characteristics of persons and ethnospecific phenomena.*

Key Words: *criticism, stereotype, evaluativity, pejorative lexis, Giles Fletcher, treatise, pejorativity, negative connotation*

For citation: Mukhin S.V., Efremova D.A. (2021). Pejorative Lexis as The Means of Criticism of the 16th Century Russian Realia in the Treatise of *the Russe Common Wealth* by Giles Fletcher. *Philology at MGIMO*, 7(3), pp. 75–85. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-3-27-75-85>

НЕГАТИВНООЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА КАК СРЕДСТВО КРИТИКИ РУССКИХ РЕАЛИЙ XVI ВЕКА В ТРАКТАТЕ ДЖАЙЛСА ФЛЕТЧЕРА «О ГОСУДАРСТВЕ РУССКОМ»

С.В. Мухин, Д.А. Ефремова

Московский государственный институт международных отношений (университет) Россия,
119454, Москва, проспект Вернадского, 76

Аннотация. Исследование ставит целью изучение лексического аспекта критического отношения иностранцев к России на раннем этапе становления международных связей. В статье рассматривается роль негативнооценочной лексики и фразеологии при передаче критического отношения английского дипломата Джайлса Флетчера к русским общественным, культурным и бытовым реалиям в написанном им в 1591 г. трактате «О Государстве Русском». В исследовании устанавливаются основные объекты и основания отрицательной оценки автором описываемой страны, выявляются разнообразные средства лексического уровня с отрицательной оценочностью, анализируются особенности их функционирования. Отрицательная оценочность в трактате обусловлена прагматической установкой автора, сформированной на фоне ухудшения англо-русских отношений в результате конфликта интересов двух государств. Субъектом оценки выступает английское общество конца XVI в., представленное в лице общественного и политического деятеля Джайлса Флетчера. Конкретными объектами отрицательной оценки являются лица и группы людей (монархи, знать, крестьянство, духовенство и др.), национальный характер русского народа, а также общественные институты (государственно-административное устройство, политический режим, закон и право, финансово-экономическая система, православная церковь и др.) В трактате «О Государстве Русском» критическая оценка преимущественно передаётся при помощи именных субъективных пейоративов и образных фразеологизмов. В функциональном плане отрицательная оценочность на лексическом уровне используется для выражения эмоций и чувств автора, характеристики персоналий и этноспецифических явлений.

Ключевые слова: критика, стереотип, оценочность, негативнооценочная лексика, Джайлс Флетчер, трактат, пейоративность, отрицательная коннотация

Для цитирования: Мухин С.В., Ефремова Д.А. (2021). Негативнооценочная лексика как средство критики русских реалий XVI века в трактате Джайлса Флетчера «О государстве русском». *Филологические науки в МГИМО*. 7(3), С. 75–85. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-3-27-75-85>

Введение

Современное информационное пространство характеризуется доминированием дихотомии «свой – чужой», которая определяет ценностную систему знаний, особенности восприятия и интерпретации окружающего мира. Оценочность оппозиции «свой – чужой» является одним из ключевых её компонентов, который базируется на соответствии принятой в данном обществе норме [3]; [13, с. 18–19] и обладает исторической преемственностью. Оценоч-

ность в лингвистике понимается как свойство языковых единиц, определяющее их способность служить средством выражения отношения говорящего к высказываемому [11, с. 21]. Понятие оценочности связано с логической категорией оценки, которая трактуется как когнитивное действие, направленное на приписывание отрицательных или положительных свойств предмету [15, с. 755]. Основополагающими компонентами структуры оценки являются субъект оценки, объект оценки и основание оценки. Под субъектом оценки понимается эксплицитный или имплицитный компонент оценочной конструкции, представляющий человека или социум, со стороны которого даётся оценка. Объектом принято считать компонент оценочного высказывания, представляющий собой фрагмент окружающей среды, который оценивается. Основание оценки – это компонент высказывания, который выражает суть оценки и является реальной основой оценочной конструкции [5, с. 12–13].

Противопоставление «свой – чужой», как правило, предполагает отрицательную оценку оппонента [9, с. 14]; [8, с. 74], причём даже при отсутствии объективных причин для формирования отрицательного мнения о «чужом» [3, с. 204]. Наиболее явно отрицательная оценочность реализуется на лексическом уровне [4, с. 25], что в речи / тексте выражается в широком употреблении лексем с отрицательной коннотацией. Пристальное внимание лингвистов к данной тематике и её актуальность во многом обусловлены распространённостью речевых ситуаций отрицательной оценки в отношении «чужого» в нынешних условиях, и особенно в практике международных отношений. Исторические истоки рассматриваемого явления практически не изучались, хотя отмечается, что представления о «своих» и «чужих» формируются на основе коллективной памяти и закрепляются в форме стереотипов [3, с. 6]. В связи с этим представляется целесообразным исследовать, каким образом зарождается и развивается отрицательная оценочность в отношении «чужих», прежде всего представителей другой национальности.

Анализируя оценочность, важно принимать в расчёт субъект и объект оценки, а также её основание. Исследовательские задачи в данной работе были поставлены с учётом основных компонентов структуры оценки. Для выявления особенностей субъекта оценки и её оснований кратко описывается исторический контекст, в котором был создан изучаемый документ. Также определяются основные объекты отрицательной оценки как часть прагматической установки автора. Одним из самых важных этапов исследования является выделение лексических средств, для которых характерна отрицательная оценочность, и анализ их функций.

Настоящее исследование ставит целью изучение лексического аспекта критического отношения иностранцев к России на этапе становления международных связей. Основным текстовым источником исследования выбран трактат английского дипломата Джайлса Флетчера (*Giles Fletcher*, 1548 – 1611) «О государстве Русском», впервые опубликованный в авторском издании 1591 года. Нами используется издание 1856 года [18], полностью воспроизводящее оригинальный текст.

Цели и задачи исследования обуславливают использование семантико-стилистического метода и метода контекстуального анализа для выявления особенностей функционирования пейоративной лексики и элементов парадигматического компонентного анализа для учёта системной организации лексики.

Исторический контекст

История отношений между Великобританией и Россией характеризуется цикличностью. Настоящая статья сфокусирована на лингвистическом материале, созданном в период первого документально зафиксированного ухудшения англо-русских отношений в конце XVI века. Приводимые далее исторические факты периода ранних англо-русских отношений, в частности, подробно излагаются в книге Ю.В. Толстого «Первые сорок лет сношения России с Англией. 1553–1593» [12] и в исследовании Дж. Крейка *The History of British Commerce* [16].

Регулярные межгосударственные контакты между Англией и Русским царством были установлены в середине XVI века благодаря взаимной потребности в торговом обмене. С момента

создания в 1555 году Московская компания (*Muscovy Company*) пользовалась покровительством верховной власти в обеих странах: королева Мария выдала компании патент на монопольную торговлю, а Иван IV – льготную грамоту. Первые признаки напряжённости появились в 1569 году, когда Иван Грозный начал высказывать недовольство несправедливыми ценами, устанавливаемыми компанией. В 1587 году при царе Фёдоре Иоанновиче фактический правитель Борис Годунов ввёл ряд ограничений, в рамках которых должна была осуществляться торговля. В результате банкротства одного из агентов компании разразился дипломатический скандал, и компании было запрещено нанимать русских служащих. Для урегулирования ситуации в 1588 году в Москву был направлен член парламента, поэт и общественный деятель Джайлс Флетчер, однако успешность его миссии сразу оказалась под угрозой из-за нарушения церемониального протокола. Обращаясь к царю, Флетчер не стал соблюдать полную титулатуру монарха, что было воспринято как оскорбление величества.

В результате провала дипломатической миссии Московская компания лишилась права беспошлинной торговли в пределах Русского царства. Флетчер в 1591 году представил королеве Елизавете отчёт об увиденном в России в виде книги, в которой изложил своё видение общественного, государственного и экономического устройства страны. Особенностью описания стал критический подход к русским реалиям, о чём можно судить по характеристике, данной в записке, которую Флетчер адресовал королеве:

In their maner of government, your Highnesse may see both a true and strange face of a tyrannical state (most unlike to your own), without true knowledge of God, without written lawe, without common justice... [18].

Книга Флетчера (полное название *Of the Russe Common Wealth or Maner of Gouvernement by the Russe Emperour, (commonly called the Emperour of Moskouia) with the manners, and fashions of the people of that Countrey*) была сразу опубликована в Лондоне, на протяжении четырёх веков неоднократно переиздавалась и, несмотря на фактические ошибки, допущенные автором, стала востребованным источником по географии, истории, экономике и государственному устройству России XVI века. Трактат послужил основой для создания в европейских странах многих стереотипов о России.

Анализ оценочной лексики с негативной коннотацией

Понятие коннотации впервые ввёл в лингвистический оборот Л. Ельмслев в исследовании «Пролегомены к теории языка» [6]. В наиболее общем виде коннотацию можно понимать как «личный аспект лексического значения – часто подразумевающий эмоциональные ассоциации, которые способна вызывать лексема» [17, с. 170], в отличие от объективных отношений, существующих между словом и реальностью, обычно фиксируемых словарным значением. Среди лингвистов нет единства в решении вопроса о соотношении понятий коннотации и оценочности. Ряд языковедов [10, с. 38]; [14, с. 60] считают оценочность компонентом денотации, а не коннотации, в то время как большинство исследователей [2, с. 294]; [1, с. 88 и др.] полагают, что оценочность входит в структуру коннотации. В данной работе мы будем придерживаться последнего подхода и считать оценочность частью коннотации, больше других связанной с денотативным значением слова. Одной из языковых универсалий выступает дихотомическое деление оценочной лексики на пейоративы и мелиоративы. Пейоративная лексика служит основным языковым средством выражения критики. Механизм актуализации негативной лексики предполагает противопоставление оцениваемого объекта или понятия норме. Соответственно, пейоративность как явление представляет собой «свойство языковых единиц, проявляющееся в способности реализовывать семантику неодобрения, критики, презрения и порицания в адрес представителей социума, чьи поступки или личностные качества не соответствуют моральным и социальным нормам общества» [7, с. 9].

По мнению В.И. Карасика, негативная лексика подразделяется на две основные группы: общие и специальные пейоративы [4, с. 256]. Первая группа представлена словами с инвективным зна-

чением, передающим оценочно-статусные отношения. Специальные пейоративы, в свою очередь, разделяются на объективные и субъективные. Группа объективных пейоративов представлена лексическими единицами, называющими реально существующие качества и характеристики, универсально воспринимаемые как недостатки: глупость, жадность, ложь и т. п. Группа субъективных пейоративов включает в себя слова с идеологическим компонентом значения, отражающим классовые, национальные, религиозные и прочие стереотипы. В соответствии с проблематикой настоящего исследования нас в первую очередь интересует именно последняя группа.

Рассмотрение негативнооценочной лексики в тексте трактата Дж. Флетчера позволяет сгруппировать лексические единицы, употребляемые автором, в зависимости от оценочного компонента значения каждой конкретной единицы. Применительно к описательному произведению такого рода, как трактат Флетчера, самым важным представляется провести классификацию объектов оценивания. Наиболее общее деление пейоративных слов производится в соответствии с прагматическими установками книги. Одна из двух основных группы пейоративов включают в себя слова с негативнооценочным значением, называющие лиц. Вторая группа образуется пейоративными словами, именующими общественные институты. Поскольку характеристика лиц и реалий выступает главной задачей сочинения Флетчера, большинство негативнооценочных лексем имеют именное частеречное значение, хотя глаголы представлены также довольно широко.

Таблица 1. Примеры реализации негативнооценочной лексики, описывающей черты характера, привычки, репутацию и действия конкретных лиц и определённых групп людей:

царевич Дмитрий	<i>He is delighted (they say) to see sheepe and other cattel killed, and to looke on their throtes while they are bleeding (which commonly children are afraid to beholde), and to beate geese and hennes with a staffe till he see them lie dead</i> [18, c. 22].
семья Годуновых	<i>These and such like wayes, begunne by the emperour Ivan Vasilowich, are still practised by the Godonoes, who, beyng advanced by the mariage of the empresse their kinsewoman, rule both the emperour and his realme (specially Borris Federowich Godonoe, brother to the empresse), and endeavour by all meanes to cut of or keepe downe all of the best and auncientest nobilitie</i> [18, c. 35].
крестьянство	<i>For as themselves are verie hardlie and cruellie dealt with all by their chiefe magistrates and other superiours, so are they as cruell one against an other, specially over their inferiours and such as are under them. So that the basest and wretchedest Christianoe (as they call him) that stoupeth and croucheth like a dogge to the gentleman, and licketh up the dust that lieth at his feete, is an intolerable tyrant where he hath the advantage</i> [18, c.151].

В приведённых выше примерах можно видеть, как реализуется в контексте оценочный потенциал пейоративной лексики.

В первом примере описываются неестественные наклонности царевича Дмитрия Угличского, которому на момент пребывания Флетчера в России было шесть лет. В общенегативном окружении слов с отрицательной коннотацией (причастия *killed* и *bleeding*, прилагательное *dead*) глагол *beate* имеет сильную и резко отрицательную оценочность, характеризуя царевича как злобного и жестокого ребёнка, которому доставляет удовольствие мучить и убивать животных.

Во втором примере реализуется негативная оценка узурпировавшего власть семейства Годуновых с помощью зевгматического сочетания *rule the emperour and his realm*, посредством которого самодержавный царь изображается управляемой марионеткой. Кроме того, чётко выраженную отрицательную оценочность реализуют фразовые глаголы *cut of* и *keepe down*, описывающие притеснение Годуновыми родовой знати.

В третьем примере худшие моральные качества крестьянства и его угнетённое состояние описываются с помощью эпитетов *cruell*, *basest*, *wretchedest*, *intolerable tyrant*, образного фразеологизма *licke up the dust*, глаголов *stoupe*, *crouche* и устойчивого сравнения *like a dogge*.

В первом примере преобладают негативнооценочные существительные, такие как *extortion*, *exaction*, *briberie*, *whippe*, *bootie*, *injurie*, описывающие несправедливый и грабительский характер поборов и способы их взимания. Эффект усилен глаголами *wringe* и *beate out*. Для описания практики обирания населения используется сравнение данников с пчёлами (*as the honie from the bee*), а также фразеологизм *sucke oneselfe ful*, образно представляющий власть имущих как кровососущих насекомых.

Таблица 2. Примеры реализации негативнооценочной лексики, описывающей природу общественных институтов и практик:

налоговая система	To prevent no extortions, exactions, or briberies whatsoever, done upon the commons by their dukes, diaks, or other officers in their provinces: but to suffer them to go on till their time bee expired, and to sucke themselves ful . Then to cal them to the praveush (or whippe) for their behaviour, and to beate out of them all or the most part of the bootie (as the honie from the bee), which they have wrung from the commons, and to turne it into the emperours treasurie; but never any thing backe againe to the right owners, how great or evident soever the injurie be [18, с. 54].
закон и право	Their onely law is their speaking law, that is, the pleasure of the prince, and of his magistrates and officers. Which sheweth the miserable condition of this poore people, that are forced to have them for their law and direction of justice , against whose injustice and extreame oppression they had neede to be armed with many good and strong lawes [18, с. 69].
иконопочитание	This hath brought them to an horrible excesse of idolatry , after the grossest and prophanest manner, giving unto their imagesal religious worship of praier, thanksgiving, offerings, and adoration, with prostrating and knocking their heads to theround before them, as to God himself [18, с. 127].

Во втором примере негативная оценка правовой системы осуществляется с помощью номинативной оценочной лексики *miserable, forced, injustice, oppression*, выражающей понятия, прямо противоположные концепту права.

В третьем примере осуждение иконопочитания протестантом Флетчером выражено посредством оценочных существительных и прилагательных *horrible, excesse, idolatry, grossest, prophanest*, а также глагола *knocke*, саркастически описывающего процесс поклонения образам святых.

4. Объекты негативной оценки

Сочинение Флетчера выстроено таким образом, что каждая его глава, как правило, посвящена какому-либо одному конкретному аспекту русского государства и общества, например, *Of the nobilitie, and by what meanes it is kept in an underproportion agreeable to that state; Of the Emperours Counsell; Of their publique justice, and manner of proceeding in civill and criminall matters* и т.п. Тем не менее многие пейоративные единицы используются рекуррентно в различных главах. Так, у Флетчера оказывается весьма востребован набор однокоренных слов *tyrannie, tyrant, tyrannicall, tyrannous, tyrannic*, призванных представить в отрицательном свете самые разные реалии русской жизни.

В целом разнообразие конкретных объектов критики можно свести к шести основным категориям: 1) правящий дом Рюриковичей; 2) политический режим; 3) экономическая и финансовая система страны; 4) государственно-административное устройство; 5) православная церковь; 6) национальный характер. Рассмотрим примеры употребления негативнооценочной лексики для каждой из перечисленных категорий объектов критики.

1) Правящий дом

Несмотря на то, что Флетчер пребывал в России в правление Фёдора Иоанновича, он уделяет много внимания предыдущему царствованию, окончившемуся за четыре года до его приезда в Москву. При этом он широко прибегает к использованию негативнооценочной лексики для выражения осуждения как самого государя, так и его приближённых. Вот как, к примеру, в его описании предстаёт эпизод убийства Иваном Грозным своего сына:

*As for the other brother that was eldest of the three, and of the best towardnesse, he died of a blowe given him by his father upon the head in his **furie** with his walking staffe, or (as some say) of a thrust with a prong of it driven deepe into his head. That he meant him no such **mortall harme** when he gave him the blow, may appeare by his **mourning** and **passion** after his sonnes **death**, which never left him till it **brought him to the grave**. Wherein may be marked the justice of God, that **punished** his delight in shedding of **bloud** with this **murder** of his sonne by his owne hand, and so ended his dayes and **tyrannie** together, with the **murdering** of himselfe by extreame **griefe**, for this his **unhappie** and **unnaturall** fact [18, с. 21].*

Поскольку в данном фрагменте объектом оценивания является царь Иван Грозный и совершённый им поступок, а прагматической установкой является его описание и критика, пейоративная лексика здесь имеет, в основном, именное частеречное значение. Негативнооценочные лексические единицы принадлежат к двум основным семантическим полям – смерти (*mortall harme*,

mourning, death, brought him to the grave, shedding of blood, murder, murdering) и чувств и эмоций (*furie, passion, grieve, unhappie*). Фразеологические сочетания эвфемистического характера *brought him to the grave* и *shedding of blood* придают отрывку возвышенное звучание.

Флетчер подробно излагает историю борьбы покойного царя с родовой аристократией за абсолютную власть, указывая на то, что жестокие методы Ивана IV разделили общество. В этой связи примечательно то, каким способом автор транслитерирует слово «опричник»:

Hee devided his subjectes into two partes or factions by a general schisme. The one part hee called the Oppressini or select men [18, с. 33].

На основе звукового подобия новоанглийского слова со значением «притеснитель, угнетатель» и русского слова «опричник» происходит номинация реалии за счёт переноса значения, базирующегося на эмоциональном впечатлении. Очевидно, что критическое отношение автора к русскому государству прослеживается даже в процессе именовании новых этнонациональных явлений.

Дипломат даже делает предсказание, что такое положение вещей чревато смутой:

And this wicked pollicy and tyrannous practise (though now it be ceased) hath so troubled that countrey, and filled it so full of grudge and mortall hatred ever since, that it wil not be quenched (as it seemeth now) till it burne againe into a civill flame [18, с. 34].

Пейоративная лексика данного фрагмента, имеющая преимущественно именное частречное значение, используется для описания отрицательных эмоций и чувств (*grudge and mortall hatred*), а также для передачи неодобрения существующих в государстве порядков (*wicked, tyrannous*). Лексическое сочетание с яркой образностью *burne againe into a civill flame* используется для пейоративного именования понятия восстания, которое в аристократических кругах того времени, к которым принадлежал Дж. Флетчер, упоминалось с осторожностью.

2) Режим

Критическое отношение автора к государственному и политическому устройству России выражается достаточно явно в общей характеристике государства, данной Флетчером. Здесь следует отметить высокую концентрацию негативнооценочной лексики:

The State and forme of their government is plaine tyrannicall, as applying all to the behoofe of the prince, and that after a most open and barbarous manner: as may appeare by the sophismata or secretes of their government afterwards set downe, as well for the keeping of the nobilitie and commons in an under proportion, and far uneven balance in their severall degrees, as also in their impositions and exactions, wherein they exceede all just measure, without any regard of nobilitie or people: farther then it giveth the nobilitie a kinde of injust and unmeasured libertie to commaund and exact upon the commons and baser sort of people... [18, с. 26].

Нужно отметить, что в этом фрагменте помимо лексем, отрицательная коннотация которых реализуется в большом количестве контекстов (*tyrannicall, barbarous, exactions, injust and unmeasured*), есть и чисто ситуативное негативнооценочное употребление. Например, лексическая единица *sophismata*, обозначающая выражение, используемое средневековыми философами для упражнения в логическом анализе, в данном случае применительно к системе управления указывает на странность и неоднозначность решений, принимаемых находящимися у власти лицами.

Особое внимание уделяется судебной системе, которая, по наблюдению автора, основана не на кодифицированном законе и не на традиции, а исключительно на произволе, что приводит к общей неэффективности правосудия:

Wherein there is none that hath anie authoritie or publike jurisdiction that goeth by discent, or is held by charter, but all at the appoyntment and pleasure of the emperour, and the same practised by the judges with such awe and restraint, as that they dare not determine upon anie speciall matter, but must referre the same wholly up to the Mosko to the emperours counsell [18, с. 28].

Критическое отношение автора передаётся в данном фрагменте не только за счёт употребления негативнооценочной лексики *awe and restraint*, но и путём отрицания лексики с положительной коннотацией: *there is none that hath anie authoritie*, что позволяет сделать дополнительный акцент на отрицательном отношении автора к судебной системе русского государства.

3) Экономика и финансы

Описывая хозяйственные отношения, Флетчер делает акцент на том, что для них типично принуждение, а не свобода субъектов:

Which is forced upon the marchants to be bought by them at the emperours price, whether they will or no [18, с. 57].

В рамках такой системы конечная выгода всегда остаётся за казной за счёт достатка, а иногда и здоровья подданных. В частности, английский дипломат критикует государственную монополию на торговлю спиртным как простой и быстрый, но в конечном счёте вредоносный для народа способ пополнения казны:

Wherein, besides the base and dishonourable meanes to encrease his treasurie, many foule faultes are committed. The poore labouring man and artificer, manie times spendeth all from his wife and children. Some use to lay in twentie, thirtie, fourtie rubbels or more into the caback, and vowe themselves to the pot till all that be spent. And this (as he will say) for the honour of hospodare or the emperour. You shall have manie there that have drunk all away to the verie skinne, and so walk naked (whom they call naga) [18, с. 58].

Лексика с отрицательной коннотацией *base and dishonourable meanes, foule faultes are committed* используется для описания способа государственного обогащения, при этом автор апеллирует к моральным принципам читателей, их пониманию таких понятий как грех, честь, благородство. Критике, хотя и с оттенком сочувствия, подвергается и русский народ, для описания действий которого используются фразеологизмы *vowe themselves to the pot u drunk all away to the verie skinne*, основанные на ярких метафорических образах.

4) Административное устройство

Характеризуя русское государство как империю, Флетчер отмечает её крайнюю централизацию. Провинция в этом случае рассматривается исключительно как источник доходов, и главная цель регулярно назначаемых из столицы воевод и дьяков – любыми способами успеть извлечь из подвластной им территории максимальную выгоду для себя и казны:

Which maketh them more suspected and odious to the people, because being so bare, and comming fresh and hungrie upon them lightly every yeare, they rack and spoile them without all regard of justice or conscience. Which is easily tollerated by the chiefe officers of the chetfirds, to the end they may rob them againe, and have a better bootie when they call them to account: which commonly they doo at the end of their service, making an advantage by their injustice and oppression over the poore people [18, с. 42].

Пейоративная лексика используется для описания как самих представителей административной системы (*suspected and odious, injustice and oppression*), так и их действий (*rob, rack and spoile*). Синтаксический параллелизм конструкций с лексическими единицами отрицательной коннотации (*suspected and odious, fresh and hungrie, rack and spoile, injustice and oppression*) усиливает негативную оценочность.

Автор даже утверждает, что угнетённые властями низы питают настолько сильную ненависть к несправедливому государству, что могли бы даже предпочесть ему власть иноземных завоевателей:

This desperate state of things at home, maketh the people for the most part to wishe for some forreine invasion, which they suppose to bee the onely meanes to rid them of the heavy yoke of this tyrannous government [18, с. 45].

Лексические единицы с отрицательной коннотацией и ярким эмоционально-оценочным потенциалом (*desperate state of things, heavy yoke, tyrannous government*) звучат гораздо более критично по сравнению со стилистически нейтральной пейоративной единицей *forreine invasion*, способствуя передаче основной мысли автора.

5) Церковь

Говоря о Русской православной церкви, Флетчер даёт крайне отрицательную оценку её иерархам, которые, с его точки зрения, насаждают обскурантизм:

As themselves are voyde of all manner of learning, so are they warie to keepe out all meanes that might bring any in: as fearing to have their ignorance and ungodlinesse discovered. To that purpose they have perswaded the emperours, that it would breed innovation, and so danger to their state, to have anie noveltie

*of learning come within the realme. Wherein they say but trueth, for that a man of spirit and understanding, helped by learning and liberal education, can hardly indure a **tyrannicall** government* [18, с. 111].

При помощи негативнооценочных лексических единиц *ignorance, ungodlinesse, voyde of all manner of learning* автор изображает церковных предстоятелей как невежественных богохульников, которые своей позицией по отношению к новым подходам к образовательной деятельности преступным образом способствуют сохранению существующей системы управления. Нужно отметить, что пейоративная лексическая единица *tyrannicall* неоднократно употребляется автором для критического описания различных сфер жизни русского государства. Дистантный повтор данной единицы обеспечивает эмфазу и фокусирует внимание читателя на важной выделяемой детали.

Критика монашества осуществляется посредством сравнения этого явления с католической практикой, что в устах человека, исповедующего англиканство, означает весьма нелицеприятную оценку:

*Of friers they have an infinit **rabble**, farre greater then in any other countrey where **Popery** is professed. Every city and good part of the countreys warmeth ful of them. For they have wrought (as the **Popish** friers did by their **superstition** and **hypocrisie**) that if any part of the realme bee better and sweeter then other, there standeth a friery or a monastery dedicated to some saint* [18, с. 114].

6) Национальный характер

Среди психологических черт, свойственных русскому народу, автор трактата выделяет жестокость, которая, как ему видится, идёт рука об руку с общим падением нравов, не сдерживаемым законом:

*Whereby it may bee gheassed what they are towardes straungers, that are so **unnaturall** and **cruell** towardes their owne. And yet it may bee doubted whither is the greater, the **crueltie** or **intemperancie** that is used in that countrie. I will not speake of it, because it is so **foule** and not to bee named. The whole countrie **overfloweth** with all **sinne** of that kinde. And no marveile, as having no lawe to restraine **whoredomes**, **adulteries**, and like **uncleannesse** of life* [18, с. 151].

Большинство эмоционально-оценочных экспрессивных лексических единиц с отрицательной коннотацией (*intemperancie, foule, sinne, whoredomes, adulteries, uncleannesse*) в данном фрагменте попадают в лексико-семантическое поле «грех» и эксплицитно передают авторское осуждение поведения русского народа. Лексический повтор однокоренных пейоративных единиц *cruell, crueltie*, а также использование синонимов *foule, uncleannesse* способствует акцентуации и усилению выразительности фрагмента.

Выводы

Отрицательная оценочность на лексическом уровне в трактате Дж. Флетчера определяется прагматической установкой автора на критику «чужих». Основанием отрицательной оценки является исторический контекст, в частности ухудшение англо-русских отношений на основе конфликта финансовых интересов. Субъектом оценки является английское общество в лице общественного и политического деятеля Дж. Флетчера, подвергающего критике русское государство, при этом объектами отрицательной оценки являются лица (правлящий дом Рюриковичей, знать, крестьянство, духовенство и др.) и русский национальный характер, а также общественные институты и практики (государственно-административное устройство, политический режим, закон и право, экономическая и финансовая система, православная церковь и др.).

Среди средств отрицательной оценочности выделяются субъективные пейоративы именного частеречного значения, образные фразеологизмы и имплицитные лексико-стилистические приёмы. С функциональной точки зрения лексика с отрицательной оценочностью применяется для выражения эмоций и чувств автора, характеристики персоналий и описываемых явлений, а также именования этноспецифических реалий.

В целом рассмотренный трактат является ценным историко-литературным памятником, ярко выражающим на лексическом уровне негативную оценку русских реалий иностранцами на фоне дипломатического противостояния.

Список литературы

1. Арнольд И. В. Эмоциональный, экспрессивный, оценочный и функционально-стилистический компонент лексического значения слова / И. В. Арнольд // XXII Герценовские чтения. Иностранные языки: материалы межвузовской конференции. Л., 1970. С. 87–90.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. М.: УРСС, 2004. 569 с.
3. Балясникова О. В. «Свой–чужой» в языковом сознании носителей русской и английской культур: дис. ... канд. филол. н. 10.02.19 / О. В. Балясникова. М., 2003. 224 с.
4. Карасик В. И. Язык социального статуса / В. И. Карасик. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. 333 с.
5. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. М.: Наука, 1985. 228 с.
6. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка / Л. Ельмслев. М.: КомКнига, 2006. 248 с.
7. Лескина С. В. Категория пейоративности в русском и английском языках в аспекте лингвокультурологического сопоставления (на материале фразеологических единиц): автореф. дис. ... докт. филол. н. 10.02.20 / С. В. Лескина. Челябинск, 2010. 42 с.
8. Матвеева А. А. Взаимодействие категорий «свой–чужой» и категории оценки / А. А. Матвеева // Вестник Башкирского университета. 2007. Т.12. № 3. С. 74–77.
9. Сергеева Л. А. Проблемы оценочной семантики / Л. А. Сергеева. М.: Издательство МГОУ, 2003. 140 с.
10. Солганик Г. Я. Лексика газеты / Г. Я. Солганик. М.: Высш. школа, 1981. 112 с.
11. Телия В. Н. Коннотативный компонент семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. М.: Языки славянской культуры, 2002. 736 с.
12. Толстой Ю. В. Первые сорок лет сношения России с Англией. 1553–1593 / Ю. В. Толстой. СПб., 1875. 563 с.
13. Уфимцева Н. В. Ассоциативные нормы и их роль в исследовании картины мира наивного носителя языка / Н. В. Уфимцева // Общество. Язык. Культура: проблемы взаимодействия в XXI веке: Материалы международной научной конференции. Москва, 27–28 мая 2011. М.–Калуга: Эйдос, 2011. С. 18–19.
14. Филиппов А. В. К проблеме лексической коннотации / А. В. Филиппов // Вопросы языкознания. 1978. № 1. С. 57–63.
15. Философия: Энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. 1072 с.
16. Craik G. L. The History of British Commerce. Volume 1. London, 1844. 284 p.
17. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. vii+489 p.
18. Fletcher G. Of the Russe Common Wealth. In: Russia at the Close of the Sixteenth Century. Ed. E. A. Bond. London, 1856. 392 p.

References

1. Arnold, I. V. *Emotsional'nyi, ekspressivnyi, otsenochnyi i funktsional'no-stilisticheski komponent leksicheskogo znachenii slova* [Emotional, Expressive, Evaluative and Functional-Stylistic Component of the Lexical Meaning of the Word] // XXII Gertsenovskie chteniia. Inostrannye iazyki: materialy mezhvuzovskoi konferentsii. L., 1970. S. 87–90.
2. Akhmanova, O. S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms] / O. S. Akhmanova. M.: URSS, 2004. 569 s.
3. Baliasnikova, O. V. «Svoi–chuzhoi» v iazykovom soznanii nositelei russkoi i angliiskoi kul'tur ["Own–Alien" in Linguistic Mentality of Russian and English Speakers]: dis. ... kand. filol. n. 10.02.19 / O. V. Baliasnikova. M., 2003. 224 s.
4. Karasik V. I. *Iazyk sotsial'nogo statusa* [Language of Social Status] / V. I. Karasik. M.: ITDGG «Gnozis», 2002. 333 s.
5. Vol'f, E. M. *Funktsional'naia semantika otsenki* [Functional Semantics of Evaluation] / E. M. Vol'f. M.: Nauka, 1985. 228 s.
6. El'msl'ev, L. *Prolegomeny k teorii iazyka* [Prolegomenes to the Theory of Language] / L. El'msl'ev. M.: KomKniga, 2006. 248 s.
7. Leskina, S. V. *Kategoriia peiorativnosti v russkom i angliiskom iazykakh v aspekte lingvokul'turologicheskogo sopostavleniia (na materiale frazeologicheskikh edinit)* [Category of Pejorativity in Russian and English in the Aspect of Linguocultural Comparison]: avtoref. dis. ... dokt. filol. n. 10.02.20 / S. V. Leskina. Cheliabinsk, 2010. 42 s.
8. Matveeva, A. A. *Vzaimodeistvie kategorii «svoi–chuzhoi» i kategorii otsenki* [Interaction of the Category “Own–Alien” and the Category of Evaluation] / A. A. Matveeva // *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bashkir University Bulletin]. 2007. T.12. № 3. S. 74–77.
9. Sergeeva, L. A. *Problemy otsenochnoi semantiki* [Problems of Evaluative Semantics] / L. A. Sergeeva. M.: Izdatel'stvo MGOU, 2003. 140 s.
10. Solganik, G. Ia. *Leksika gazety* [Lexis of Press] / G. Ia. Solganik. M.: Vyssh. shkola, 1981. 112 s.
11. Teliia, V. N. *Konnotativnyi komponent semantiki nominativnykh edinit* [Connotational Component of the Semantics of Nominative Units] / V. N. Teliia. M.: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2002. 736 s.
12. Tolstoi, J. V. *Pervye sorok let snosheniia Rossii s Angliiei*. 1553–1593 [Early Fourty Years of Russian-English Relations. 1553–1593] / J. V. Tolstoi. SPb., 1875. 563 s.
13. Ufimtseva, N. V. *Assotsiativnye normy i ikh rol' v issledovanii kartiny mira naivnogo nositel'ia iazyka* [Associative Norms and their Role in Studying the World Picture of a Naive Speaker] / N. V. Ufimtseva // *Obshchestvo. Iazyk. Kul'tura: problemy*

- vzaimodeistviia v XXI veke* [Society. Language. Culture: Problems of Interaction in the 21st century]: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Moskva, 27–28 maia 2011. M.–Kaluga: Eidos, 2011. S. 18–19.
14. Filippov, A. V. *K probleme leksicheskoi konnotatsii* [On Lexical Connotation] / A. V. Filippov // *Voprosy iazykoznanii*. 1978. № 1. S. 57–63.
 15. *Filosofia: Entsiklopedicheskii slovar'* [Philosophy: Encyclopaedic Dictionary] / pod red. A. A. Ivina. M.: Gardariki, 2004. 1072 s.
 16. Craik, G. L. *The History of British Commerce. Volume 1*. London, 1844. 284 p.
 17. Crystal, D. *The Cambridge Encyclopedia of the English Language*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. vii+489 p.
 18. Fletcher, G. *Of the Russe Common Wealth*. In: *Russia at the Close of the Sixteenth Century*. Ed. E. A. Bond. London, 1856. 392 p.

Сведения об авторах:

Мухин Сергей Владимирович – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка № 1 МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: языковые контакты в области фразеологии, германистика, история английского языка. E-mail: s.muhin@inno.mgimo.ru

Ефремова Дарья Андреевна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры английского языка № 1 МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: стилистика текста, биографический жанр, история английского языка. E-mail: efremovadarya@yandex.ru

About the authors:

Sergey V. Mukhin – PhD, Assistant Professor of English Language Department #1, MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: linguistic contacts in phraseology, Germanic studies, history of English. E-mail: s.muhin@inno.mgimo.ru

Daria A. Efremova – PhD, Lecturer of English Language Department #1, MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: text stylistics, biographic genre, history of English. E-mail: efremovadarya@yandex.ru

* * *

“MEXICAN DIVERTIMENTO” BY JOSEPH BRODSKY: A CULTURE-THROUGH-LANGUAGE ANALYSIS

Roman O. Reinhardt

Moscow State Institute of International Relations (University)
76, prospect Vernadskogo, Moscow 119454, Russia

Abstract. *The article provides a comprehensive culture-through-language analysis of the poetical cycle “Mexican Divertimento” by Joseph Brodsky. It describes the basic principles of its poems’ construction, their stylistic features, interconnections between them, as well as with further elements of the poet’s creative heritage and other authors’ works. The author of the article analyzes the place and role of the Ibero-American theme in Brodsky’s poetry, which has not previously been reflected in experts’ works. Brodsky’s reception of Mexican culture and history episodes from different periods demonstrates his deep knowledge of these issues, which before the trip to Mexico could hardly have been familiar to him. At the same time, the author of the article outlines a number of inaccuracies and errors in history, toponymy, onomastics and other areas, wondering about their intentional or accidental character. Based on the results of the analysis, the article concludes that the cycle under study, while remaining self-sufficient and self-valuable in form and content, organically fits into Brodsky’s stylistic and ideological paradigm of the 1970s-1980s. At the same time, the analyzed text not only has a high artistic value, but also in linguo-cultural terms reflects the peculiarities of Mexican culture, its history, as well as Russian-Mexican cultural ties.*

Key Words: *Joseph Brodsky’s poetry, “Mexican Divertimento”, Mexican culture, culture reception, Russian-Mexican cultural ties*

For citation: Reinhardt R.O. (2021). “Mexican Divertimento” by Joseph Brodsky: a Culture-Through-Language Analysis. *Philology at MGIMO*, 7(3), pp. 86–96. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-3-27-86-96>

«МЕКСИКАНСКИЙ ДИВЕРТИСМЕНТ» ИОСИФА БРОДСКОГО: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Р.О. Райнхардт

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. В статье проводится комплексный лингвокультурологический анализ поэтического цикла «Мексиканский дивертисмент» Иосифа Бродского. Описаны основные принципы построения входящих в него стихотворений, их стилистические особенности, внутренние взаимосвязи между ними, а также их «перекличка» с иными элементами творческого наследия самого поэта и произведениями других авторов. Выявлены место и роль ибероамериканской тематики в поэзии Бродского, которые ранее не находили отражения в трудах специалистов. Рецепция литератором отдельных сюжетов мексиканской культуры и истории различных периодов позволяет судить о его глубоком владении проблематикой, которая до посещения им страны в 1975 году едва ли могла быть знакомой и близкой ему. Вместе с тем, автор статьи приводит ряд неточностей и ошибок по части истории, топонимики, ономастики и иных областей, ставя под сомнение намеренный или случайный характер их допущения поэтом. По итогам анализа сделан вывод о том, что исследуемый цикл, оставаясь по форме и содержанию самодостаточным и самоценным произведением, органично вписывается в стилистическую и мировоззренческую парадигму Бродского 1970-х – 1980-х годов. При этом рассмотренный текст обладает не только высокой художественной ценностью, но в лингвострановедческом плане ярко отражает особенности культуры Мексики, её истории, а также российско-мексиканские культурные связи.

Ключевые слова: поэзия Иосифа Бродского, цикл «Мексиканский дивертисмент», мексиканская культура, рецепция культуры, российско-мексиканские культурные связи

Для цитирования: Райнхардт Р.О. (2021). «Мексиканский дивертисмент» Иосифа Бродского: лингвокультурологический анализ. *Филологические науки в МГИМО*. 7(3), С. 86–96. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-3-27-86-96>

1. Введение

В 2020 году исполнилось 130 лет с даты первого установления дипломатических отношений между Россией и Мексикой, а также 45 лет с визита в эту североамериканскую страну Иосифа Бродского. Несмотря на географическую дистанцию и отсутствие какого бы то ни было общего исторического прошлого, Мексика издавна привлекала русских литераторов [12]. В XX веке до Бродского в ней успели побывать Константин Бальмонт и Владимир Маяковский. Их вояжи получили достаточно подробное освещение в трудах отечественных литературоведов и ибероамериканистов [6]; [10]; [13], чего нельзя сказать о посещении страны американским «доном Хосе» (именно так называли Бродского местные жители) родом из Ленинграда.

В обширном корпусе бродсковедческих научных работ данная тема практически не фигурирует. Фрагментарно она затронута в диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук Н.С. Гавриловой [3]. Тем не менее даже в этом исследовании Мексика отражается скорее «на полях» при том, что в фокусе анализа находятся образы Англии и США в творчестве поэта. То же можно сказать о недавнем труде Р.Ф. Бекметова [1]. Таким образом, уместно судить о сравнительно низкой степени разработанности проблемы в отечественном научном дискурсе, не говоря уже о зарубежном.

Изначально в историографии двусторонних культурных связей между Россией (СССР) и Мексикой визит Бродского, вынужденно покинувшего Родину в 1972 году, оставался неосвещённым по идеологическим причинам. «Приглашённый поэт» (англ. poet-in-residence: официальное наименование должности) Мичиганского университета отправился на юг для участия в литературном конгрессе. Туда его пригласил коллега – выдающийся общественный и культурный деятель Мексики Октавио Пас. Литератору-путешественнику удалось осмотреть главные достопримечательности страны и проникнуться местным духом, что нашло отражение в цикле из семи стихотворений, озаглавленном «Мексиканский дивертисмент».

Названный цикл выбран нами в качестве объекта анализа. Предмет анализа – место «Мексиканского дивертисмента» в поэзии Бродского, а отражённых в нём идей и взглядов – в мироощущении литератора. Исходная гипотеза сводится к тому, что данное произведение представляет собой выдающийся, однако типичный для «среднего» периода Бродского образец его творчества. Методика исследования предполагает комплексный анализ текста с акцентом на семантических, фонетических, грамматических и других особенностях на фоне исторического и культурологического описания отдельных нюансов, важных с точки зрения понимания смысла стихотворений.

2. Результаты и их обсуждение

В цикл «Мексиканский дивертисмент» (далее – «Дивертисмент») вошли следующие семь стихотворений: «Гуэрнавака», «1867», «Мерида», «В отеле «Континенталь»», «Мексиканский романсеро», «К Евгению» и «Заметка для энциклопедии» [2, с. 263-272]. Структурно данный цикл допустимо представить и рассмотреть в виде трёхмерной матрицы: Место (τόπος) – Время (χρόνος) – Адресат (παράληπτος).

Говоря о Месте, необходимо выделить Куэрнаваку, Мериду, Мехико-Сити, перешеек Теуантепек и собственно всю страну. При этом то, насколько намеренно Бродский искажил название первой локации («Гуэрнавака») [2, с. 263], сказать сложно. Похожая ситуация с Теуантепексом наблюдается в стихотворении «К Евгению»: в орфографии «Теуантепекском» [2, с. 270] автор сделал звонкой по сути немую [h], возможно, ориентируясь на дореволюционные нормы транскрипции или слыша фрикативное украинское/южнорусское [h]).

О характеристике страны будет сказано ниже, однако здесь важно отметить, что два раза упор сделан на географической трансгрессии. Так, в «Мексиканском романсеро» упоминается приграничный город Ларедо (на одном берегу реки Рио-Гранде располагается мексиканский Нуэво-Ларедо, на другом – техасский Ларедо) [2, с. 269], а в «Заметке для энциклопедии» – уже в более широком плане «плантации, ... переходящие неволью в США» [2, с. 271]. В свою очередь, вышеупомянутый перешеек Теуантепек принято считать северной границей Центральной Америки. Иными словами, пространство подчёркнуто позиционируется как граничащее с северным соседом, то есть США, в ключе как физической, так и политической географии, впоследствии – также и культурной.

В данном контексте самодостаточным произведением, в известной степени выбивающимся из общего ряда, предстаёт «В отеле Континенталь». В смысловом отношении его содержание тесно переплетается с более поздним стихотворением Бродского, датированным 1987 годом:

«Вечер. Развалины геометрии.

Точка, оставшаяся от угла.

Вообще: чем дальше, тем беспредметнее.

Так раздеваются догола» [2, с. 345].

По сути, то и другое допустимо определить как некое поэтическое выражение геометрической топологии в понимании Бродского.

С точки зрения Времени, цикл можно условно разделить на три части. Первая – историческая, включает «Гуэрнаваку» и «1867», вторая – современная («Мерида», «В отеле «Континенталь»», «Мексиканский романсеро»), третья – смешанная, в которой прошлое сливается с настоящим и в определённом смысле, как будет показано далее, порождает будущее («К Евгению», «Заметка для энциклопедии»).

Наконец, ещё одна ось матрицы – Адресат. «Гуэрнавака» посвящена Октавио Пасу, при этом по форме на одну треть представляет собой послание от имени императора Максимилиана его «брату (и тоже императору) Францу-Иосифу» [2, с. 263], австро-венгерскому монарху. Третий из семи восьмисложников «Мексиканского романсеро», в отличие от обезличенных шести остальных, ровно наполовину посвящён женщине. Скорее всего, имелась в виду бывшая гражданская жена Бродского Марианна Басманова (она же фигурировала в других его произведениях под инициалами «М.Б.»):

«(Я не знал, что существую
пока ты была со мною.)

...

(Покуда я был с тобою,
я видел все вещи в профиль.)

...

(Кто был всё время рядом,
пока ты была со мною?)

...

(Пока ты была со мною,
я не боялся смерти.)» [2, с. 268].

Название «К Евгению» говорит само за себя, хотя Евгений Рейн (именно о нём идёт речь) появляется лишь в последней строфе («Скушно жить, мой Евгений» [2, с. 271]). Остальные стихотворения в плане обращения публичны.

Таким образом, два элемента «Дивертисмента» («Гуернавака» и «К Евгению») суть полноценные эпистолы, причём «Гуернавака» – фактически двойная, такая «метатекстовая матрёшка». Один элемент («Мексиканский романсеро») – завуалированная эпистола. Остальные четыре стихотворения («1867», «Мерида», «В отеле «Континенталь»», «Заметка для энциклопедии») эпистолами не являются.

В итоге, по логике построения анализируемый цикл отражает идею, развиваемую позднее в стихотворении, которым открывается цикл «Часть речи» (1975-1976 годы):

«Ниоткуда с любовью, надцатого марта
дорогой, уважаемый милая, но не важно
даже кто...» [2, с. 275].

Конвергенция и текстуальное смещение Места, Времени и Адресата именно в таком виде и порядке рождает Слово (λόγος) как ту самую «Часть речи». Ею, в свою очередь, одноимённый цикл закрывается:

«От всего человека вам остаётся часть
речи. Часть речи вообще. Часть речи» [2, с. 282].

В последней же строке «Дивертисмента», которой предшествует пауза, выраженная на письме пропуском следующей строки, Бродский отправляет Логос в Космос:

«И ящерица на валуне, задрал
головку в небо, будет наблюдать
полёт космического аппарата» [2, с. 272].

Здесь угадывается перифраз из «Песни о Соколе» Максима Горького: «рождённый ползать летать не может». Или «не хочет», как любил шутить друг Бродского Сергей Довлатов [4, с. 209].

Ещё один общий элемент в «Ниоткуда с любовью, надцатого марта...» и «Заметке для энциклопедии», символизирующий переход, – это ковбой. Именно их образ, на котором в восприятии Бродского «держится один из пяти континентов» [2, с. 275], передаёт американский колорит произведений. Антипод свободных ковбоев – закабалённые пеоны.

Любопытно, что автор решил не обыгрывать омонимичность крестьян-батраков (пеонов) и пеона как стопы античного квантитативного стихосложения. Эта форма была ему бесспорно знакома, хотя попытки инкорпорировать её в русскую силлабо-тоническую поэзию символистами (Андрей Белый, Валерий Брюсов и другие) по существу завершились в Серебряном веке.

Далее имеет смысл рассмотреть отдельные элементы сквозной символики цикла, которые также поддаются группировке.

Первое измерение символики – Литера, которая концептуально видится графической основой Слова (Логоса). В данном контексте обращает на себя внимание четвёртая строка «Гуернаваки». Она представляет собой оригинальную метафору: «сад густ, как тесно набранное Ж» [2, с. 263]. Большинство комментаторов, включая тех, кто детально занимался вопросом образов кириллицы в поэзии Бродского [7], трактуют её буквально: густые заросли действительно внешне

напоминают «жуковатую букву». Анонимный автор тематического поста на ресурсе «Пикабу» даёт более интересную интерпретацию [8]. По его мнению, имеется в виду монограмма Максимилиана или вензель императора и его законной супруги Шарлотты.

Развивая эту мысль, можно также обнаружить звуковую аллюзию с «Женой, сошедшей с ума в Париже» [2, с. 263], которая в том же стихотворении «Гуернавака» противопоставляется «мулатке» [2, с. 264]. Народная молва и вслед за ней и Бродский действительно приписывали Максимилиану роман с местной красавицей смешанных кровей.

Давая ей уже в «1867» вульгарную, однако типичную для него как художественный приём характеристику («где надо – гладко, где надо – шерсть» [2, с. 265]), поэт, видимо, знал и легенду о незаконнорождённом сыне Максимилиана, которому, будь та легенда правдой, полагался бы герб с перевязью влево. Подобная перевязь тоже органично вписалась бы в литеру «Ж». Как известно, данная геральдическая практика дала название одному из романов Владимира Набокова – «Под знаком незаконнорождённых» (1947 год). По неподтверждённым данным, сына Максимилиана от дочери местного садовника звали Хулио Седано [8]. Согласно той же версии, его жизнь сложилась не менее трагично, чем у отца, и тоже закончилась казнью в 1917 году, то есть ровно через полвека после событий, изображённых на знаменитой картине Эдуарда Мане «Расстрел императора Максимилиана». Шарлотта же императору наследников не родила.

К слову, рифма «мулатка – шоколадка» из стихотворения «1867» [2, с. 264] в 1975 году ещё не звучала столь безвкусно, как пару десятилетий спустя.

Другая объясняющая рассматриваемую метафору деталь может крыться в более общей анти-тезе «М–Ж». Максимилиан в стихотворении «Гуернавака» (в отличие от следующего – «1867») фигурирует ровно пять раз и неизменно как «М.» [2, с. 263–265]. Для носителя советской культуры ассоциации очевидны. Достаточно вспомнить Лёлика из кинофильма Леонида Гайдая 1969 года «Бриллиантовая рука» с его топографическими обозначениями «мэ и жо».

Сам Бродский позднее неоднократно обращался к этому сюжету в самых разных контекстах:

«... Только подумать, сколько

раз, обнаружив «м» в заурядном слове,

перо спотыкалось и выводило брови!

...

... Полицейский на перекрёстке

машет руками, как буква «ж», ни вниз, ни

вверх» («Декабрь во Флоренции», 1976 год [2, с. 296–297]);

«Говоришь, тебе нравится буква «ж»?

Что ж, это красивая буква нашего языка.

Она издали смахивает на жука

и гипнотизирует мужика» («Театральное. С. Юрскому», 1994 год [2, с. 460]).

Разгадка «гипноза мужика» проста. Находим её в одном из «Двадцати сонетов к Марии Стюарт» (1974 год): «Бесстыдство! Как просвечивала жэ!» [2, с. 260]. В связи с этим, можно также отметить одну из характерных рифм Бродского, о которой он сам метатекстуально упоминает в тех же сонетах: рифму падежных форм русских существительных, оканчивающихся на «ж», и слов французского происхождения, имеющих в оригинале суффикс «gé» («неглиже», «протезе» и другие) [2, с. 262].

Наконец, ещё один вариант получения «Ж» – графическое наложение первых двух согласных в написании названия страны, о которой идёт речь, латиницей («Mexico»), или её столицы – кириллицей (Мехико: в данном случае можно наложить даже все три согласных). Не исключены, кстати, и анаграммические вариации [11]. Наличие подобной многослойности во всех её смыслах и проявлениях – очередной образец гениальности поэта.

Буквенно-графическая тема получает вполне закономерное развитие:

«С голой шеей уродлив,

на телеграфном насесте

стервятник – как иероглиф
падали в бурном тексте
автострады...

...

Вечерний Мехико-Сити.

Пляска горячих литер

Кока-Колы ...» («Мексиканский романсеро» [2, с. 267-268]);

затем – вполне ожидаемо:

«Барельефы с разными сценами, снабжённые перевитым

туловищем змеи неразгаданным алфавитом

языка, не знавшего слова «или»» («К Евгению» [2, с. 270]).

С учётом последнего отрывка, становится ясно, что при энциклопедичности знаний Бродский, видимо, не был знаком с достижениями своего соотечественника Юрия Кнорозова – историка, этнографа и основателя советской школы майянистики, труды которого по дешифровке письменности доколумбовых цивилизаций имели мировое значение. Так или иначе, к 1970-м годам алфавит древних мексиканцев уже был разгадан.

Бродский же предпочитает пользоваться собственным алфавитом, причём зачастую не совсем корректным. Так, в его письме Бенито Пабло Хуарес Гарсия становится «Хаурцем» («1867» [2, с. 265]). Это во многом закономерно, поскольку написание фамилии отца «мексиканского Джорджа Вашингтона» (Гарсия – фамилия его матери) поэт впервые увидел скорее всего по-испански – «Juárez».

Как ни странно, подобные пробелы познаний автора в иберийской фонетике и ономастике вносят в стихотворения дополнительную выразительность. В результате на сцену «1867» в пандан аристократичному «Максимильяну» (изысканному в манерах, озорному, но чаще меланхолично-му) выходит «Хуарец» (слуга народа, резкий, жёсткий) [2, с. 264-265].

Позволяет себе Бродский – судя по всему, намеренно – и другие вольности. Так, в уже процитированном выше «скушно» («К Евгению» [2, с. 271]) не до конца ясен звук [ʃ], характерный для старомосковского произношения. Особенно – при обращении одного еврея-ленинградца (Бродского) к другому (Рейну). Более того, декламируя свои стихи, Бродский, как известно, любил подчеркнута произносить [tʃ], даже в словах типа «чтобы». Впрочем, ту же орфографию встречаем и ранее, например, в: «Нам смеяться стыдно и скушно плакать» («Песня невинности, она же – опыта», 1972 год [2, с. 226]).

Помимо этого, несколько загадочно выглядит дефис в третьей строке «1867»: «Тень возвращается подобием бумеранга» [2, с. 264]. Полагаем, что объясняющая гипотеза может заключаться в попытке поэта эскизно изобразить тот самый бумеранг.

Есть и одно «грамматическое хулиганство»: «посредственное кофе» [2, с. 271] как одна из основных статей товарной номенклатуры мексиканского экспорта в «Заметке для энциклопедии». Видимо, местная разновидность напитка так разочаровала автора, что он пренебрежительно определил его в средний род. Впрочем, в настоящее время такой узус уже позволителен.

Второе измерение символики «Мексиканского дивертисмента» – Музыка. Эпистола Максимилиана Францу-Иосифу «Гуернавака» пронизана повторяющимся рефреном «и мой сурок со мной» [2, с. 263-264]. Он взят из популярной песни «Мой сурок» пьесы «Ярмарка в Плундерсвейлере» (1773 год, музыка Людвиг ван Бетховена, стихи Иоганна Вольфганга фон Гёте). Наиболее близкий к оригиналу перевод, которым, скорее всего, пользовался Бродский, принадлежит перу Сергея Заяицкого [5].

Лирический герой названной песни – мальчик-савояр, путешествующий по Германии и Франции с дрессированным грызуном. Интересно, что Максимилиан, насвистывающий эту мелодию, до восшествия на мексиканский престол был вице-королем Ломбардо-Венеции. Её земли по итогам Рисорджименто отошли Савойскому дому, топоним исторических владений которого дал нарицательное имя бродячим певцам. В дореволюционной России такое их обозначение было широко известно и породило, в свою очередь, эстрадную фамилию «Савояров». С творчеством

самого известного её носителя – звезды петроградской эстрады Михаила Савоярова – Бродский мог быть знаком через отца, на детство и юность которого пришёлся пик популярности этого исполнителя. Незамысловатый текст и ля-минорная тональность добавляют в письмо монарха меланхолических красок.

Среди музыкальных вкусов отправителя эпистолы истории также выделяют знаменитую «Голубку» (La Paloma), которую он якобы даже просил послушать перед смертью. Скорее всего, это не более чем красивая легенда. Решительно настроенный Хуарес вряд ли пошёл бы навстречу меломану, которого спешил расстрелять. Зато первое публичное оркестровое исполнение данного произведения баскского композитора Себастьяна де Ирадьер Салаверри, вероятно, имело место в Национальном Большом театре Мехико в присутствии Максимилиана в 1863 году. Как бы то ни было, будучи популярным во всём мире, мотив «Голубки» и поныне устойчиво ассоциируется с Мексикой. Именно с ним автор упомянутого поста на ресурсе «Пикабу» связывает строки «Грустное курлы доносится из плотной синевы» («Гуернавака» [2, с. 263]), справедливо отмечая, что курлыкать могут не только журавли, но и голуби [8]. Подобно «сурковой», «голубиная песенка» тоже очень нежная и милая.

В «1867» их сменяет страстное «то, что станет танго» [2, с. 264], служащее прелюдией к приятному времяпрепровождению Максимилиана с мулаткой. Нужно отметить, что неплохо разбиравшийся в хореографии Бродский, по всей видимости, не учёл обстоятельств появления названного танца. На самом деле он возник несколько южнее, а именно на границе Уругвая и Аргентины, и в другой, отнюдь не аристократической, социальной среде.

Тем не менее именно народные напевы, неподвластные Хроносу, остаются неизменным атрибутом наблюдаемого «певцом, прибывшим издаля» («Гуернавака» [2, с. 263]) антуража. Так, в той же «Гуернаваке» бренчит гитара [2, с. 264], а в вечерней столице:

«Большая любовь к вокалу.

Бродячий оркестр в беседе

горланит «Гвадалахару»» («Мексиканский романсеро» [2, с. 268]).

В качестве проводников музыки в цикле также фигурируют различные птицы: источник «грустного курлы» (будь то журавль или голубка), «дрозд», «три белых утки», «петухи», «птицы с яйцами и без» («Гуернавака» [2, с. 263-264]); попугай («1867» [2, с. 265]), стервятник («Мексиканский романсеро» [2, с. 267]), «вороны» («К Евгению» [2, с. 270]).

Все они что-то символизируют. Дрозд, прежде «щебетавший в шевелюре кипариса» [2, с. 232] в «Письмах римскому другу» (1972 год) и напоминающий «сросшиеся брови» в «Гуернаваке» [2, с. 263], видимо, относится к женщине. Синофриз (монобровь) – особенность внешности многих южанок. В частности, ею славилась мексиканская художница Фрида Кало, любившая подчёркнуть изображать эту деталь на автопортретах.

Остальные образы узнаются довольно легко: три белые утки – невинность и грусть, петухи – революция, птицы с яйцами и без – вопрос преемственности власти, попугай – насмешка и одновременно посредник между земным и потусторонним мирами, стервятник – разруха, вороны – война.

Третье измерение символики исследуемого цикла – Этика. В уста (клюв) попугая Бродский вкладывает присущую его взглядам максиму:

«Презрение к ближнему у нюхающих розы

пускай не лучше, но честней гражданской позы.

И то и это порождает кровь и слёзы» («1867» [2, с. 265]).

Налицо явная перекличка с более ранними строками:

«Равенство, брат, исключает братство.

В этом следует разобраться.

Рабство всегда порождает рабство.

Даже с помощью революций» («Речь о пролитом молоке», 1967 год [2, с. 82]).

Далее эта же тема находит развитие в дружеском послании «К Евгению» (Рейну):

«Всё-таки лучше сифилис, лучше жерла

единорогов Кортеса, чем эта жертва.

Ежели вам глаза суждено скормить воронам,
лучше если убийца – убийца, а не астроном» [2, с. 270-271].

Для сравнения – знаменитое «Но ворюга мне милей, чем кровопийца» из «Писем римскому другу» (1972 год) [2, с. 230]. Ещё один «мостик» между «Гуернавакой» и «Письмами римскому другу» – отправка книг (в первом случае просьба Адресату, во втором – описание вложения от правителя).

Не видим смысла подробно разбирать обозначенные этические трансформации, но выделим ещё одну параллель, свидетельствующую о пацифизме автора и его презрении к любому кровопролитию:

«Здесь пуля есть естественный сквозняк» («Гуернавака» [2, с. 264]);
«Скорость пули при низкой температуре
сильно зависит от свойств мишени

...

Убийство – наивная форма смерти,
тавтология, ария попугая...» («Стихи о зимней кампании 1980-го года», 1980 год [2, с. 355-357]).

Симптоматично, что, если для Максимилиана «вещи, скрашивающие быт» – «хрусталь, шампанское, балы» («Гуернавака» [2, с. 263]), то для его политического противника – «ружьё, обзаведясь которым как-то легче заняться государственным устройством» («Заметка для энциклопедии» [2, с. 271]). То, кому симпатизирует Бродский, а над кем иронизирует, не требует пояснений. Несмотря на декаданс и то, что Зигмунд Фрейд назвал бы латентной танатофилией императора Максимилиана, этот застойный реакционер Бродскому всё же милее, чем противопоставляемый ему прогрессивный революционер Хуарес.

Обратим внимание и на то, что, говоря о стрелковом оружии, в «Гуернаваке» поэт использует метонимию [2, с. 263] («гочкис» – по имени конструктора Бенджамина Беркли Гочкиса, «американского Калашникова» XIX века), но ещё не наделяет оружие свойствами живого. Впоследствии он сделает это в «Стихах о зимней кампании 1980-го года»:

«Механический слон, задирая хобот
в ужасе перед чёрной мышью
мины в снегу, изрыгает к горлу
подступивший комок, одержимый мыслью,
как Магомет, сдвинуть с места гору.

...

...Ходя под себя мазутом,
стынет железо» [2, с. 356].

В целом можно утверждать, что с морально-нравственной точки зрения «Дивертисмент» отражает основные константы мироощущения и миросозерцания Бродского.

Прежде, чем завершить анализ, следует сказать ещё несколько слов об истории и её философии в понимании автора «Дивертисмента». Заметим, что сама по себе тема очень сложна и во многих аспектах уже разработана специалистами [9]. Вместе с тем, наряду с очерченными обращениями к историческим сюжетам, этногенез мексиканской цивилизации приводится в третьей строфе «Заметки для энциклопедии» [2, с. 271].

Само это стихотворение представляет собой скорее так называемую справку по схеме, ежегодно подготавливаемую каждым посольством и направляемую в центральный аппарат внешнеполитического ведомства.

Структура такой справки в «Заметке для энциклопедии» выдержана: общие сведения о стране, исторический фон, экономика, внутренняя и внешняя политика, двусторонние связи с Россией. Удивительно, как далёкий от дипломатии Бродский самостоятельно, да ещё и в поэтической форме сумел профессионально и грамотно составить такой документ. Возможно, сказалось влияние хозяина, у которого гостил поэт, – Октавио Паса. Последний, его коллега по литературному цеху, получил Нобелевскую премию на три года позже гостя, а именно в 1990 году. Ранее, в 1952 году,

Пас был поверенным в делах посольства Мексики в Японии, с 1962 года по 1968 год – послом в Индии. В промежутке между занятием этих постов также работал в диппредставительствах своей страны в Женеве и Париже. Однако в изящной словесности даже ему не удавалось так ёмко и образно отразить обозначенные сюжеты.

Про географию было сказано выше. Экономический блок «Заметки для энциклопедии» посвящён внешней торговле и, в частности, отсутствию импортозамещения. Исторический включает занятую параллель:

«История страны грустна; однако,
нельзя сказать, чтоб уникальна. Главным
злом признано вторжение испанцев
и варварское разрушение древней
цивилизации ацтеков. Это
есть местный комплекс Золотой Орды.
С той разницею, впрочем, что испанцы
действительно разжились золотишком» [2, с. 271].

В отношении недавнего прошлого и настоящего Бродский не идеализирует объект изучения. Квинтэссенция его описания сводится к лапидарной характеристике «прекрасная и нищая страна» («Заметка для энциклопедии» [2, с. 271]). При этом отражения нищеты равномерно распределены по всему тексту цикла. Что касается прогноза дальнейших перспектив развития государства в заключительном стихотворении «Дивертисмента», автор тоже скорее пессимистичен и, как показала история, не без оснований [12].

3. Выводы и заключение

По результатам проведённого анализа уместно сделать следующие выводы. Во-первых, «Дивертисмент» представляет собой довольно типичный ряд стихотворений Бродского как с точки зрения стилистики (тропы, размер, манера речи), так и с точки зрения этических установок автора. Они органично объединяются в цикл, при этом каждое из них самоценно. Тем не менее полнота восприятия читателем достигается именно благодаря последовательному прочтению. Несмотря на увеселительный оттенок в названии («дивертисмент» – от франц. *se divertir* – развлекаться), Бродский поднимает в цикле серьёзные, местами довольно грустные темы.

Любопытно, что в русском культурном контексте «дивертисмент» используется главным образом в балетной терминологии. Данный пласт тоже был близок поэту: «Классический балет есть замок красоты...», напишет он Михаилу Барышникову спустя год после поездки в Мексику [2, с. 272]. Это ещё раз подтверждает сообразность тематики и мелодики чувствам и мыслям, занимавшим Бродского в рассматриваемый период.

Во-вторых, тексты стихотворений исследуемого цикла содержат ряд несущественных в смысловом отношении ошибок. С одной стороны, такие погрешности можно условно разделить на две группы – формальные и содержательные. В первую группу входят неточности передачи двух топонимов («Гуернавака» вместо «Куэрнавака» и «тегуанпетекский» вместо «теуанпетекский»), одного антропонима («Хуарец» вместо «Хуарес»), а также по одному фонетическому («скушно») и грамматическому («кофе» в среднем роде) огреху. Во вторую – два культурологических анахронизма: обстоятельства возникновения танца танго и дешифровка письменности майя.

С другой стороны, с точки зрения интенции, предполагаем, что одни ошибки были сделаны автором ненамеренно, в то время как допущение других вполне могло носить осознанный характер. К допущенным ненамеренно относим первые две формальные и последние две (содержательные) из перечисленных выше погрешностей. Они, судя по всему, были обусловлены всё-таки довольно поверхностным знакомством Бродского с испанским языком (фонетика и ономастика), а также отчасти с ибероамериканской проблематикой как таковой. К внесённым в текст намеренно – остальные указанные здесь лингвистические вольности, которые можно рассматривать в качестве своеобразных художественных приёмов. При этом и те, и другие слу-

жат средствами выразительности, придавая тексту особый, неповторимый и неподражаемый колорит.

Наконец, в-третьих, с позиций лингвострановедения интересно и до некоторой степени неординарно то, как Бродскому в ходе первого и недолгого знакомства с Мексикой удалось так глубоко погрузиться в её историю и культуру. Ведь несмотря на обозначенные погрешности, при ознакомлении с текстом у читателя возникает ощущение, будто автор – искушённый знаток страны, её обычаев и нравов, и уж точно не случайный турист. Объяснением этому феномену может служить наблюдательность Бродского, его внимание к деталям, а также общение с выдающимся представителем местной творческой элиты – поэтом и профессиональным дипломатом Октавио Пасом. В результате, за счёт сочетания всех описанных факторов, цикл стихотворений «Мексиканский дивертиссмент» предстаёт не только ценным в стилистическом и художественном отношении, но и весьма значимым с точки зрения отражения мексиканской культуры и российско-мексиканских культурных связей в рецепции Бродского.

© Р.О. Райнхардт, 2021

Список литературы

1. Бекетов Р.Ф. «Родина» и «Чужбина» в поэзии Иосифа Бродского (несколько замечаний к проблеме авторской аксиологии в контексте школьного преподавания курса истории русской классической литературы) / Р.Ф. Бекетов // *Problems of modern education. Materials of the IX international scientific conference*. Prague: Vedecko vydavatelske centrum Sociosfera-CZ s.r.o. 2018. P.12-17.
2. Бродский И.А. Избранные стихотворения / И.А. Бродский; послесл. Э. Безносова; худож. А. Неровный. М.: Панорама, 1994. 496 с.
3. Гаврилова Н.С. Англо-американский мир в рецепции И. Бродского: реальность, поэзия, язык / Н.С. Гаврилова // Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Томск: Томский государственный университет. 2007. 27 с.
4. Довлатов С.Д. Собрание сочинений: в 4 т. Т.4. / С.Д. Довлатов. СПб.: Азбука-классика, 2008. 480 с.
5. Заяицкий С.С. Избранные поэтические переводы [Электронный ресурс] / С.С. Заяицкий – URL: http://www.azlib.ru/z/zajaickij_s_s/text_0020.shtml (дата доступа: 10.09.2021)
6. Земсков В.Б. И Мексика возникла, виденье вдохновенное... К.Д. Бальмонт и поэзия индейцев / В.Б. Земсков // *Латинская Америка*. 1976. №3. С.170-182.
7. Ионова И.А. Образ и образы кириллицы в русской поэзии / И.А. Ионова // *Русин*. 2005. № 2(2). С.187-196.
8. Император Мексики Максимилиан в стихотворениях Иосифа Бродского [Электронный ресурс] – URL: https://pikabu.ru/story/imperator_meksiki_maksimilian_v_stikhotvoreniyakh_iosifa_brodskogo_5758691 (дата доступа: 10.09.2021)
9. Кобеляцкая И.И. Проблема исторической личности в творчестве Иосифа Бродского / И.И. Кобеляцкая // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2011. №2. С.53-63.
10. Кэмрад С.С. Полпред стиха (к 65-летию со дня рождения В.В. Маяковского) / С.С. Кэмрад // *Дружба народов*. №7. 1958. С.201-218.
11. Преображенский С.Ю. Анаграммы «масло» или «ослам»? (И. Бродский как анаграммист) / С.Ю. Преображенский, О.Я. Бараш // *Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты*. Материалы XVI-й Международной научной конференции. Орехово-Зуево: Государственный гуманитарно-технологический университет, 2016. С.167-168.
12. Райнхардт Р.О. Россия и Мексика: 130 лет отношений сквозь призму дипломатии и русской поэзии / Р.О. Райнхардт // *Ибероамериканские тетради*. 2020. №1(8). С.84-96.
13. Рождественская И.С. Письма К.Д. Бальмонта к Е.А. Ляцкому (с комментариями) / И.С. Рождественская // *Русская литература*. 1975. №2. С.194-201.

References

1. Beketov, R.F. «Rodina» i «Chuzhbina» v poezii Iosifa Brodskogo (neskol'ko zamechanii k probleme avtorskoj aksiologii v kontekste shkol'nogo prepodavaniia kursa istorii russkoi klassicheskoi literatury) [«Homeland» and «Foreign Land» in the poetry of Joseph Brodsky (a few remarks on the problem of the author's axiology in the context of school teaching of the history of Russian classical literature)] / R.F. Beketov // *Problems of modern education. Materials of the IX international scientific conference*. 2018. Prague: Vedecko vydavatelske centrum Sociosfera-CZ s.r.o., 2018. P.12-17.
2. Brodsky, J.A. *Izbrannye stikhotvoreniia* [Selected poems] / J.A. Brodsky; afterword by E. Beznosov; illustrated by A. Nerovnyi. Moscow: Panorama, 1994. 496 p.

3. Gavrilova, N.S. *Anglo-amerikanskii mir v retseptsii I. Brodskogo: real'nost', poeziia, iazyk* : Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk [Anglo-American world in I. Brodsky's reception: reality, poetry, language / N.S. Gavrilova : Abstract of the thesis for the degree of candidate of philological sciences]. Tomsk: Tomskii gosudarstvennyi universitet, 2007. 27 p.
4. Dovlatov, S.D. *Sobranie sochinenii: v 4 t. T.4*. [Complete works in 4 volumes. Vol.4] / S.D. Dovlatov. Saint Petersburg: Azbuka-classica, 2008. 480 p.
5. Zayitsky, S.S. Izbrannye poeticheskie perevody [Selected Poetic Translations] [Electronic resource] / S.S. Zayitsky // Lib.ru/Classics, www.azlib.ru/z/zajackij_s_s/text_0020.shtml (Accessed: 10 September 2021)
6. Zemskov, V.B. I Meksika vznikla, viden'e vdokhnovennoe... K.D. Bal'mont i poeziia indeitsev [And Mexico arose, an inspired vision ... K.D. Balmont and the poetry of the Indians] / V.B. Zemskov // *Latin America*. 1976. №3. P.170-182.
7. Ionova, I.A. Obraz i obrazy kirillitsy v russkoi poezii [The image and images of the Cyrillic alphabet in Russian poetry] / I.A. Ionova // *Rusin*. 2005. №2(2). P.187-196.
8. Imperator Meksiki Maksimilian v stikhotvoreniakh Iosifa Brodskogo [The Emperor of Mexico Maximilian in the poems of Joseph Brodsky] [Electronic resource], pikabu.ru/story/imperator_meksiki_maksimilian_v_stikhotvoreniyakh_iosifa_brodskogo_5758691 (Accessed: 10 September 2021)
9. Kobelyatskaya, I.I. Problema istoricheskoi lichnosti v tvorchestve Iosifa Brodskogo [The problem of historical personality in the works of Joseph Brodsky] / I.I. Kobelyatskaya // *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Literary criticism. Journalism*. 2011. №2. P.53-63.
10. Kamrad, S.S. Polpred stikha (k 65-letiiu so dnia rozhdeniia V.V. Maiakovskogo) [Plenipotentiary of the verse (to the 65th anniversary of the birth of V.V. Mayakovsky)] / S.S. Kamrad // *Friendship of peoples*. 1958. №7. P.201-218.
11. Preobrazhensky, S.Yu. Anagrammy «maslo» ili «oslam»? (I. Brodskij kak anagrammist) [Anagrams «butter» or «donkeys»? (J. Brodsky as an anagrammist)] / S.Yu. Preobrazhensky, O.Ya. Barash // *Jazyk i myshlenie: Psihologicheskie i lingvisticheskie aspekty. Materialy XVI-j Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. Orekhovo-Zuyevo: Gosudarstvennyy gumanitarno-tekhnologicheskii universitet, 2016. P.167-168.
12. Reinhardt, R.O. Rossiia i Meksika: 130 let otnoshenii skvoz' prizmu diplomatii i russkoi poezii [Russia and Mexico: 130 years of relations through the prism of diplomacy and Russian poetry] / R.O. Reinhardt // *Iberoamerican papers*. 2020. №1(8). P. 84-96.
13. Rozhdesvenskaya, I.S. Pis'ma K.D. Bal'monta k E.A. Liatskomu (s kommentariiami) [K.D. Balmont's letters to E.A. Lyatsky (with comments)] / I.S. Rozhdesvenskaya // *Russian literature*. 1975. №2. P.194-201.

Сведения об авторе:

Райнхардт Роман Отмарович – кандидат экономических наук, доцент кафедры дипломатии МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: международное гуманитарное сотрудничество, культурная дипломатия, ибероамериканистика, лингвокультурология, И.А. Бродский. E-mail: r.reinhardt@inno.mgimo.ru

About the author:

Roman O. Reinhardt – PhD, Associate Professor of Department of Diplomacy, MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: international humanitarian cooperation, cultural diplomacy, culture-through-language studies, Ibero-American studies, Joseph Brodsky. E-mail: r.reinhardt@inno.mgimo.ru

* * *

DEONTOLOGY OF FRENCH JOURNALISM IN CONTEMPORARY POLITICAL CONTEXT

M.V. Tarasova

Moscow State Institute of International Relations (University),
76 Vernadsky Ave., Moscow, 119454, Russia

Abstract. *In the focus of the article are different views of French media representatives on the appropriateness of the Council for Deontology and Mediation, founded in France in December 2019. The Council positions itself as an independent structure that carries out the functions of self-regulation (within the profession), and co-regulation (between journalists and audience) in the field of mass media based on French and international codes of journalism ethics. The Council considers mass media audience complaints about journalists' violation of professional ethics and acts as an intermediary in resolving information disputes between journalists, publishers and the audience.*

The main goal of the Council on Deontology and Mediation is to restore the audience's trust in mass media and create a culture of honest journalism. However, its establishment and activities provoked a fierce debate in the French journalism community, splitting it into two camps. The opponents, who happened to be in the majority, do not recognize the legitimacy of the Council and refuse to work with it.

In this respect, the article examines the following issues: a brief history of French and international codes of journalism ethics; the reasons of the crisis of trust to traditional media; the political context in which the Council for Deontology and Mediation emerged; the Council's structure and functions; arguments put for and against its activities; analysis of two cases that illustrate its activities.

The article is based on materials taken from traditional French media: Le Monde, Le Figaro, Libération, Les Échos, L'Express, La Croix; online media: Médiapart and Contexte, as well as TV interviews with media representatives.

Key Words: *deontology of journalism, codes of journalism ethics, a crisis of trust to traditional mass media, the Council for Deontology and Mediation*

For citation: Tarasova M.V. (2021). Deontology of French Journalism in Contemporary Political Context. *Philology at MGIMO*, 7(3), pp. 97–105. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-3-27-97-105>

ДЕОНТОЛОГИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

М.В. Тарасова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. *Статья посвящена обзору точек зрения представителей французских СМИ по поводу целесообразности создания и функционирования Совета по деонтологии и медиации, учреждённого во Франции в декабре 2019 года. Этот орган позиционирует себя как независимая структура, осуществляющая саморегулирование (внутри профессии), и сорегулирование (между журналистами и аудиторией) в сфере массовой информации, опираясь при этом на национальные и международные кодексы журналистской этики. Совет рассматривает жалобы аудитории средств массовой информации на нарушение журналистом профессиональной этики, а также выступает посредником при разрешении информационных споров между журналистами, издателями и аудиторией.*

Главная цель Совета по деонтологии и медиации – восстановление доверия аудитории к СМИ и формирование культуры честной журналистики. Между тем, создание и деятельность этого органа вызвали острую полемику во французском журналистском сообществе, расколов его на два лагеря. Противники, которых оказалось большинство, не признают легитимность Совета и отказываются с ним сотрудничать.

В этой связи в статье рассматриваются следующие вопросы: краткая история создания кодексов этики французской и международной журналистики; причины кризиса доверия к традиционным СМИ; политический контекст, в котором появился Совет по деонтологии и медиации; его структура и функции; аргументы, выдвигаемые за и против его деятельности; анализ двух кейсов, иллюстрирующих его деятельность.

Материалом для анализа послужили статьи, взятые из французских традиционных СМИ: Le Monde, Le Figaro, Libération, Les Échos, L'Express, La Croix, из интернет-изданий: Médiapart и Contexte, а также телевизионные интервью с представителями СМИ.

Ключевые слова: деонтология журналистики, кодекс профессиональной этики журналиста, кризис доверия к традиционным СМИ, Совет по деонтологии и медиации

Для цитирования: Тарасова М.В. (2021). Деонтология французской журналистики в современном политическом контексте. *Филологические науки в МГИМО*. 7(3), С. 97–105. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-3-27-97-105>

Введение

Обучение на факультетах международной журналистики российских вузов включает в себя курс «Французская журналистика», который знакомит студентов со средствами массовой информации и медиакulturой Франции. К числу важных понятий, которые изучают будущие журналисты, относится понятие «деонтология».

В журналистике, как и в любой другой профессии, существуют этические стандарты. Они касаются всех этапов журналистской деятельности, начиная со сбора, обработки информации (редак-

тирования и комментирования) и заканчивая её распространением. Эти нормы зафиксированы в национальных и международных кодексах профессиональной этики журналиста. Этический кодекс, по мнению исследователя прикладной этики В.И. Бакштановского, с одной стороны, служит ориентиром в мире нравственных ценностей, мотивирует самоопределение журналиста, побуждает к нравственной рефлексии, а с другой – представляет собой набор критериев для оценки журналистской деятельности «со стороны» [1, с.195].

Во Франции разработка деонтологии журналистики имеет давние традиции. Между тем, несмотря на существование национальных и международных кодексов профессиональной этики, в стране не было органа, который следил бы за соблюдением этических норм и указывал бы на случаи их нарушения журналистами. В декабре же 2019 года такой орган был учреждён: это Совет по деонтологии и медиации. По замыслу его создателей, он призван восстановить доверие аудитории к СМИ и способствовать формированию качественной журналистики. Однако, против всех ожиданий, появление такого Совета вызвало раскол в журналистском сообществе, разделив его на два лагеря.

В самом деле, деонтология журналистики – это миф или реальность? Возможно ли в современном мире, где скорость подачи информации превалирует над её качеством, где журналисты, в погоне за сенсацией, часто забывают о моральных нормах, говорить о единой профессиональной этике для всех видов СМИ? Способен ли, наконец, Совет по деонтологии и медиации вернуть доверие аудитории к журналистам?

Обзору точек зрения экспертов и представителей французских СМИ по этим вопросам и посвящена наша статья.

Краткая история вопроса

Франция стала первой европейской страной, в которой была разработана деонтология журналистики. И это неслучайно: в период Первой мировой войны профессиональная деятельность журналистов подвергалась жесточайшей цензуре. Поэтому в 1918 году Национальный профсоюз французских журналистов принимает Кодекс профессиональных обязанностей журналиста (*Charte des devoirs professionnels des journalistes*).

В 1938 году этот документ претерпел ряд изменений. Впоследствии он был положен в основу Декларации прав и обязанностей журналиста (*Déclaration des devoirs et des droits des journalistes*), которая была принята в 1971 году в Мюнхене профсоюзами журналистов нескольких европейских стран: Франции, Германии, Бельгии, Италии, Люксембурга и Нидерландов. И именно этот документ стал ориентиром для мировых СМИ в области деонтологии профессии.

В 2011 году Национальный профсоюз французских журналистов переименовывает «Кодекс профессиональных обязанностей журналиста» в «Кодекс профессиональной этики журналиста» (*Charte d'éthique professionnelle des journalistes*) и добавляет туда пункт о защите источника информации, полученной конфиденциально [2, с. 57].

12 июня 2019 года на XXX-ом Всемирном конгрессе в Тунисе Международная Федерация журналистов приняла Глобальную хартию журналистской этики (*La Charte d'éthique mondiale des journalistes*), которая дополнила Декларацию принципов поведения журналиста (1954г.), известную как «Декларация Бордо». Глобальная хартия журналистской этики опирается на Всеобщую декларацию прав человека, провозглашающую право каждого человека на доступ к информации, которое является основой журналистской деятельности. Хартия содержит преамбулу и 16 статей, в которых определяются права и обязанности журналиста. В их числе есть, например, статья, которая говорит о том, что «ответственность журналиста перед общественностью преобладает над любой другой, в частности перед работодателями или представителями власти. Журналистика – профессия, требующая времени, ресурсов и средств для достижения практических результатов, необходимых для её независимости» [13].

Помимо международных и национальных кодексов этики журналистов, существуют корпоративные кодексы, которые действуют внутри конкретного медиа-предприятия. В 80-е годы

XX века многие газеты, радиостанции и телевизионные каналы приняли уставы, в которых нашли своё отражение редакционная политика, моральные ценности, регламент профессиональных взаимоотношений как внутри редакций, так и с аудиторией: читателями, слушателями и зрителями.

Несмотря на чёткий свод правил профессии, существуют факторы, которые могут поставить под удар их соблюдение, например, такие как: редакционная политика конкретного издания, давление руководства, погоня за сенсацией, получение информации любыми средствами, использование в работе непроверенных источников, конкуренция за право опубликовать новость первым [2, с. 59].

Важно отметить, что во Франции деонтологические нормы носят рекомендательный характер, поскольку они не закреплены юридически. Поэтому журналистов здесь крайне редко привлекают к ответственности или увольняют за нарушение профессиональной этики, в отличие от США, где случаи увольнения журналистов, к тому же без права заниматься профессией, – явление довольно частое.

К каким же последствиям может привести несоблюдение журналистами кодекса этических норм во Франции? Самое серьёзное – это потеря доверия аудитории, которая влечёт за собой потерю интереса к любой информации, исходящей от СМИ.

В настоящее время французские средства массовой информации переживают кризис, который усугубили события последнего года, связанные с пандемией. Опрос, проведённый в 2020 году институтом Кантар, показал, что уровень доверия к информации СМИ только за один год упал на 11 пунктов: ей доверяют всего лишь 24% французов. Причём это рекордно низкая цифра, начиная с 1987 года. В результате в рейтинге европейских стран Франция заняла предпоследнее место [9].

Причины кризиса доверия к СМИ

Доверие аудитории к медиа-информации, по мнению главы радиостанции France Info Винсента Жире, стало стремительно падать с начала протестов «жёлтых жилетов», чьи «агрессивные действия по отношению к журналистам навсегда останутся в исторической памяти редакций» [11]. Несмотря на невиданное по своему размаху освещение протестных акций «жёлтых жилетов» (20% новостей при 14 часах ежедневного вещания в течение 5 месяцев), лидеры этого движения не были удовлетворены тем, как журналисты освещали уличные баталии и полицейский произвол. На этом основании «жёлтые жилеты» блокировали работу типографий, поджигали газетные киоски, скандировали под окнами редакций: «журналисты-коллаборационисты!», разбивали камеры журналистов, которые вели трансляции из гущи событий, а сами журналисты подвергались оскорблениям, угрозам и физическим нападениям. За полгода от протестных действий «жёлтых жилетов» пострадали 54 журналиста. Впервые в истории Франции государство было вынуждено защищать журналистов и выделять им охрану для передвижения в городе.

Чего же добились «жёлтые жилеты» своими действиями?

Во-первых, они вызвали шок и негодование у журналистского сообщества. Освещать протестные акции «жёлтых жилетов» стало «одним из самых тяжёлых испытаний профессии» [10]. В ответ на агрессию и оскорбления в адрес своих коллег, которые чаще других становились мишенью протестующих, национальный телевизионный канал BFM TV, на один день полностью отказался от трансляции протестных акций «жёлтых жилетов» [15].

Во-вторых, «жёлтые жилеты» подорвали доверие аудитории к СМИ, повторяя в прямом эфире, что журналисты неверно освещают события и потому им нельзя доверять.

Но существуют и другие причины снижения рейтинга доверия и интереса аудитории к традиционным СМИ. К ним относятся:

- 1) слишком большое количество информационных каналов, затрудняющее выбор;
- 2) низкое качество новостей, в том числе присутствие фейковых;
- 3) манера подачи информации, порождающая тревожность или раздражение и вызывающая желание переключиться на другой канал;
- 4) подражание СМИ друг другу, тиражирование одной и той же новости;

- 5) неоправданная медиатизация некоторых информационных поводов;
- 6) и, наконец, появление сильных конкурентов традиционным СМИ: независимых альтернативных медиа, таких как *Brut*, *Le Média*, *Thinkerview*, *Vécu*, а также социальных сетей, которые стали главными источниками информации особенно для молодого поколения.

Проведённый редакциями анализ причин снижения доверия и интереса к информации побудил их пересмотреть принципы своей работы. Стало очевидно, что простое информирование перестало устраивать аудиторию, что возникла необходимость установить диалог с читателем, найти механизмы, которые вернули бы доверие и желание получать информацию не только на альтернативных медиа платформах, но и из традиционных СМИ.

В поисках путей выхода из кризиса редакции *Radio France*, *La Croix*, *La Voix du Nord*, *L'Obs*, *L'Express*, *Reporters d'espoirs* и *Make.org* решили объединить свои усилия и провести «гражданские консультации» с тем, чтобы в ходе диалога с аудиторией выработать новую концепцию журналистики, которая позволила бы восстановить доверие аудитории к СМИ.

С этой же целью в декабре 2019 года был создан Совет по деонтологии и медиации журналистов (*Conseil de déontologie journalistique et de médiation*). Попутно отметим, что такие Советы существуют уже в 18 странах Евросоюза. Первый из них появился в 1916 году в Швеции, а предпоследний – в 2009 году в Бельгии.

Структура и функции Совета по деонтологии и медиации

Совет состоит из трёх коллегий: журналисты, издатели и публика. В него вошли представители таких объединений, как:

- первый и старейший профсоюз журналистов (*Le Syndicat national des journalistes (SNJ)*);
- профсоюзное объединение журналистов (*L'Union syndical des journalistes (CFDT)*);
- международный альянс журналистов (*L'Alliance internationale de journalistes (AIJ)*);
- коллективы журналистов и веб-изданий: «*Informer n'est pas un délit*», «*Prenons la Une*», «*Profession Pigiste*», «*Contexte*»;
- высшие школы журналистики: *École supérieure de journalisme de Lille*, *École publique de Journalisme de Tours*;
- пресс-клубы (*des clubs de la presse*);
- национальный профсоюз свободного радио (*Syndicat national des radios libres*);
- французская Федерация информагентств (*Fédération française des agences de presse*);
- национальная Федерация специализированной прессы (*Fédération nationale de la presse d'information spécialisée*);
- читательский клуб газеты Юго-Запад (*Cercle des lecteurs de Sud-Ouest*).

В своей деятельности Совет по деонтологии и медиации руководствуется уже приводимыми нами ранее документами: Кодексом профессиональной этики журналиста (1918/1938/2011, Франция); Мюнхенской декларацией прав и обязанностей журналиста (1971, Мюнхен) и Всемирным кодексом профессиональной этики журналиста (2019, Тунис).

Председатель Совета по деонтологии и медиации Патрик Эвено позиционирует его как «профессиональный орган, независимый от государства, который может провести проверку по собственной инициативе либо по жалобе зрителей, слушателей или читателей, если, по их мнению, в передаче или статье были нарушены этические нормы журналистики» [4]. В случае, если жалоба исходит от зрителя, слушателя или читателя, Совет назначает рабочую группу в составе трёх человек (*une tripléte*): журналист, издатель и представитель общественности, которая её рассматривает и выносит заключение, которое Совет публикует на своём сайте и рекомендует «провинившемуся» СМИ опубликовать его на своём сайте.

Важно отметить, что Совет не является органом цензуры, поскольку выносит своё заключение уже после выхода в свет статьи, теле- или радиопередачи. Совет также «не уполномочен накладывать уголовные, финансовые или иные санкции. Мы не жандармы деонтологии», подчёркивает его председатель в своём интервью радиостанции Европа 1 [8].

Этот орган выступает, таким образом, в роли посредника и арбитра при разрешении споров между журналистами, издателями и аудиторией. Его цель состоит в формировании культуры честной журналистики и в восстановлении доверия к СМИ посредством диалога с аудиторией.

Сильные стороны Совета по деонтологии и медиации

Во-первых, он представляет собой инстанцию, которая на законном основании способна дать в публичном пространстве оценку действиям журналиста, нарушившего профессиональную этику, и вынести ему порицание.

Несмотря на существование национальных и международных кодексов профессиональной этики, а также редакционных уставов медиа-предприятий, до декабря 2019 года во Франции не было органа, который интерпретировал бы этические нормы и указывал бы на случаи их нарушения.

Представители Совета не отрицают, что помимо обоснованных жалоб на журналистов, есть и такие, например, которые исходят от лиц, не заинтересованных в независимых журналистских расследованиях, цель которых состоит в дискредитации конкретного журналиста. Поэтому Совет со всей тщательностью разбирается с каждым случаем и предаёт огласке необоснованные жалобы, что в итоге оборачивается против самих же дискредитаторов [6].

Во-вторых, Совет установил границу между медиа-информацией, соответствующей профессиональным нормам, и свободным выражением мыслей, которое, как любая игра без правил, не вписываясь в деонтологические рамки, повышает риск появления фейковых новостей и манипулирования общественным мнением.

В-третьих, Совет способствовал установлению диалога между всеми заинтересованными сторонами: издателями, от которых зависит выбор редакционной политики и экономической модели СМИ, профсоюзами журналистов, журналистскими коллективами независимых расследований, федерацией профессиональных издателей, информационными агентствами и членами гражданского общества.

Совет по деонтологии и медиации – новый страж журналистской этики?

Несмотря на ряд преимуществ, которое получило журналистское сообщество в результате создания Совета по деонтологии и медиации, у него, тем не менее, оказалось больше противников, чем сторонников. Более двадцати СМИ отказались вступить в него: *l'AFP, Challenges, Europe 1, L'Express, Le Figaro, Le Monde, Franceinfo TV, France 3 National, France Bleu, France Info, France Inter, LCI, Mediapart, L'Obs, Le Parisien, Le Point, TF1, La Tribune, TV5 Monde et 20 Minutes*. В своём коллективном открытом письме, опубликованном на сайте *Mediapart*, представители этих изданий изложили причины своего отказа, одна из которых: политический контекст, в котором этот Совет был создан.

В самом деле, не прошло и полутора лет с момента избрания Эмманюэля Макрона президентом Французской Республики, как 22 декабря 2018 года был принят Закон о противодействии манипулированию информацией (*Loi contre la manipulation de l'information*), который в обществе известен как Закон о фейковых новостях (*Loi infox*), нарушающий, по мнению журналистов, Закон о свободе печати 1881 года. Дело в том, что новый закон позволяет в период выборов (президентских, парламентских или в Европарламент), вводить ускоренную процедуру, при которой судья в течение 48 часов может признать любую информацию ложной и привлечь за её распространителя к административной ответственности.

Этот же закон вменяет в обязанность интернет-платформам (Facebook, Twitter и др.) соблюдать принцип прозрачности, то есть указывать прямо, какие из материалов размещаются ими на коммерческой основе. Кроме того, по этому закону, Совет по телерадиовещанию может приостанавливать деятельность СМИ с участием иностранных государств или же государств, которые находятся под иностранным влиянием, если таковые распространяют «заведомо ложную информацию с целью повлиять на исход выборов» [12].

В результате на страницах французских СМИ развернулась острая полемика по поводу целесообразности функционирования Совета по деонтологии и медиации. Направленные против его деятельности аргументы можно свести к следующим:

1. Французские СМИ не нуждаются в такой инстанции, поскольку взаимоотношения СМИ и государства регламентируются Законом о свободе печати 1881 года, который гарантирует свободу в информировании граждан, декларирует права и обязанности СМИ и издателей, то есть обеспечивает правовую основу для публикаций. Совет же, по словам директора газеты «Фигаро» Марка Фёйе, «создаёт кодекс этического оценивания вне юридического поля» [14].

2. Совет по деонтологии и медиации не может считаться независимым органом ввиду того, что он был создан по инициативе государства и им же частично финансируется.

3. Что касается роли медиатора, на которую претендует Совет, то во французских редакциях такая должность существует с конца 80-х годов (по примеру США, где она возникла в 60-е годы) [7, с. 57]. Медиатор – это независимое физическое лицо, которое выступает посредником в урегулировании споров между редакцией и читателями, с целью достижения ими взаимоприемлемого решения и, тем самым, не доводить дела до суда. В настоящее время эта должность существует в восьми французских СМИ: *France Médias Monde*, *France Télévisions*, *Le Monde*, *La Montagne*, *La Nouvelle République de Centre-Ouest (NRCO)*, *Radio France*, *Sud Ouest* et *TF1*, что говорит о том, что Совет дублирует уже существующую функцию.

4. Журналистское сообщество выражает сомнение по поводу возможности применения общей этики для всех видов СМИ, учитывая их большое количество (письменные, аудиовизуальные, веб-платформы) и разнообразие сфер их деятельности (общая, политическая, экономическая, специализированная пресса). По мнению автора книги «Право СМИ», профессора Эммануэля Дерё, «такие условия журналистской деятельности, а также отношения журналистов с медиа-предприятиями до сих пор не позволяли им иметь общий этический кодекс и не похоже, чтобы эта ситуация изменилась» [3].

Выступая за плюрализм, журналистские профсоюзы видят свою задачу в том, чтобы защищать разнообразие подходов, а не соблюдать искусственный стандарт этики. «Журналистов должны судить читатели, а не собирать по перу» [16].

5. В итоге большое число профессионалов отказалось принимать участие в Совете. В этой связи он столкнулся с проблемой репрезентативности, которая в свою очередь поставила под сомнение его легитимность. Поэтому достижение цели – восстановление доверия аудитории к журналистам – оказалось тоже под угрозой. Если в Совет отказываются вступать именитые СМИ, как ему можно доверять?

Пути решения выхода из кризиса доверия, по мнению противников Совета, лежат в другой плоскости: для достойной журналистской деятельности необходимы нормальные условия труда, которые позволили бы журналистам не зависеть от воли акционеров медиа-предприятий и соответствовали бы французской концепции свободы.

Деятельность Совета по деонтологии и медиации

Несмотря на сильное противостояние журналистского сообщества, Совет по деонтологии и медиации функционирует уже более года. За это время поступило 390 обращений от общественности по 150 случаям нарушения журналистской этики, из которых только 30 Совет счёл обоснованными, 100 – были отклонены, а 20 находятся на стадии рассмотрения.

Приведём в качестве примеров два заключения Совета и – главное – реакцию на них соответствующих СМИ.

Одним из первых нашумевших во Франции дел, рассмотренных Советом по деонтологии и медиации, стал случай оскорбления адвоката Жуан Бранко журналисткой Аполлин де Малерб во время интервью в прямом эфире телеканала BFMTV. За секунду до окончания передачи она назвала собеседника «манипулятором», не оставив ему времени для ответа. От телезрителей последовали 23 обращения, обвинявшие журналистку в отсутствии объективности и беспристраст-

ности. Изучив суть вопроса, Совет вынес заключение: «когда журналист делает подобные заявления, то последнее слово он должен оставлять за интервьюируемым» [8]. После этого, согласно процедуре, представитель Совета попытался связаться с телеканалом BFM TV, но последний отказался от переговоров.

И это, кстати, далеко не единичный случай, когда СМИ, на которое поступила жалоба, категорически отказывается сотрудничать с Советом. Одно из последних заключений Совета по деонтологии датировано 26 марта 2021 года.

В Совет обратилась Инес Леро, журналист и автор комикса «Зелёные водоросли, запретная история» с жалобой на автора статьи Александра Бертолини «Зелёные водоросли и агропродовольственные товары: бретонские экоактивисты и теория заговора», опубликованной 13 июля 2020 года на сайте журнала *Современные ценности* (*Valeurs actuelles*). Автор статьи, ссылаясь на результаты расследования журналистки и цитируя её имя, не дал себе труда связаться с ней для перекрёстной проверки информации, в результате чего публикация содержит, на её взгляд, неточности и недостоверную информацию.

Совет счёл жалобу обоснованной, отметив, что «статья написана в жанре журналистского расследования, но при этом нарушает правила этого жанра, поскольку содержит личностные оценки, утверждения, не подкреплённые фактами. В статье есть непроверенная информация из анонимных источников, которая дискредитирует людей, чьи имена там фигурируют, и которым не была предоставлена возможность выразить свою точку зрения» [5].

После вынесения этого заключения Совет направил письмо директору издания Эрику Монжолу, информирующее об обращении госпожи Инес Леро и предлагающее опубликовать заключение Совета, как это предусмотрено его уставом. Однако директор ответил, что «группа Валмонд (владелец журнала) не признает легитимности Совета по деонтологии. У него нет никакого права и прерогативы рассматривать или предъявлять нам претензии. Наша деятельность регламентируется французским законодательством и, в частности, законом 1881 года» [5].

Подводя итог нашему обзору, подчеркнём, что создание во Франции Совета по деонтологии и медиации, вызвав большой резонанс в журналистском сообществе, раскололо его на два лагеря, не равных как по своей численности, так и по популярности изданий, которые журналисты представляют. Симптоматично, что редакции большинства самых читаемых во Франции изданий оказались среди противников Совета, созданного по инициативе государства и им же частично финансируемого.

Таким образом, столкнувшись в современной политической ситуации, с новыми вызовами, большая часть журналистского сообщества проявила недоверие к власти и показала своё стремление сохранять свободу прессы, завоёванную французским обществом ещё в XIX-ом веке.

© М.В. Тарасова, 2021

Список литературы

1. Бакштановский В.И. Этическая экспертиза идеи саморегулирования «медиацеха» // Саморегулирование журналистского сообщества. Опыт. Проблемы. Перспективы становления в России. 3-е изд., стереотип. М.: Галерея, 2004. 399 с.
2. Тарасова М.В. Журналистика по-французски. М.: Nestor Academic Publishers, 2016. 328 с.
3. actu-juridique.fr [Электронный ресурс] – 04.12.2019, URL: <https://www.actu-juridique.fr/ntic-medias-presse/deontologie-journalistique-et-si-le-droit-suffisait/> (Дата доступа 25.07.2021)
4. cdjm.org [Электронный ресурс] – URL: <https://cdjm.org/> (Дата доступа 20.07.2021)
5. cdjm.org [Электронный ресурс] Avis sur la saisine N° 20-114, 26.03.2021. – URL: <https://cdjm.org/avis-20-114/> (Дата доступа 27.07.2021)
6. contexte.com 29.11.2019 [Электронный ресурс] – URL: <https://blog.contexte.com/conseil-de-deontologie-journalistique-et-de-mediation-cdjm-pourquoi-f8c6ea5a8c72> (Дата доступа 20.07.2021)
7. Cros J.-J. Le Journalisme pour les Nuls. – Paris : Éditions First-Grund, 2011. 360 p.
8. Europe1.fr [Электронный ресурс] 27.05.2020 – URL: <https://www.europe1.fr/medias-tele/comment-fonctionne-le-conseil-de-deontologie-journalistique-et-de-mediation-cree-recemment-3971070> <https://www.europe1.fr/medias-tele/comment-fonctionne-le-conseil-de-deontologie-journalistique-et-de-mediation-cree-recemment-3971070> (Дата доступа 28.07.2021)

9. la-croix.com [Электронный ресурс] – URL: <https://www.la-croix.com/Economie/Medias/Barometre-medias-pourquoi-4-Francais-10-boudent-linformation-2020-01-15-1201072072> (Дата доступа 18.07.2021)
10. la-croix.com [Электронный ресурс] – URL: <https://www.la-croix.com/France/Deux-ans-gilets-jaunes-journalistes-racontent-2020-11-13-1201124470> (Дата доступа 18.07.2021)
11. leexpress.fr 30.11.2019 [Электронный ресурс] – URL: https://www.leexpress.fr/actualite/medias/deontologie-les-journalistes-se-dotent-de-leur-conseil-de-l-ordre_2109483.html (Дата доступа 18.07.2021)
12. legifrance.gouv.fr [Электронный ресурс] – URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000037847559/> (Дата доступа 18.07.2021)
13. legipresse.com N°373, 9 juillet 2019 [Электронный ресурс] – URL: <https://www.legipresse.com/011-50293-la-federation-internationale-des-journalistes-propose-une-nouvelle-charte-mondiale-dethique.html> (Дата доступа 11.06.2021)
14. lemonde.fr [Электронный ресурс] – URL: https://www.lemonde.fr/economie/article/2019/12/02/la-creation-d-un-conseil-de-deontologie-des-medias-divise-la-profession_6021320_3234.html (Дата доступа 20.07.2021)
15. lesechos.fr [Электронный ресурс] – URL: <https://www.lesechos.fr/tech-medias/medias/un-conseil-de-deontologie-des-journalistes-va-bien-voir-le-jour-1150640> (Дата доступа 8.05.2021)
16. mediapart.fr [Электронный ресурс] – URL: <https://blogs.mediapart.fr/la-sdj-de-mediapart/blog/291119/conseil-de-deontologie-pourquoi-nous-n-y-participerons-pas> (Дата доступа 20.08.2021)

References

1. Bakshtanovsky, V.I. Eticheskaja ekspertiza idei samoregulirovaniia mediatsekha [Ethic expertise of media workshop self regulation] // *Samoregulirovanie zhurnalistского soobshhestva. Opyt. Problemy. Perspektivy stanovleniya v Rossii* [Selfregulation of journalist community. Experience. Problems. Perspectives of its formation in Russia]. 3-e izd., stereotip. M.: Galerija, 2004. 399 p.
2. Tarasova, M.V. *Le journalisme à la française*. M.: Nestor Academic Publishers, 2016. 328 p.
3. actu-juridique.fr [electronic resource] 04.12.2019, www.actu-juridique.fr/ntic-medias-presse/deontologie-journalistique-et-si-le-droit-suffisait/ (Accessed 25.07.2021)
4. cdjm.org [electronic resource], cdjm.org/ (Accessed 20.07.2021)
5. cdjm.org [electronic resource] Avis sur la saisine N° 20-114, 26.03.2021, cdjm.org/avis-20-114/ (Accessed 27.07.2021)
6. contexte.com 29.11.2019 [electronic resource], blog.contexte.com/conseil-de-deontologie-journalistique-et-de-mediation-cdjm-pourquoi-f8c6ea5a8c72 (Accessed 20.07.2021)
7. Cros, J.-J. *Le Journalisme pour les Nuls*. Paris: Éditions First-Grund, 2011. 360p.
8. Europe1.fr [electronic resource] 27.05.2020, www.europe1.fr/medias-tele/comment-fonctionne-le-conseil-de-deontologie-journalistique-et-de-mediation-cree-recemment-3971070 <https://www.europe1.fr/medias-tele/comment-fonctionne-le-conseil-de-deontologie-journalistique-et-de-mediation-cree-recemment-3971070> (Accessed 28.07.2021)
9. la-croix.com [electronic resource], [croix.com/Economie/Medias/Barometre-medias-pourquoi-4-Francais-10-boudent-linformation-2020-01-15-1201072072](https://www.la-croix.com/Economie/Medias/Barometre-medias-pourquoi-4-Francais-10-boudent-linformation-2020-01-15-1201072072) (Accessed 18.07.2021)
10. la-croix.com [electronic resource], www.la-croix.com/France/Deux-ans-gilets-jaunes-journalistes-racontent-2020-11-13-1201124470 (Accessed 18.07.2021)
11. leexpress.fr 30.11.2019 [electronic resource], www.leexpress.fr/actualite/medias/deontologie-les-journalistes-se-dotent-de-leur-conseil-de-l-ordre_2109483.html (Accessed 18.07.2021)
12. legifrance.gouv.fr [electronic resource], www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000037847559/ (Accessed 18.07.2021)
13. legipresse.com N°373, 9 juillet 2019 [electronic resource], www.legipresse.com/011-50293-la-federation-internationale-des-journalistes-propose-une-nouvelle-charte-mondiale-dethique.html (Accessed 11.06.2021)
14. lemonde.fr [electronic resource], www.lemonde.fr/economie/article/2019/12/02/la-creation-d-un-conseil-de-deontologie-des-medias-divise-la-profession_6021320_3234.html (Accessed 20.07.2021)
15. lesechos.fr [electronic resource], www.lesechos.fr/tech-medias/medias/un-conseil-de-deontologie-des-journalistes-va-bien-voir-le-jour-1150640 (Accessed 8.05.2021)
16. mediapart.fr [electronic resource], blogs.mediapart.fr/la-sdj-de-mediapart/blog/291119/conseil-de-deontologie-pourquoi-nous-n-y-participerons-pas (Accessed 20.08.2021)

Сведения об авторе:

Тарасова Мария Вячеславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка МГИМО МИД России. Сфера научных и профессиональных интересов: французский медиадискурс, грамматика французского языка, французская журналистика, жанры французской прессы.

E-mail: maria.tarassova@gmail.com

About the author:

Maria V. Tarasova – PhD in Philology, Associate Professor, French Department, MGIMO-University. Spheres of research and professional interest: media discourse, French grammar, French journalism, genres in French journalism. E-mail : maria.tarassova@gmail.com

THE ANDEAN SPANISH OF PERU THROUGH FOLK TALES: PSYCHOLINGUOCULTURAL APPROACH

Elena A. Grinina, Galina S. Romanova

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. *National varieties of Spanish have been studied successfully since the second half of the XX-th century. The object of this research is the Andean varieties of Spanish, which we intend to study from a psycholinguocultural perspective, which is a novel approach, developed by a number of Russian linguists. The research is aimed at analyzing some linguistic characteristics of the natural bilinguals of the Andean world and answering the questions, if there is a connection between language and ethnicity and if an ethnic group can have two or more linguistic identities. Between language and ethnicity there is a close and direct interdependence. However similar the language spoken by different ethnic groups living in the same territory may seem, it is only on the surface, as the language is determined by psycho- and linguocultural factors. A monolingual ethnic group does not usually have more than one linguistic identity, but in diglossia situations, a person who acts as two (or more) speaking subjects, using one or more languages depending on the circumstances, brings together two (or more) linguistic personalities.*

Key Words: *Andean Spanish, language varieties, linguistic personality, psycholinguocultural approach, world vision, folklore, diglossia, interlanguage.*

For citation: Grinina E.A., Romanova G.S. (2021). The Andean Spanish of Peru Through Folk Tales: Psycholinguocultural Approach. *Philology at MGIMO*, 7(3), pp. 106–114. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-3-27-106-114>

EL ESPAÑOL ANDINO DE PERÚ A TRAVÉS DE LOS CUENTOS POPULARES: ENFOQUE PSICOLINGUOCULTURAL

Elena A. Grínina, Galina S. Románova

Universidad de Relaciones Internacionales de Moscú (MGIMO)
adjunta al Ministerio de Asuntos Exteriores de la Federación de Rusia,
76, prospect Vernadskogo, Moscú, 119454, Russia

Resumen: *El tema de las variedades nacionales ha venido estudiándose exitosamente desde la segunda mitad del siglo XX. El objeto de esta investigación es el español andino de Perú, que pretendemos estudiar desde una óptica psicolinguocultural, que es un enfoque novedoso. Planteamos analizar la conciencia lingüística de los bilingües naturales del mundo andino, respondiendo a la pregunta si existe una conexión entre la lengua y la etnicidad, o un grupo étnico puede tener dos o más identidades lingüísticas. Entre la lengua y la etnicidad existe una interdependencia estrecha y directa. Por muy unido que parezca el idioma usado paralelamente por grupos étnicos diferentes, éste nunca será igual, porque el sistema funciona indivisible del componente psico- y linguocultural de la población que lo use, aunque conviva en el mismo territorio. Un grupo étnico, en situación monolingüe (o bilingüe artificial, adquirida) no suele tener más de una identidad lingüística. En situaciones de diglosia, una persona que se desempeña como dos (o más) sujetos parlantes, usando uno u otro idioma según las circunstancias, reúne en sí dos (o más) personalidades lingüísticas.*

Palabras clave: *español andino, variedades idiomáticas, personalidad lingüística, enfoque psicolinguocultural, mundivisión, folklore, diglosia, interlengua*

Para citación: Grínina E.A., Románova G.S. (2021). El Español Andino de Perú a Través de Los Cuentos Populares: Enfoque Psicolinguocultural. *Filologia en MGIMO*. 7(3), C. 106–114. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-3-27-106-114>

1. Introducción

El tema de las variedades nacionales ha venido estudiándose exitosamente desde la segunda mitad del siglo XX y sigue atrayendo atención tanto dentro, como fuera del espacio hispanoparlante. Es lógico que la mayor parte de las investigaciones se realice a base del enfoque sociolingüístico. En América Latina el estudio del español andino empezó con la publicación de la obra de Alberto Escobar «Variaciones sociolingüísticas del castellano en el Perú» en 1978 [14]. El panorama de las investigaciones al respecto se da en el artículo de Rubén Arboleda Toro «El español andino» [13].

Los logros de la sociolingüística rusa, que ha trazado su propio camino junto a la trayectoria internacional, son ampliamente reconocidos: un gran número de los términos básicos fueron acuñados por hispanistas rusos, siguiendo el rumbo del académico Gueorgui Stepanov, que delimitó la lengua, el dialecto y la variedad nacional [11]. Sus obras mostraron que el estudio de las variedades del español es más productivo al tener en cuenta los múltiples factores externos e internos, prestando atención a los sociolectos, y sus ideas han sido desarrolladas por uno de sus seguidores Vladimir Gak, que ofrece un brillante análisis de diversas situaciones lingüísticas, partiendo de la tipología de éstas. Destaca cinco tipos principales: multilingüismo individual general, monolingüismo territorial múltiple, bilingüismo asimétrico, bilingüismo asimétrico girado, multilingüismo multinivel [2]. El sociolingüista Mijail Marusenko realiza estudios centrados en el factor de políticas lingüísticas y sus múltiples palancas, como enseñanza, medios de comunicación y otras [8]. Los métodos del análisis sociolingüístico, elaborado por estos científicos eminentes, fueron aplicados por sus seguidores Natalia Firsova [12], Marina Raevskaya [9], entre otros. De este modo, la vertiente sociolingüística ya se ha hecho tradicional, y las autoras ya hemos hecho una aportación modesta analizando las situaciones sociolingüísticas en Cataluña, Perú y Filipinas [3].

El objeto de esta investigación es el español andino de Perú, que pretendemos estudiar desde una óptica psicolinguocultural. Es un enfoque novedoso, propuesto por un grupo de destacados lingüistas del Instituto de Lingüística de la Academia de Ciencias de Rusia [1]. Partiendo de estas ideas, planteamos el objetivo de analizar la conciencia lingüística de los bilingües naturales del mundo andino, respondiendo a la pregunta si existe una conexión entre la lengua y la etnicidad, o un grupo étnico puede tener dos o más identidades lingüísticas.

2. Innovador enfoque metodológico

El enfoque psicológico y cultural que quisiéramos aplicar a la investigación de las variedades andinas del español se basa en los internacionalmente reconocidos logros de la escuela psicolingüística (A. Leontiev, L. Vigotskiy y otros) y las ideas innovadoras linguoculturológicas (V. Telia, N. Ufimtseva, V. Krasnij y otros), cuyo postulado de partida es que para transmitir nuestras ideas a otro utilizamos signos, principalmente idiomáticos, basados en las nociones formadas por nuestra propia cultura. El adjetivo compuesto psicolinguocultural nos dice que se trata de un enfoque llamado a integrar al menos tres ramas de estudios del idioma que confluyen en un mismo punto: el sujeto parlante. Trabajando con grandes corpus léxico, paremiológico y folklórico de diversos idiomas los investigadores probaron la conveniencia de estudiar el fenómeno de *homo loquens* en el contexto de las causas culturalmente relevantes de carácter linguocognitivo, psicológico y social que unen intrínsecamente la palabra, el conocimiento del mundo y su propio ser, plasmados en éste y relacionados con la memoria cultural de su grupo etnosocial. Se destacaron los más importantes códigos y connotaciones culturales, propios de las llamadas *personalidad lingüística*, tanto mono-, como bilingüe, y de mundivisión [6]. Grupos de investigadores pertenecientes a la escuela psicolingüística de Moscú han revelado núcleos de conciencia idiomática de diversos colectivos de hablantes nativos de varias lenguas, incluido el español [1, c. 41]. Pero, es de suponer, que en este último caso se debería tratarse de varios tipos de conciencia, cuya nomenclatura superaría en número las variedades nacionales.

A nivel de valores, lo que une a toda la comunidad lingüística son tales conceptos como la razón de existencia, objetivos de la vida de la humanidad y del hombre: todo esto expresado a través del lenguaje, en los textos, porque la *personalidad lingüística* se realiza de este modo [6, c. 38]. Todo ello no existe como características concretas, sino como un margen, más o menos amplio que, engloba motivaciones, objetivos, valores, que pueden ser propios para unos sectores sociales y ajenos para otros. Estos valores cambian con el tiempo, parecen casi imperceptibles y, sin embargo, a nivel casi intuitivo, sentimos que existen y nos unen en una comunidad.

Se plantea una interrogante: ¿se entiende adecuadamente nuestro mensaje por los interlocutores formados en otra cultura? Ya se ha probado que el álgebra del intelecto humano sigue siendo la misma, lo que nos permite comprendernos y traducir, aunque no sin dificultades, de un idioma a otro. Pero la lógica de otras personas al razonar, discernir, discriminar y sacar conclusiones nos depara muchas sorpresas, sobre todo cuando no se trata de nuestros connacionales. Esta idea transcendental fue desarrollada tanto en el campo teórico, como en el campo práctico. Por ejemplo, analizando la traducción-interpretación a la luz de la idiosincrasia nacional e idiomática, V. Iovenko estudia estructuras cognitivas que constituyen el fundamento de la visión nacional del mundo, probando que el perfeccionamiento del dominio de una lengua extranjera y una traducción-interpretación adecuada intentan vencer los modos de percibir la realidad por los bilingües artificiales, impuestos por la lengua materna [5].

En resumidas cuentas, los procesos y factores que influyen en el panorama idiomático, siempre cambiante, son múltiples y muchas veces contradictorios, pero el enfoque siempre es antropocéntrico, entendida la *personalidad lingüística* como un ente forjado por la historia y el paisaje en que vive, por la cultura y la sociedad en que se desarrolla.

3. Análisis y resultado

En el caso de las variedades nacionales del español, consideradas funcionalmente como sociopolíticas, altamente estandarizadas, en los países andinos se han formado dentro de éstas ciertos dialectos, configurados bajo la influencia de idiomas vernáculos – originarios, como quechua o aimara, que son idiomas etnoculturales, básicamente orales [15]. Los rasgos distintivos de estos dialectos, o subvariedades nacionales, se revelan con mayor o menor claridad según el estrato o grupo social o territorial que la hable.

Son dialectos hablados por habitantes bilingües, que adquirieron el español como segunda lengua, pero también se usan por hispanoparlantes nativos de la zona, monolingües, que no conocen *el runasimi*. El proceso de urbanización lleva a miles de estos peruanos a trasladarse a grandes urbes, poblando sus

cinturones marginales, de lo que informan muchos investigadores [17] que estudian aspectos fonéticos, morfosintácticos, socioculturales, – todos los niveles de su habla española son afectados por la influencia del *quechumara*. Este fenómeno resulta cada vez más presente en la vida de los países andinos. Surge la situación de los llamados lenguajes puente, o lenguas en contacto, nacidas en resultado de comunicación y mezcla de dos o varias lenguas que conviven en un territorio durante mucho tiempo [4].

Los lingüistas suelen otorgarles a estos dialectos el estatus de *subestándar*, llamarlos *interlengua*, *interlecto*, pero también persisten denominaciones un tanto denigrantes, como *media lengua* (que subraya sus desperfectos), *castellano motoso* (de *motosidad* - influencia del sistema trivocálico del *quichua* que afecta el vocalismo español), *mestizado* o *kuiko* y otras tantas [15], [17]. El hecho de que lo más original y atractivo del desarrollo cultural y sociolingüísticos haya brotado como resultado de mezcla, transculturación, hibridez de las lenguas y culturas, lleva a que las políticas lingüísticas de países sean cada vez más tolerantes con lo local. Surgen proyectos sociolingüísticos que valoran no solo el idioma estándar, sino también programas alternativos. En el caso de Perú – el español *peruanizado*, lengua *mestiza* o *kuika*, el español *andino* o *serrano*, actualmente, gozan del apoyo de políticas lingüísticas del Estado, que son estructuradas a tenor del peso específico y sociopolítico de determinados grupos de la población que los hablan. Así, pues, a la par con las tendencias de legitimar los idiomas *originarios* como cooficiales, se piensa en otorgar dignidad e incluso cierta legitimidad a las lenguas puente. Se da cuenta que, habiendo adquirido la nueva cultura, lengua y conocimiento, los pueblos andinos siguen conservando su mundivisión que no deja de reflejarse en su *español motoso*. Son las raíces folclóricas que dejan ver claramente la diferencia de la mundivisión originaria y la superpuesta, es decir europea. El resultado es una simbiosis o síntesis que se convierte en la base de diferencias variacionales. El estudio de textos (literarios y otros) permite apreciar el comportamiento comunicativo de un grupo étnico y su mentalidad y destacar los principales modelos de su conducta verbal [7].

El español andino, como variedad *subestándar* ha existido, principalmente, en su forma oral. Y aunque la transcripción del discurso oral no puede transmitir plenamente las propiedades «homeostáticas» de la oralidad (tales como gestos, expresión facial, tono de voz), sus características fundamentales siempre están patentes en los textos que tratan de fijarlas. Se destacan, ante todo, los principales rasgos:

- redundancia, que sirve para refrescar continuamente el relato oral, y, al mismo tiempo ralentiza el ritmo del discurso, lo que figura constantemente como característica del español serrano, incluso en su forma hablada;
- relato muy pormenorizado, para dar cuenta muy precisa de como se realizaron los hechos, un rasgo que acusa la influencia del runasimi, en el que necesariamente aparecen explícitos tales aspectos de las acciones, de los que ni se sospecha expresándose en español;
- situar el relato en el mundo vivencial del hombre andino, que casi siempre supone lucha, contienda, violencia física (sea de manera lúdica, sea descarnada), matices agonísticos [10, c. 193].

Para ilustrar las diferencias mundivisionales, que están en la base de muchos de los rasgos distintivos a nivel subvariacional, nada sirve mejor que los materiales folclóricos, reveladores de particularidades tanto puramente idiomáticas, como socio- y psicolingüísticas de ciertos colectivos de la población. Es muy importante recordar que los culturólogos coinciden en que los temas, argumentos y personajes de los mitos, porque los cuentos populares tienen mucho en común en la mayoría de los pueblos del mundo, pero la jerarquía de los conceptos fundamentales, su tratamiento axiológico, sus nexos asociativos y las moralejas resultan totalmente diferentes, ya que reflejan los rasgos culturales y mundivisionales [1, c. 46 -76].

Como ejemplo, podrían servir algunos relatos de origen folclórico quechua recogidos en varias zonas rurales de Perú y publicados en versión bilingüe (quechua- español peruanizado) en 2011 [16]. Una serie de éstos proviene del distrito de Arma y la otra, de Chupamarca, ambos situados en la provincia de Castrovirreyna, al sudeste de Lima. Según el prefacio, «en estas zonas de naturaleza bilingüe se materializa la cosmovisión andina a través de un bagaje oral que transmite el saber ancestral. La tradición oral, que pervive en diversas comunidades rurales, está plagada de simbolismos que resignifican el pasado y lo vitalizan en el presente. En estas comunidades se evidencia un creciente bilingüismo en desmedro de la lengua

nativa, porque las poblaciones más jóvenes se muestran renuentes a aprenderla»¹. Por tanto, estos relatos sirven como medios naturales para que los niños «se alfabeticen dentro de su cosmovisión»². Sirven como fuente para recrear el mundo andino, ya que ofrecen matices sugerentes que en muchos casos son intraducibles al español, pero que adquieren real funcionalidad al utilizarse en interacciones verbales reales.

Los relatos provenientes del distrito de Arma muestran una pasmante diferencia de los de Chupamarca. Pese a las semejanzas argumentales y las coincidencias en el desarrollo del sujeto, el desenlace y la moraleja que se desprende del relato que viene de Arma están a años luz de los que se sacan del texto de Chupamarca. Veamos lo que coincide: el inicio: perturbación del orden establecido y feliz: rapto de la novia, saqueo de una casa por unos ladrones, etc.), los personajes arquetípicos (un tonto inútil que obtiene fortuna y felicidad; una contienda entre animales que encarnan ciertas cualidades humanas, unos padres bondadosos que tienen una hija hermosa, una madre viuda que se desvive por mantener a un hijo bobo y haragán, un campesino trabajador que sufre daño a manos de una fuerza misteriosa, un pobre que suelta un pez al agua y recibe a cambio un anillo que cumple todos sus deseos). Los protagonistas animales varían de especie según sus zonas geográficas, pero coinciden en el papel que les corresponde en la trama. La diferencia más importante está en el final y las deducciones morales, pero también se observa con claridad en su dialecto del español peruanizado. Es decir, en la mundivisión en que «se alfabetizan» los jóvenes de uno u otro sitio de Perú.

El relato proveniente de Arma «El zorro y la vizcacha» tiene un final feliz para la tramposa y pícara vizcacha, la cual, después de engañar a diestra y siniestra, lleva a la muerte al zorro inocente que le acudió en ayuda. La moraleja es obvia: no te fíes del que te miente más de una vez. El mal resulta castigado, el bien, premiado. Y no hace falta descifrar implicaturas, todo ha resultado perfectamente «traducible» al español, que aparece correcto, muy rico en su léxico, flexible en sus construcciones sintácticas, que, comprensiblemente, reflejan la oralidad inicial del relato quechua, sin perjuicio de las leyes discursivas textuales.

Los relatos de Chupamarca, situada en la misma unidad administrativa que Arma, presentan una diferencia clarísima: junto con los personajes ya mencionados, aparecen protagonistas mucho más nefastos, tales como unos hermanos cometiendo incesto, curas amancebados con indias, concubinas y maridos infieles, hechiceros, etc. El carácter agonístico de la acción viene acrecentado por una serie de fenómenos místicos, provenientes de la tradición andina, tales como «la luna llena», cuando los muertos condenados salen a vagar por la tierra. El agorero animal, el gato romano *rumanu misi* – de color gris y rayas negras, es considerado demoniaco, de mala suerte, que hace pelear a las parejas y propicia desgracias (en clara alusión a la iglesia católica romana). También figuran culturemas vinculados al pasado precolombino, por ejemplo, los hombres de la región de Huamanga desde antiguo tenían fama de valerosos, se les confiaba llevar la litera del Inca, y en los cuentos figuran como salvadores. Los motivos que determinan las acciones de los personajes no aparecen claros, como en los cuentos de Arma, pues las creencias y supersticiones se convierten en resortes que mueven a los protagonistas, entre los que hay muy pocos justos, y la mayoría, pecadores. El cuento «Del condenado» (*Kundinadumanta*) carece de personajes buenos, hasta el punto de que la Virgen María es incapaz de sacarlos de apuros por su propia intercesión. Lo hace por medio de objetos mágicos que simbolizan conceptos sagrados precristianos y, como no, con ayuda de ciertos huamanguinos, que implícitamente sirven de enlace entre la actualidad y su mundo incaico. Para llevar esas historias al papel, los autores chupamarquinos no siempre encuentran buenas palabras en su *español motoso*, que aparece repetitivo, bastante basto, lleno de injurias, pero nada parco en la descripción de detalles de los sucesos.

Algunos relatos de uno u otro sitio nos ofrecen dos versiones de una misma historia, lo que permite ver mejor las diferencias de dos dialectos de la lengua puente, vecinas territorialmente, que no coinciden ni en su mundivisión, ni en el discurso. El relato del distrito de Arma se titula «El cóndor y la pastora» y el de Chupamarca «Del zorro y la joven». En ambos textos una bella muchacha sale a buscar frutilla

¹ Gálvez Astorayme I. Relatos quechuas de Arma, Aurahuá y Chupamarca. Lima: Fondo Editorial, Universidad Nacional Mayor de San Marcos, 2011. P.15-19

² *Ibidem*.

llamada *antayluma* y queda secuestrada: en el texto de Arma, por el cóndor, y en el texto de Chupamarca, por el zorro. Ambos raptos aparecen disfrazados de hermosos jóvenes prometiendo llevarla a un lugar de mucha *antayluma*. La chica del primer texto resulta presa en el nido del cóndor, obligada a bajar al río atada de una sogá, para lavarle la ropa al pájaro. En el segundo texto la muchacha queda prisionera en una cueva, dando a luz a dos zorritos y un niño. A la primera muchacha le llega la salvación en forma de una ranita que libera a la chica desatando la sogá, lo que le permite huir a su casa. En el segundo texto es un cóndor que le acude en ayuda a la presa del zorro y la lleva donde su mamá, al prometerle la muchacha que le pagaría el servicio entregándole a un hijo suyo. El desenlace del texto de Arma: el cóndor en apariencia humana llega a casa de la muchacha para pedirla a sus padres en matrimonio. El cóndor miente, pues su verdadera intención es apoderarse de la muchacha para comérsela. Pero los padres logran calar sus planes y lo matan, también a traición, alegrándose al final toda la familia. En el texto de Chupamarca: el zorro raptor se entera de lo que el cóndor ha hecho y decide vengarse, matándolo. No calcula bien sus fuerzas, cae, se rompe una quijada y, en consecuencia, muere de hambre. El cóndor se lleva al hijo varón de la muchacha y se aleja vencedor. Lo de la pobre madre queda en suspenso, la triste suerte de la mujer no ha de interesarle al lector.

Una breve comparación de estos dos textos nos permite destacar que en los relatos de Arma la exposición es muy clara, explicando con todo lujo de detalles los motivos y circunstancias. Los recursos idiomáticos de su español peruanizado, fieles al discurso originariamente quechua, intentan expresar lo que queda en el tintero de un narrador europeo: los finos aspectos de la acción que el verbo en *runasimi* no omite nunca (que el narrador no ha sido testigo presencial de los hechos narrados, abuso de gerundios, como si los hechos estuviesen sucediendo en el momento en que los relatos se verbalizan, orden invertido de palabras, redundancia en posesivos, etc.).

Los relatos de la serie de Chupamarca presentan una lógica fragmentada, y apenas siguen una línea común, a veces un fragmento contradice a otro. Esta impresión se debe a que los principales actores no son sus personajes visibles, sino fuerzas misteriosas, casi todas lúgubres y contrarias al hombre, que de por sí es un ser corrupto y malintencionado, su mala suerte se la merece. No actúan según la lógica, sino por intuición, siendo juguetes de las voluntades externas. Estos relatos, mucho más cortos que los del primer grupo y menos explícitos, nos hacen recordar la nota de Isabel Gálvez, la editora, que estos textos permanecen dentro de su cosmovisión y sirven como fuente para recrear ese mundo [16]. Resultan casi «intraducibles» porque para exponer su contenido plenamente hace falta explicar las pautas de otra mentalidad, toda esa parte invisible del iceberg. Los recursos idiomáticos de esta versión de *interlengua* parecen muy pobres: el dialecto de Chupamarca nos ofrece un lenguaje repetitivo, plagado de voces usadas de modo incorrecto, onomatopeyas, llamadas a dar cuenta no solo de sonidos emitidos por los animales y los elementos del paisaje, sino también de las emociones humanas, cuya descripción verbal parece estar fuera del alcance de los narradores. En el texto hay muchas maldiciones y palabras feas (que en la versión quechua aparecen como préstamos del español).

Los editores de estos relatos subrayan que estas y otras muchas diferencias entre el lenguaje de los textos de Arma y de Chupamarca no se deben al nivel del dominio de la lengua española por los narradores, sino acusan las variedades mundivisionales de los portadores de los respectivos dialectos de *interlengua*.

4. Conclusiones

La situación sociolingüística en diversas regiones andinas debería describirse con índices variables, ya que el peso específico del uso formal y real de una u otra lengua cambia bajo influencia de múltiples factores, pasando de la situación de diglosia al bi- (multi-)lingüismo y al revés. Este proceso es reversible, pero no siempre se pone en marcha y a veces se estanca. Actualmente el avance del idioma vernáculo gana en prestigio y desarrolla sus mecanismos internos hasta el grado de garantizar el cumplimiento de todas las funciones que requiere su uso como idioma cooficial.

Al analizar las variedades andinas del español a través de los relatos quechuas desde el enfoque psicolinguocultural se sacan las siguientes conclusiones importantes:

- Entre la lengua y la etnicidad existe una interdependencia estrecha y directa. Por muy unido que parezca el idioma usado paralelamente por grupos étnicos diferentes, éste nunca será igual, porque el sistema funciona indivisible del componente psico- y linguocultural de la población que lo use, aunque conviva en el mismo territorio.
- Un grupo étnico, en situación monolingüe (o bilingüe artificial, adquirida) no suele tener más de una identidad lingüística, la que transmite por medio de la lengua materna y tradiciones arraigadas a lo largo de la infancia y adolescencia. Pero queda evidente que con el correr de los tiempos se puede distinguir varias connotaciones que se deben a los contactos con otros idiomas y culturas, por eso se puede afirmar que es mixta, como resultado de una fusión de elementos que provienen de distintas linguoculturas.
- Los recursos idiomáticos de un idioma, por muy desarrollado que sea, a veces resultan insuficientes para transmitir el contenido de un texto folclórico o literario creado por los nativos de otro, siendo muy distinta su mentalidad.
- En situaciones de diglosia, una persona que se desempeña como dos (o más) sujetos parlantes, usando uno u otro idioma según las circunstancias, reúne en sí dos (o más) personalidades lingüísticas, con todas las consecuencias emanantes de este hecho.

© Гринина Е.А., Романова С.Г., 2021

Referencias

1. Бубнова И.А. (Нео)психоллингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем / И.А. Бубнова, И.В. Зыкова, В.В. Красных, Н.В. Уфимцева. М.: Гнозис, 2017. 392 с.
2. Гак В. Г. К типологии форм языковой политики // Вопросы Языкознания. М. 1989. № 5. С. 104–133.
3. Гринина Е. А. «Посев ветер, пожнешь бурю». Языковая политика и судьбы испанского языка (Каталония, Перу, Филиппины) / Е. А. Гринина, Г.С. Романова // Международные процессы. 2019. Т. 17. № 3(58). С. 66–79.
4. Гринина Е. А. Размышления о некоторых процессах в современном перуанском национальном варианте испанского языка / Е. А. Гринина, Г. С. Романова // Язык и действительность. Научные чтения на кафедре романских языков им. В.Г. Гака: Сборник статей по итогам V международной конференции, Москва, 25–27 марта 2020 года. М.: Издательство «Спутник+», 2020. С.116–121.
5. Иовенко В.А. Национально-культурное мировидение в переводческом измерении. / В.А. Иовенко. М.: МГИМО, 2013. 218 с.
6. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. / Ю.Н. Караулов. М.: Наука, 1987. 264 с.
7. Марковина И. Ю. Культура и текст. Введение в лакунологию. / И.Ю. Марковина, Ю.А. Сорокин. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2008. 144 с.
8. Марусенко М.А. Языки и национальная идентичность: современные вызовы национальному единству и территориальной целостности. / М.А. Марусенко. М.: Издательство НПК, 2015. 575 с.
9. Раевская М.М. Испанский язык в современном мире. Испанский язык в междисциплинарной парадигме XXI века: социоллингвистическое, политическое, экономическое, юридическое, дидактическое, библиографическое измерения. М.: Ленанд, 2021. 304 с.
10. Романова Г.С. Мировидение андских регионов Перу и его отражение в фольклоре / Г. С. Романова, Е. А. Гринина // Риторика. Лингвистика. 2019. №14. С. 185 -198.
11. Степанов Г. В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. / Г. В. Степанов. М.: Наука, 1976. 224 с.
12. Фирсова Н.М. Избранные труды. Т. 2: Современный испанский язык в Испании и странах Латинской Америки. М.: Изд-во РУДН, 2009.
13. Arboleda Toro R. El español andino. // Forma y Función. № 13, 2000, p. 85–100. URL: <https://repositorio.unal.edu.co/bitstream/handle/unal/30856/17184-54374-1-PB.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 15.09.2021)
14. Escobar A. Variaciones sociolingüísticas del castellano en el Perú. Lima: Instituto de Estudios Peruanos, 1978. 175 p.
15. Espezúa Salmón D. Las consciencias lingüísticas en la literatura peruana. / D. Espezúa Salmón. Lima: Lluvia Editores, 2017. 483 p.
16. Gálvez Astorayme I. Relatos quechuas de Arma, Aurahuá y Chupamarca. / I. Gálvez Astorayme. Lima: Fondo Editorial, Universidad Nacional Mayor de San Marcos, 2011. 124 p.
17. Merma Molina G. Lenguas en contacto: peculiaridades del español andino peruano. Tres casos de interferencia morfosintáctica. // [Электронный ресурс] – URL: <https://revistaelua.ua.es/article/view/2004-n18-lenguas-en-contacto-peculiaridades-del-espanol-andino-peruano-tres-casos-de-interferencia-morfosintactica> (дата обращения: 06.06.2021).

References

1. Bubnova, I. A. *(Neo)psikholingvistika i (psikho)lingvokul'turologiia: novye nauki o cheloveke govoryashchem*. [(Neo) psycholinguistics and (psycho)linguoculturology: new sciences about the person speaking] / I. A. Bubnova, I. V. Zykova, V.V. Krasnykh, N.V. Ufimtseva. M.: Gnosis, 2017. 392 s.
2. Gak, V. G. K tipologii form iazykovoi politiki [On the typology of forms of language policy] // *Voprosy Iazykoznanii*. M. 1989. № 5. S. 104–133.
3. Grinina, E. A. «Poseiav veter, pozhnosh' buriu». Iazykovaia politika i sud'by ispanskogo iazyka (Kataloniia, Peru, Filippiny) [«You reap what you sow». Language policies and linguistic situation in former and current Spanish territories (Catalonia, Peru, Philippines)] / E. A. Grinina, G. S. Romanova // *Mezhdunarodnye protsessy* [International Trends]. 2019. T. 17. № 3(58). S. 66–79.
4. Grinina, E. A. Romanova G. S. Razmyshleniia o nekotorykh protsessakh v sovremennom peruanskom natsional'nom variante ispanskogo iazyka [Reflections on some processes in the modern Peruvian national version of the Spanish language] / E. A. Grinina, G. S. Romanova // *Iazyk i deystvitel'nost'*. Nauchnye chteniia na kafedre romanskikh iazykov im. V.G. Gaka: *Sbornik statey po itogam V mezhdunarodnoi konferentsii*, Moskva, 25–27 marta 2020 goda. M.: Izdatel'stvo «Sputnik+», 2020. S.116–121.
5. Iovenko, V.A. *Natsional'no-kul'turnoe mirovidenie v perevodcheskom izmerenii* [National and cultural worldview in the translation dimension] / V.A. Iovenko. M.: MGIMO, 2013. 218 s.
6. Karaulov, Iu.N. *Russkii iazyk i iazykovaia lichnost'* [Russian language and linguistic personality]. / Iu. N. Karaulov. M.: Nauka, 1987. 264 s.
7. Markovina, I.Iu., Sorokin. Iu.A. *Kul'tura i tekst. Vvedenie v lakunologiiu*. [Culture and text. Introduction to lacunology]. / I.Iu. Markovina, Iu.A. Sorokin. M.: GEOTAR-Media, 2008. 144 s.
8. Marusenko, M.A. *Iazyki i natsional'naia identichnost': sovremennye vyzovy natsional'nomu edinstvu i territorial'noi tselostnosti* [Languages and National Identity: Contemporary Challenges to National Unity and Territorial Integrity]. / M.A. Marusenko. M.: Izdatel'stvo NPK, 2015. 575 s.
9. Rayevskaya, M.M. Ispanskii iazyk v sovremennoy mire. Ispanskii iazyk v mezhdistsiplinarnoy paradigme XXI veka: sotsiolingvisticheskoe, politicheskoe, ekonomicheskoe, iuridicheskoe, didakticheskoe, bibliograficheskoe izmereniia. [Spanish in the modern world. The Spanish language in the interdisciplinary paradigm of the XXI century: sociolinguistic, political, economic, legal, didactic, bibliographic dimensions]. M.: Lenand, 2021. 304 p.
10. Romanova, G.S. Mirovidenie andskikh regionov Peru i ego otrazhenie v fol'klоре [Worldview of the Andean regions of Peru and its reflection in folklore] / G. S. Romanova, E. A. Grinina // *Ritorika. Lingvistika*. 2019. № 14. S. 185–198.
11. Stepanov, G. V. *Tipologiya iazykovykh sostoyanii i situatsii v stranakh romanskoi rechi* [Typology of linguistic states and situations in the countries of romance speech]. / G.V. Stepanov. M.: Nauka, 1976. 224 s.
12. Firsova, N.M. *Izbrannye trudy. T. 2: Sovremennyyi ispanskii iazyk v Ispanii i stranakh Latinskoï Ameriki*. [Selected works. Vol. 2: Modern Spanish in Spain and Latin America]. M.: Izdatel'stvo RUDN, 2009.
13. Arboleda Toro R. El español andino. // *Forma y Función*. № 13, 2000, p. 85–100, repositorio.unal.edu.co/bitstream/handle/unal/30856/17184-54374-1-PB.pdf?sequence=1&isAllowed=y (Accessed: 15.09.2021)
14. Escobar, A. *Variaciones sociolingüísticas del castellano en el Perú*. Lima: Instituto de Estudios Peruanos, 1978. 175 p.
15. Espezúa Salmón D. *Las consciencias lingüísticas en la literatura peruana* [Linguistic Consciousness in Peruvian Literature]. / D. Espezúa Salmón. Lima: Lluvia Editores, 2017. 483 s.
16. Gálvez Astorayme I. *Relatos quechuas de Arma, Aurahuá y Chupamarca* [Quechua stories of Arma, Aurahuá and Chupamarca]. / I. Gálvez Astorayme. Lima: Fondo Editorial, Universidad Nacional Mayor de San Marcos, 2011. 124 s.
17. Merma Molina G. *Lenguas en contacto: peculiaridades del español andino peruano. Tres casos de interferencia morfosintáctica*. [Languages in contact: peculiarities of Peruvian Andean Spanish. Three cases of morphosyntactic interference], *revistaelua.ua.es/article/view/2004-n18-lenguas-en-contacto-peculiaridades-del-espanol-andino-peruano-tres-casos-de-interferencia-morfosintactica* (Accessed: 06.06.2021).

Información sobre las autoras:

Grínina Elena Anatólievna – doctora en filología románica, profesora titular del Dpto. del Español de la MGIMO (Rusia, Moscú). Áreas de investigación: sociolingüística, historia de lenguas románicas, estudios linguoculturales, filología catalana. Correo electrónico: eagrinnina@yandex.ru

Románova Galina Seménovna – doctora en filología románica, profesora titular del Dpto. del Español de la MGIMO (Rusia, Moscú). Áreas de investigación: lexicología, estudios linguoculturales, sociolingüística, filología occitana. Correo electrónico: gromanova.home@gmail.com

About the authors:

Elena A. Grinina – PhD, Assistant Professor of Department of the Spanish Language, MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: sociolinguistics, history of Romance languages, linguoculturology, Catalan studies. E-mail: eagrinnina@yandex.ru

Galina S. Romanova – PhD, Assistant Professor of Department of the Spanish Language, MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: lexicology, linguoculturology, sociolinguistics, Occitan studies. E-mail: gromanova.home@gmail.com

* * *

CONCEPTS *PEOPLE* AND *POWER* IN RUSSIAN AND SPANISH ELECTORAL DISCOURSE

I. Smirnova

Moscow State Institute of International Relations (University)
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. *Political communication becomes particularly intense in the pre-election period. Democracy receives criticism aimed to protect the interests of citizens. It is political parties that are responsible for a constructive discussion of their positions and motivating citizens to participate in the election campaign. The electoral language is usually an emotional, connotative language, which resonates with citizens. Political electoral discourse is characterized by certain basic concepts, such as “politics”, “election”, “electoral programs”, “electorate”, “people”, “power” and others. “People” and “power” are the key ones, since they reflect the features of political process and are inextricably linked to each other during all electoral period. This article focuses on the study of the people / power opposition in the Russian and Spanish electoral discourse and identifies conceptual structures and signs of these concepts.*

Key Words: *people, power, electoral language, political discourse, political party, citizenry, expressional verbal resources, discursive strategy*

For citation: Smirnova I.V. (2021). Concepts *People* and *Power* in Russian and Spanish Electoral Discourse. *Philology at MGIMO*, 7(3), pp. 115–120. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-3-27-115-120>

CONCEPTOS *PUEBLO* Y *PODER* EN EL DISCURSO ELECTORAL RUSO Y ESPAÑOL

I. Smirnova

Universidad de Relaciones Internacionales de Moscú.
76, avda Vernadskogo, Moscú, Rusia, 119454

Resumen: *El artículo está dedicado al estudio de la oposición pueblo / poder en el discurso electoral ruso y español. La comunicación política adquiere un carácter especial en el período electoral. La democracia liberal presupone la existencia de una pluralidad de voces críticas que debatan sobre el mejor interés para la ciudadanía. Son los partidos políticos los responsables de incentivar la discusión racional en su modelo de comunicación y, con ello, de motivar en el ciudadano el interés por la participación en una campaña electoral.*

El lenguaje electoral suele coincidir con el empleo de un lenguaje emotivo, cargado de connotaciones que suelen apelar directamente a los miedos o anhelos de los votantes. Para este tipo de discurso son característicos tales conceptos básicos como “política”, “elecciones”, “programas electorales”, “electorado”, “poder”, etc. “Pueblo” y “poder” son los conceptos clave porque durante todo el período electoral reflejan las particularidades de este proceso político y están estrechamente relacionados. Precisamente en el discurso electoral se revelan con toda plenitud las estructuras y argumentos conceptuales de estos vocablos.

Palabras clave: *pueblo, poder, lenguaje electoral, discurso político, partido político, ciudadanos, recursos expresivos verbales, estrategia discursiva.*

Para citación: Smirnova I. (2021). Conceptos Pueblo y Poder en el Discurso Electoral Ruso y Español. *Filologia en MGIMO*. 7(3), C. 115–120. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-3-27-115-120>

La política engloba diversos factores y elementos que la hacen una de las áreas de estudio más importantes para la sociedad, y puede decirse que el discurso político ha determinado el destino de la humanidad en momentos que hoy se consideran históricos.

El discurso político es una estrategia comunicacional que se sustenta en la creación de un mensaje a través de la conjunción de recursos expresivos verbales, no verbales y paraverbales para persuadir al individuo y a las masas. Es una herramienta esencial para los actores políticos ya que se emplea por éstos para expresar su manera de ver determinados problemas, vincular a los votantes con sus ideales, generar cuestionamientos sobre el ejercicio del poder o crear esperanza en aquellos que reciben el mensaje.

En todas las campañas electorales aparecen diferentes tipos de discursos que tienen como un denominador común persuadir al ciudadano de que sus propuestas son las mejores. Se trata de la propaganda política electoral realizada por los partidos o las fuerzas políticas. La finalidad es conseguir adhesiones a las ideas de diferentes formaciones que se reflejen en un aumento del número de votos.

Los textos, sean orales o escritos, se agrupan en diferentes géneros o tipos de acuerdo a la finalidad y a las características lingüísticas, pragmáticas y retóricas que poseen. Una de esas formas textuales que tiene como finalidad principal la persuasión es la que desarrolla la comunicación política por medio de debates, discursos políticos, programas electorales, eslóganes, etc. [1].

Sin minimizar la importancia que el hecho político tiene de por sí en unas elecciones, hay que reconocer que el lenguaje electoral ocupa en ellas un lugar destacado, tanto más porque son las palabras las que hacen posible la discusión entre candidatos y, puesto que toda batalla política va emparejada a una batalla lingüística, convengamos en que en cualquier período electoral el enfrentamiento lingüístico es intenso.

La comunicación política comprende la actividad de determinadas personas e instituciones en la que se produce un intercambio de información, ideas y actitudes en torno a los asuntos públicos, el discurso político trata de orientar la opinión de los ciudadanos sobre diversas cuestiones públicas y políticas, ofreciendo directrices para la actuación de una persona o entidad en un ámbito determinado [4]. O sea, el discurso político / electoral es la comunicación entre los políticos y el resto de la sociedad. Esta comunicación ayuda a entender la política, la organización democrática, las relaciones entre el pueblo y el poder, etc.

El poder de las palabras se hace sentir; se discute en torno a una palabra, un sintagma, un eslogan; se polemiza acerca de una “simple frase”, lanzada por un partido y refutada, criticada o reformulada por otros... Se da confianza con determinados términos, mientras que con otros se busca producir el efecto contrario. El vocabulario juega, en fin, un papel preponderante dado que es utilizado con vehemencia, elaborando un discurso que se pretende reflejo o reproducción de temas que interesan y preocupan al hombre de la calle, si bien, y ésta es una de las especificidades propias del tiempo electoral que cabe señalar aquí, ese vocabulario es efímero puesto que pierde vigencia después de efectuadas las votaciones [5].

La situación electoral es, pues, un contexto lingüístico al que nosotros nos acercamos con el propósito de apreciar el funcionamiento de un discurso que, por darse dentro de una estrategia discursiva tan marcada, remite a un modelo de procesos semánticos, retóricos e ideológicos fuertemente condicionados.

Debido a que son documentos cuya misión principal es la de exponer los principios y propósitos que mueven al candidato-organización a presentarse a las elecciones, todos los grupos, sin excepción, emiten programas y manifiestos dirigidos a todos los ciudadanos (otros textos electorales van destinados a parcelas concretas de la población: circulares personales, declaraciones profesionales, etc.), constituyendo de esta manera una muestra homogénea, un género literario particular a la vez solemne y lacónico.

Para provocar, orientar y reforzar determinadas interpretaciones lingüísticas los políticos se sirven de múltiples elementos, utilizados de forma que no coincidan con su uso sistémico. El emisor del mensaje realiza toda una serie de estrategias pragmáticas con el fin de conseguir lo que se propone.

En dichas circunstancias, en el discurso electoral es necesaria una interpretación pragmática a todos los niveles lingüísticos, tanto léxico, como estilístico y gramatical, debido a que en el lenguaje utilizado por los políticos nada es casual. Especialmente si tomamos en consideración el hecho de que rara vez sus intervenciones sean espontáneas. Más bien suelen seguir un guión elaborado de antemano por un grupo de especialistas en relaciones públicas.

A nivel lexico-semántico, los políticos optan por el uso de palabras clave, como las voces *cambio*, *recuperación*, *democracia*, *pueblo*, *poder*, etc. En función de las necesidades, pueden causar el efecto positivo en los destinatarios del mensaje, principalmente cuando los políticos hablan de sí mismos o del partido al que representan; o provocar una reacción negativa, habitualmente en relación con sus adversarios políticos. En este contexto los conceptos *pueblo* y *poder* adquieren su mayor validez e importancia.

La palabra *pueblo* proviene del término latino *populus* y permite hacer referencia a tres conceptos distintos: a los habitantes de una cierta región, a la entidad de población de menor tamaño que una ciudad y a la clase baja de una sociedad.

Según la primera definición, el pueblo es el conjunto de los habitantes de una región, nación o país. Estas personas constituyen una comunidad gracias a que comparten una cultura similar.

En cuanto a su segunda acepción, el pueblo es una entidad poblacional que se dedica principalmente a las tareas agrícolas y que vive en zonas rurales.

El tercer significado hace referencia al pueblo llano, una clase social también conocida como la plebe, las masas o el pueblo trabajador. Esta significación social del pueblo se utiliza desde la época romana [2, p. 291].

De acuerdo al momento histórico el término *pueblo* se usó de diferentes modos; sin embargo algo que es común desde siempre es que se llama así a un conjunto de personas que se mueven con un mismo objetivo de vida o que comparten los límites de un territorio. De este modo, en la actualidad se denomina *pueblo* al conjunto de personas que integran un Estado, donde no existen privilegios. El *pueblo* está formado por todos los individuos que a los ojos de la ley están en igualdad de condiciones.

Continuando con lo antes dicho, ser parte del pueblo en un Estado, es un hecho de suma responsabilidad, un derecho que exige a cambio una toma de consciencia absoluta para realizar bien esta función. Y como no todas las personas que forman parte de los individuos con derecho a voto lo ejercen con responsabilidad, es que se ha puesto en vigencia otro concepto, para definir a este sector, *la masa*.

Entre *pueblo* y *masa* existe una gran diferencia. Se dice que el verdadero *pueblo* está compuesto por ciudadanos que son realmente conscientes de su responsabilidad, de sus deberes y de sus derechos. Consideran que su libertad se limita donde comienzan la libertad y dignidad de los demás y que la desigualdad no debe ser arbitraria, sino la consecuencia de la heterogeneidad humana, pues nuestras capacidades y voluntades son todas diferentes.

Por su parte la *masa* se encuentra formada por aquellos individuos que no tienen ideales ni sienten responsabilidad alguna con su entorno. Un *hombre-masa* se le llama a aquel que no se distingue del resto, a quien no le interesa labrarse un porvenir sino tomar aquello que ya le viene empaquetado. No tiene aspiraciones intelectuales ni espirituales y lo único que espera de la vida es que lo guíen, que le den el “producto terminado”. Este sector de la sociedad es enemigo declarado de la democracia y de todo tipo de gobierno donde el pueblo se represente a sí mismo, fundamentalmente porque las masas niegan

la libertad y destruyen la igualdad; espera que todos se conviertan en espejos de los otros, que sientan amor y odio como “debe hacerse” y sobre todo que nunca expresen sentimientos o ideas contrarias a las “normales”. La norma es lo que rige a las masas y es la principal enemiga del pueblo, donde todos somos diferentes y podemos aportar algo para engrandecer nuestras sociedades, porque solo en la diversidad existe la posibilidad del éxito y del crecimiento espiritual o intelectual.

En el discurso electoral el concepto *pueblo* posee las siguientes interpretaciones:

- fuerza política que apoya al gobierno;
- fuerza política que se opone al poder;
- multitud, masa;
- población, sociedad civil.

Durante las elecciones las fuerzas políticas consideran el pueblo como electorado y tratan de atraerlo a sus filas y hacerlo votar a su favor, por eso el concepto *pueblo* se emplea como categoría positiva y se refiere a:

- conjunto de personas que integran al Estado o habitantes de una cierta región;
- sociedad civil;
- nación, nacionalidad, minoría étnica;
- pueblo trabajador;
- país.

Entre los denominadores que se emplean en el contexto con el concepto *pueblo* en el discurso electoral ruso figuran: *gente, Rusia, Patria, tradiciones, generaciones, unión fraternal, defensa, idioma ruso, ciudadanos, habitantes, colaboración, hazañas, esencia del Estado, sentido de orgullo, valentía, unidad, historia, patrimonio nacional*, etc. [3, p. 20].

En el discurso electoral español el concepto *pueblo* se emplea como: *España, Patria, ciudadanos, cultura nacional, libertad, orgullo*, etc. [8], [9].

Junto con la característica del *pueblo* como sociedad civil se emplean tales denominadores como *modernización, energía creativa, realización, instituciones públicas, ciudadanos, movimiento público, relación con el presidente* y otros (discurso electoral ruso), *innovación, progreso, ciudadanos, futuro*, etc. (discurso electoral español).

Se puede decir, que en general el discurso político y electoral de Rusia y de España está orientado a los valores nacionales comunes: patriotismo, igualdad de derechos, unidad, conservación de las tradiciones culturales. *El pueblo* se comprende como una totalidad orgánica, como una indivisible voluntad general.

Durante las campañas electorales el concepto *pueblo* a menudo se utiliza como instrumento de manipulación política.

Así, la oposición liberal irreconciliable de Rusia, cuyo líder es *Alexey Navalny*, emplea el concepto *pueblo* en las siguientes acepciones:

- multitud, muchedumbre, masa;
- víctima;
- ciudadanos de a pie, pueblo llano;
- habitantes del país;
- pueblo trabajador;
- sociedad civil.

Como vemos, en la retórica de los liberales rusos el concepto *pueblo* junto con el significado neutral tiene también el significado negativo.

El término *poder* tiene múltiples definiciones y usos. En su acepción básica el concepto de *poder* aparece en la doctrina política ligado siempre a la capacidad de unas personas de imponer determinadas conductas a otras personas, aún contra la voluntad de estas. Esta palabra se utiliza para describir la facultad, habilidad, capacidad o autorización para llevar a cabo una determinada acción. De todas formas, el uso más habitual del término se refiere al control, imperio, dominio, y jurisdicción de que un hombre dispone para concretar algo o imponer un mandato. Así, el poder se relaciona con el gobierno de un país [2, p.141].

En el discurso político en general y el discurso electoral en particular el concepto *poder* interpreta un papel muy importante. La mentalidad rusa lo identifica con *dirección, fuerza, control, Estado, autoridad, ley, competencias, derecho* [3].

El concepto poder se realiza por el emisor del mensaje mediante las “palabras clave” o “símbolos” que a su vez provocan las asociaciones concretas. Estos símbolos representan las expresiones que reflejan la idea política y se emplean en el discurso electoral con el objetivo de influir en el auditorio y formar la opinión pública política. Por ejemplo: dominio político, dirección estatal, personas que poseen competencias gubernamentales y administrativas, el curso político del país, el diálogo entre el poder y el pueblo [3].

El partido comunista de la Federación Rusa (cuyo líder es Gennady Zúganov) valora negativamente al Gobierno del país y se expresa al respecto en la estilística del conflicto. Se identifica con la URSS, considerando a sí mismo como la única fuerza política con gran experiencia que en realidad sabe cómo gobernar el Estado. Sin embargo no expone ninguna nueva solución constructiva.

El partido liberal-demócrata de Rusia no se contraponen al poder estatal, criticando solo a algunos representantes del Gobierno.

Para el discurso político español el concepto *poder*, (del latín *potere*), se refiere a *la capacidad, la facultad o habilidad para llevar a cabo determinada acción*. La palabra *poder* se refiere, en su uso más habitual, a *la autoridad de que una o varias personas disponen para llevar el mando de alguna tarea o trabajo, concretar algo que deseen o imponer una orden*. En la política el poder se reconoció siempre como *la potestad rectora y coactiva del Estado*.

En la mentalidad española igual que en la mentalidad rusa poder también se identifica con *Estado, control, fuerza, ley, derecho, garantía del futuro, seguridad, estabilidad, experiencia, profesionalidad, realismo, tolerancia, flexibilidad, humanitarismo, iglesia* [8], [9].

En este contexto vale la pena mencionar el así llamado *quinto poder*. Bajo dicha denominación se engloba la Iglesia y la religión. Una institución o una doctrina que también tiene la capacidad para influir sobremanera sobre el ser humano. Las cuestiones de la religión y el poder son inseparables para tales países como España donde la Iglesia Católica siempre ha interpretado un papel muy importante durante toda su historia.

El líder del partido político español “Podemos” Pablo Iglesias criticando al Gobierno dice: “Las amas de casa administran seguramente mejor que cualquier ministro que hayamos tenido” [6].

Los vocablos *amas de casa* por una parte y *administrar* y *ministro* por otra pertenecen a diferentes esferas de comunicación, pero en el contexto político electoral se emplean juntos y de esa manera refuerzan y subrayan la crítica del poder existente.

Muchos opositores se crean una imagen de un partido popular, se contraponen al Gobierno y tratan de identificarse con el pueblo para hacer creer al destinatario que necesitan el poder solo para defender los intereses del pueblo. Y de esa manera se realiza la táctica persuasiva de cautivar a los electores para que voten a favor de su partido.

Uno de los discursos más importantes debido a su uso y las repercusiones que puede llegar a tener es el discurso político / electoral que no va dirigido a una persona en particular, sino a un grupo de personas, una comunidad, una asociación o a cualquier forma de organización social, que puede ejercer o hacer efectivo algún tipo de poder. El espacio social se percibe como un escenario conflictivo con líneas de tensión permanentes y actores en constante pugna: el pueblo y los “poderosos”. Se trata de categorías complementarias y contrarias al mismo tiempo.

A veces, al hablar del grupo antagónico que se opone al pueblo, se trata más de ideas que de términos concretos: los poderosos, el poder, los políticos, la gente de dinero, etc. Es un grupo definido en negativo, por su no pertenencia al pueblo, por unas prácticas, unos hábitos de comportamiento y consumo, y unos intereses distintos, e incluso opuestos, a los del pueblo [7].

El breve análisis de los conceptos *pueblo* y *poder* nos permite llegar a las siguientes conclusiones:

1. En el discurso político contemporáneo, cuyo objetivo pragmático es el establecimiento y el mantenimiento de las relaciones de la dominancia y la subordinación, el concepto *pueblo* significa “población”, “sociedad civil”, “ciudadanos”, etc. y representa uno de los conceptos básicos junto con tales como *poder*, *política*, *estado* y otros;

2. Todos los representantes de las fuerzas políticas que pretenden llegar al poder articulan sus discursos a partir del concepto pueblo; hablan en nombre del *pueblo*, lo que es uno de los mecanismos persuasivos muy eficientes. En ese combate por el poder que son las elecciones, los partidos-candidatos

construyen un discurso hábilmente dirigido y organizado en vistas a conseguir el fin deseado: el apoyo del ciudadano a la propuesta ideológica que ofrecen. La oposición *pueblo / poder* ordena casi todos los niveles del discurso político en general y del discurso electoral en particular.

3. Los conceptos *pueblo* y *poder* tanto en el discurso electoral ruso como español se emplean juntos como dos componentes de un proceso político y son inseparables durante el período electoral. Ambos conceptos forman parte de un mecanismo que tiene por objetivo persuadir al ciudadano de que las propuestas de un partido o una fuerza política son las más convenientes.

Como vemos, la interpretación y el empleo de los conceptos *pueblo* y *poder* en el discurso electoral ruso y español en general coinciden lo que consideramos absolutamente lógico.

© Смирнова И.В., 2021

Referencias bibliográficas

1. Демьянков В.З. Прагматика коммуникации и когниция // Когнитивные исследования языка. Вып. 29. Когниция и коммуникация в лингвистических исследованиях. Тамбов, 2017. С. 17 – 18.
2. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. 478 с.
3. Рогачева Т.Н. Концепт «народ» в политическом дискурсе web-пространства. // Современный дискурс-анализ. Белгород, 2018. С. 19 – 23.
4. Canel, M.J. Comunicación Política. Técnicas y estrategias para la sociedad de la información. Madrid, 1999. 143 pp.
5. Escandell Vidal, M. Introducción a la pragmática. Barcelona: Ariel, 1996. 256 pp.
6. Iglesias P. Discurso íntegro de Pablo Iglesias en la Puerta del Sol [Электронный ресурс] 04.02.2015. 2015b. URL: <https://www.lamarea.com/2015/02/04/discurso-integro-de-pablo-iglesias-en-la-puerta-del-sol/> (дата обращения 10.07.2019).
7. Mocovic, M. et al. Análisis argumentativo de los debates electorales: la construcción del enemigo. // Revista Latina. Universidad de la Laguna, №76, 2020. P. 189 – 207.
8. Programa electoral 2015 – PSOE. 287 pp.
9. Programa electoral del Partido Popular. 2015. 221 pp.

References

1. Demiankov, V.Z. Pragmatica komunikatsii i kognitsia [Pragmatics of communication and cognitions] // *Kognitivnye issledovaniya iazyka* [Cognitive investigations of language]. Issue 29. *Kognitsia i kommunikatsia v lingvisticheskikh issledovaniakh* [Cognitions and communication in linguistic investigations]. Tambov, 2017. P. 17-18.
2. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopaedical dictionary]. Moscow, 1990. 478 p.
3. Rogacheva, T.N. Contsept "narod" v politicheskoy diskursе web-prostranstva [Concept "people" in the political discourse of web-space]. // *Sovremenniy diskurs-analiz* [Modern discourse-analysis]. Belgorod. P.19-23.
4. Canel, M.J. *Comunicación Política. Técnicas y estrategias para la sociedad de la información*. Madrid, 1999. 143 pp.
5. Escandell Vidal, M. *Introducción a la pragmática*. Barcelona: Ariel, 1996. 256 pp.
6. Iglesias, P. Discurso íntegro de Pablo Iglesias en la Puerta del Sol [Electronic source] 04.02.2015. 2015b, www.lamarea.com/2015/02/04/discurso-integro-de-pablo-iglesias-en-la-puerta-del-sol/ (Accessed 10.07.2019).
7. Mocovic, M. et al. Análisis argumentativo de los debates electorales: la construcción del enemigo. // *Revista Latina* №76, Universidad de la Laguna, 2020. – P. 189 – 207.
8. Programa electoral 2015 – PSOE. 287 pp.
9. Programa electoral del Partido Popular. 2015. 221 pp.

Сведения об авторе:

Смирнова Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры испанского языка, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. Сферы научных интересов: лексикология, семантика, лингвопрагматика. E-mail: irina-smirnova1402@yandex.ru

About the author:

Irina V. Smirnova – PhD (Philology), Associate Professor, Spanish Language Department of Moscow State Institute of International Relations (University). Research interests: lexicology, semantology, lingvopragmatics. E-mail: irina-smirnova1402@yandex.ru

* * *

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

DOI: 10.24833/2410-2423-2021-3-27-121-126

REVIEW OF “GERMAN-RUSSIAN REFERENCE DICTIONARY OF WINTER SPORTS TERMS”

Marina A. Chigasheva

Moscow State Institute of International Relations (University)
76, prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

For citation: Chigasheva M.A. (2021). Review of “German-Russian Reference Dictionary of Winter Sports Terms”. *Philological Sciences in MGIMO*, 7(3), pp. 121–126. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-3-27-121-126>

РЕЦЕНЗИЯ НА «НЕМЕЦКО-РУССКИЙ СЛОВАРЬ-СПРАВОЧНИК ТЕРМИНОВ ЗИМНИХ ВИДОВ СПОРТА»

М.А. Чигашева

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России
119454, Москва. Проспект Вернадского, 76

Для цитирования: Чигашева М.А. (2021). Рецензия на «немецко-русский словарь-справочник терминов зимних видов спорта». *Филологические науки в МГИМО*. 7(3), С. 121–. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-3-27-121-126>

В 2021 году в издательстве «Прометей» вышел «Немецко-русский словарь-справочник терминов зимних видов спорта» авторов А.И. Едличко и Р.Х. Яфарова [9]. Данное издание является чрезвычайно актуальным по нескольким причинам. Во-первых, стремительное развитие спорта как профессиональной сферы деятельности, появление новых видов, их включение в программы международных соревнований, а также возрастающая популярность среди любителей влечёт за собой появление новых наименований, которые не всегда фиксируются и достоверно описываются в электронных словарях. Во-вторых, большинство лексических единиц имеют англоязычное происхождение, они, как правило, не ассимилируются в других языках и

зачастую переносятся в них в исходной форме, что может затруднять коммуникацию даже в рамках одного языкового сообщества. В-третьих, интенсивность международных контактов в сфере спорта требует установления терминологических эквивалентов в разных языках и их описания. В-четвёртых, стоит отметить отсутствие актуальных словарей спортивной терминологии в паре языков «немецкий-русский». Существующие издания весьма малочисленны и, к сожалению, не отражают современный этап развития спортивной терминологической системы. Один словарь датируется серединой прошлого (XX) века [10], второй был опубликован в 1989 году [5]. Представляется, что вышедший в свет новый словарь-справочник может заполнить данную лакуну.

Анализ научной литературы позволяет говорить об интересе исследователей к языковым особенностям спортивной терминологии. В отечественной лингвистике, например, изучалась динамика развития терминологической сферы бокса [1], анализировались общие и различные черты терминологии художественной гимнастики [3], терминология тенниса [11], терминологическая система игровых командных видов спорта, таких, как футбол [13; 4] или регби [4]. С позиции лексикографии рассматривалось терминологическое поле «спортивные танцы» [12]. Однако, большинство исследований выполнено на материале английского и русского языков. Описанию спортивной терминологии немецкого языка посвящено только несколько работ. Так, Т.А. Рехачева на примере трёх языков, одним из которых является немецкий, анализирует структурно-семантические характеристики терминологии биатлона [14; 15]. Комплексный анализ спортивного дискурса немецкого языка с точки зрения семантики и когнитивной лингвистики проводит в своём исследовании Р.В. Белютин, считая спорт одним из феноменов исторической, культурной, социальной и даже политической идентификации Германии [2]. Лексику зимних видов спорта подробно рассматривают в своих научных публикациях авторы рецензируемого словаря-справочника А.И. Едличко [6; 7; 8] и Р.Х. Яфаров [см., например, 16; 17; 18; 19].

Особенность нового словаря составляет его обращённость к зимним видам спорта, получившим широкую популярность в последние три десятилетия. К ним относятся кёрлинг, лыжный фристайл, рингетт, шорт-трек, сноубординг, спидскиинг. Отметим, что некоторые из этих видов, в частности, кёрлинг, лыжный фристайл, шорт-трек, сноубординг, включены Международным олимпийским комитетом в программу Зимних Олимпийских игр, а спидскиинг был показательным видом спорта на Олимпиаде во французском Альбервиле в 1992 году. В словарь включены также термины 25 развлекательных и экстремальных видов спорта (аэробординг, карвинг, зимний картинг, зимний виндсёрфинг, спидвей на льду, фирнглайтен, фрирайд, айс кросс даунхилл, катание на минибобе, моноскиинг, пара-ски, паудерсёрфинг, снежковый спорт, катание на коротких лыжах, скибоббинг и сноубайкинг, скифорс, скиджоринг, сноукаякинг, сноукайтинг, сноу-рафтинг, сноускутинг, сноускейтинг, сноутюбинг, сноузорбинг, спидфлаинг). Подавляющее большинство из перечисленных выше названий не имеют эквивалентов в русском и немецком языках и представляют собой транскрибированные наименования (в русском языке) и англоязычные термины (в немецком языке).

Издание состоит из предисловия, рекомендаций по использованию словаря, списка условных знаков и употребляемых в словаре сокращений, семи тематических разделов, общего алфавитного списка включённых в словарь-справочник терминов, списка использованной литературы, иллюстраций.

В предисловии авторы указывают, что при составлении словаря они опирались на специализированную литературу, в первую очередь, на толковые словари, издания справочного и научно-популярного характера, спортивные энциклопедии, публицистику [9, с. 6-7]. Это подтверждается довольно обширным перечнем литературы на трёх языках (немецком, английском и русском). Он состоит из 38 немецкоязычных, 28 русскоязычных и 8 англоязычных источников. Кроме того, активно привлекались материалы авторитетного корпуса немецкого языка DeReKo, созданного Институтом немецкого языка в Мангейме (ФРГ) [<http://www1.ids-mannheim.de/kl/projekte/korpora.html>]. Примеры употребления лексических единиц заимствовались из аутентичных источников. Из 260 наименований, указанных в конце словаря, 217 являются немецкоязычными. О достоверности представленных в словаре сведений свидетельствует также обращение авторов к препо-

давателям спортивных дисциплин и профессиональным спортсменам. Их имена перечислены в разделе «Благодарности».

Словарь имеет традиционную для изданий данного типа структуру. Он построен по идеографическому принципу и состоит из семи разделов (в соответствии с выше названными видами спорта). Новизна заключается в том, что в начале каждого раздела авторы предлагают краткую справку. Это чрезвычайно важно, так как позволяет получить общее представление об истории развития и современном состоянии того или иного вида. Справка представлена на двух языках, сначала на немецком, затем на русском. Первые шесть разделов идентичны и отражают одинаковые предметные области: субъекты спорта (*Sportpersonen*), используемый инвентарь и экипировка спортсменов (*Ausrüstung*), этапы игры и игровые приёмы (*Spielphasen und Spieltechnik*), место действия (*Spielfeld / Aktionsfeld*), виды и системы соревнований (*Wettbewerbe und Wettbewerbsmodi*), технические элементы и трюки (*Technische Elemente und Tricks*). Исключение составляет последний раздел, в котором отсутствует такое подробное деление по причине ещё не сформировавшегося терминологического аппарата. Важно отметить, что авторы включили также наименования спортивных объединений и организаций национального и международного уровня, регулирующих организационные вопросы рассматриваемых видов спорта (*Sportvereine und Sportorganisationen*).

Представленные в словаре термины расположены по традиционному для лексикографии алфавитно-гнездовому принципу. Каждая словарная статья включает все необходимые для лексикографических источников компоненты и снабжена комментариями этимологического, фонетического, грамматического, стилистического характера, указывает парадигматические связи, содержит также устойчивые выражения и, безусловно, эквивалентные единицы на языке перевода. Тщательно подобранные варианты значений на русском языке или предлагаемые авторами правила написания и произнесения спортивных терминов помогут переводчикам и специалистам данной сферы деятельности избегать неточностей в употреблении лексических единиц, с одной стороны. С другой стороны, это может способствовать сохранению чистоты языка, как немецкого, так и русского, поскольку авторы приводят не только ставшие употребительными англицизмы, но и включают немецко- и русскоязычные эквиваленты там, где это действительно допустимо. Приведём пример: *Judge* <англ.>, *Kampfrichter*, *Schiedsrichter* – судья [9, с. 60]; *Shortcarving* <англ.> катание на коротких (горных) лыжах, карвинг на коротких лыжах [9, с. 247].

Отметим, что при наименовании субъектов спорта авторы учитывали специфическую для лексико-грамматической системы немецкого языка особенность, а именно гендерную маркированность, и отдельно указывали также лица женского пола, например, *Boarder* – сноубордист; *Boarderin* – сноубордистка [9, с. 138], *Ringette-Spieler* – игрок в рингетт, полевой игрок; *Ringette-Spielerin* – игрок в рингетт, полевой игрок (женского пола) [9, с. 108]. Для иллюстрации употребления большинства лексических единиц авторы приводят примеры на уровне предложения с указанием источника заимствования, в случае примера из СМИ указана также дата публикации. Не вызывает сомнений репрезентативность собранного авторами материала. Словарь содержит около 2200 единиц (слов и словосочетаний), относящихся к относительно новым и быстро набирающим популярность видам спорта.

Особого внимания заслуживают представленные в конце словаря цветные иллюстрации [9, с. 333-369]. Они систематизированы в соответствии с видом спорта. В большинстве иллюстраций к некоторым, особенно важным элементам экипировки, инвентаря, места действия или для обозначения субъекта спорта, указаны термины на немецком и русском языках, что усиливает наглядность и способствует лучшему запоминанию лексических единиц.

Таким образом, рецензируемое издание являет собой пример удачного сочетания традиционного двуязычного, толкового и иллюстрированного словаря. Авторам удалось собрать в одном словаре максимально возможный комплекс информации, необходимой для понимания и правильного употребления терминов в немецком и русском языках. В данном словаре-справочнике, безусловно, представлены не все зимние виды спорта. Возможно, авторы планируют продолжить эту работу и расширить перечень, включив в новое издание другие популярные виды, как, например, фигурное катание, биатлон, конькобежный спорт.

Словарь-справочник имеет широкую сферу применения. Несомненна, прежде всего, его научная значимость: с одной стороны, он отражает актуальный срез современного немецкого языка в тесной взаимосвязи с его национально-культурными особенностями, с другой, систематизирует знания, накопленные языковым сообществом за последние три десятилетия в сфере спорта. Данное издание, безусловно, содержит практический материал для лингвистических исследований по проблематике спортивного дискурса, например, с позиции семантики, лингвокультурологии, концептологии, когнитивной лингвистики, социолингвистики, межкультурной коммуникации и т.п. Особый интерес может представлять анализ языковых явлений в сопоставительном аспекте.

Не вызывает сомнения практическая значимость данного издания. Словарь-справочник можно рекомендовать к использованию в учебном процессе при подготовке специалистов международного профиля в сфере спорта. Его материалы представляют ценность для практикующих переводчиков, учитывая всё возрастающую популярность зимних видов спорта, влияние глобализации и интенсивность международных контактов. Данное издание может также заинтересовать любителей зимних видов спорта. Представляется также, что эта работа может стать стимулом для подготовки аналогичного словаря-справочника по летним или олимпийским видам спорта.

© Чигашева М.А., 2021

Список литературы

1. Апалько И.Ю. Терминологическая лексика сферы бокса и динамика её развития (на материале русского и английского языков). Автореф. дисс. ... канд.филол.наук. Краснодар, 2005, 24 с.
2. Белятин Р.В. Немецкий спортивный дискурс: опыт прагматического и лингвокогнитивного исследования. Автореф. дисс. ... д-ра филол.наук. Смоленск, 2019, 38 с.
3. Бобырева Н.Н. Общее и различное в терминологии художественной гимнастики русского и английского языков. Автореф. дисс. ... канд.филол.наук. Казань, 2010. 26 с.
4. Болховитянов И.В. Передача информации в игровых командных видах спорта в английском и русском языках (на материале лексики футбола, американского футбола и регби). Автореф. дисс. ... канд.филол.наук. М., 2017. 26 с.
5. Войцеховский С.М. Немецко-русский спортивный словарь. М.: Русский язык, 1989. 472 с.
6. Едличко А.И. Процессы интернационализации и национализации терминологии / А.И. Едличко, Р.Х. Яфаров // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 4. С. 158-166.
7. Едличко А.И. О новом немецко-русском словаре-справочнике терминов зимних видов спорта / А.И. Едличко, Р.Х. Яфаров // Сборник научных статей XX международной конференции «Россия и Запад: диалог культур» 7-8 июня 2018 г. Вып. 20. М.: МГУ, 2018. С. 137-142.
8. Едличко А.И. Прикладное терминоведение как направление языковой политики государства // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 3. С. 19-27.
9. Едличко А.И. Немецко-русский словарь-справочник терминов зимних видов спорта = Wintersport. Deutsch-russisches Wörterbuch / А.И. Едличко, Р.Х. Яфаров. М.: Прометей, 2021. 370 с.
10. Немецко-русский словарь спортивных терминов; под ред. Н.Н. Скородумовой. М.–Л.: Государственное издательство «Физкультура и спорт», 1949. 80 с.
11. Нуреева Д.Н. Терминология тенниса в русском и английском языках. Автореф. дисс. ... канд.филол.наук. Казань, 2011. 21 с.
12. Петрова-Маслакова Т.Н. Лексикографический анализ терминополья «Спортивные танцы»: На материале русского и английского языков. Автореф. дисс. ... канд.филол.наук. СПб., 2006. 24 с.
13. Рылов А.С. Терминологическая система «ФУТБОЛ» в русском языке. Автореф. дисс. ... канд.филол.наук. Нижний Новгород, 1998. 20 с.
14. Рехачева Т.А. Структурно-семантические характеристики русско-немецко-англоязычной терминологии биатлона // Актуальные вопросы лингвистического образования: Сборник материалов II заочной Региональной научно-практической конференции с международным участием, Омск, 16 мая 2017 года. Омск: Омский государственный аграрный университет имени П.А. Столыпина, 2017. С. 293-297.
15. Рехачева Т.А. Русско-англо-немецкий глоссарий биатлона и горнолыжных видов спорта. М.: Издательство «Перо», 2018. 80 с.
16. Яфаров Р.Х. Вариативность в немецкой терминологии зимних видов спорта // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 5-3 (59). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/variativnost-v-nemetskoj-terminologii-zimnih-vidov-sporta> (дата обращения: 12.06.2021).
17. Яфаров Р.Х. Лингво-дискурсивная характеристика терминов зимнего спорта в немецком языке. Автореф. дисс. ... канд.филол.наук. М., 2018, 35 с.

18. Яфаров Р.Х. Термины-эпонимы в немецком языке зимнего спорта: лингвистический и культурологический аспекты // Традиции и инновации в преподавании иностранного языка в неязыковом вузе: Сборник материалов III Межвузовской научно-практической конференции (Москва, 10-11 апреля 2020 г.), Москва, 10-11 апреля 2020 года / Ответственные редакторы: М.А. Чигашева, Е.А. Зимина. М.: МГИМО-Университет, 2020. С. 73-82.
19. Яфаров Р.Х. Глагол в терминологии и дискурсе зимнего спорта (на материале немецкого языка) // Россия и Запад: диалог культур: В сборнике представлены материалы XXI международной научной конференции, Москва, 31 мая-01 июня 2019 года. М.: Центр по изучению взаимодействия культур, 2020. С. 483-489.

References

1. Apal'ko, I.Yu. Terminologicheskaya leksika sfery boksa i dinamika ee razvitiia (na materiale russkogo i angliyskogo iazykov) [Terminological vocabulary of the field of boxing and the dynamics of its development (based on the material of the Russian and English languages)]. Avtoref. diss. ... kand.filol.nauk. Krasnodar, 2005, 24 s.
2. Belyutin, R.V. Nemetskiy sportivny diskurs: opyt pragmasemanticheskogo i lingvokognitivnogo issledovaniia [German sports discourse: the experience of pragmatic-semantic and linguo-cognitive research.]. Avtoref. diss. ... d-ra filol.nauk. Smolensk, 2019, 38 s.
3. Bobyreva, N.N. Obshchee i razlichnoe v terminologii khudozhestvennoy gimnastiki russkogo i angliyskogo iazykov [General and different in the terminology of rhythmic gymnastics in the Russian and English languages]. Avtoref. diss. ... kand.filol.nauk. Kazan', 2010. 26 s.
4. Bolkhovitianov, I.V. Peredacha informatsii v igrovyykh komandnykh vidakh sporta v angliyskom i russkom iazykakh (na materiale leksiki futbola, amerikanskogo futbola i regbi) [Transfer of information in team sports in English and Russian (based on the vocabulary of football, American football and rugby)]. Avtoref. diss. ... kand.filol.nauk. M., 2017. 26 s.
5. Voytsekhovskiy, S.M. Nemetsko-russkiy sportivny slovar [German-Russian sports dictionary]. M.: Russkiy iazyk, 1989. 472 s.
6. Yedlichko, A.I., Yafarov R.Kh. Protsessy internatsionalizatsii i natsionalizatsii terminologii [Processes of internationalization and nationalization in terminology] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia. 2016. № 4. S. 158-166.
7. Yedlichko, A.I., Yafarov R.Kh. O novom nemetsko-russkom slovare-spravochnike terminov zimnikh vidov sporta [About the new German-Russian dictionary of winter sports terms] // Sbornik nauchnykh statey XX mezhdunarodnoy konferentsii «Rossiia i Zapad: dialog kul'tur» 7-8 iyunia 2018 g. Vyp. 20. M.: MGU, 2018. S. 137-142.
8. Yedlichko, A.I. Prikladnoe terminovedenie kak napravlenie iazykovoy politiki gosudarstva [Applied terminology as a direction of the state language policy] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia. 2019. № 3. S. 19-27.
9. Yedlichko, A.I. Nemetsko-russkiy slovar'-spravochnik terminov zimnikh vidov sporta = Wintersport. Deutsch-russisches Wörterbuch [German-Russian Dictionary of Winter Sports Terms] / A.I. Yedlichko, R.Kh. Yafarov. M.: Prometey, 2021. 370 s.
10. Nemetsko-russkiy slovar' sportivnykh terminov [German-Russian dictionary of sports terms]; pod red. N.N. Skorodumovoy. M.-L.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo «Fizkul'tura i sport», 1949. 80 s.
11. Nureyeva, D.N. Terminologiya tennisa v russkom i angliyskom iazykakh [Tennis terminology in Russian and English]. Avtoref. diss. ... kand.filol.nauk. Kazan', 2011. 21 s.
12. Petrova-Maslakova, T.N. Leksikograficheskiy analiz terminopolia «Sportivnye tantsy»: Na materiale russkogo i angliyskogo iazykov [Lexicographic analysis of the «Sports Dances» term field: Based on the material of the Russian and English languages]. Avtoref. diss. ... kand.filol.nauk. SPb., 2006. 24 s.
13. Rylov, A.S. Terminologicheskaya sistema «FUTBOL» v russkom iazyke [Terminological system «FOOTBALL» in Russian]. Avtoref. diss. ... kand.filol.nauk. Nizhniy Novgorod, 1998. 20 s.
14. Rekhacheva, T.A. Strukturno-semanticheskie kharakteristiki russko-nemetsko-angliyskoy terminologii biatlona [Structural and semantic characteristics of the Russian-German-English language terminology of biathlon] // Aktual'nye voprosy lingvisticheskogo obrazovaniia: Sbornik materialov II zaochnoy Regional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, Omsk, 16 maia 2017 goda. Omsk: Omskiy gosudarstvennyy agrarny universitet imeni P.A. Stolypina, 2017. S. 293-297.
15. Rekhacheva, T.A. Russko-anglo-nemetskiy glossariy biatlona i gornolyzhnykh vidov sporta [Russian-English-German glossary of biathlon and alpine skiing]. M.: Izdatel'stvo «Pero», 2018. 80 s.
16. Yafarov, R.Kh. Variativnost' v nemetsko-russkoy terminologii zimnikh vidov sporta [Variation in German-Russian winter sports terminology] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2016. №5-3 (59), cyberleninka.ru/article/n/variativnost-v-nemetsko-russkoy-terminologii-zimnikh-vidov-sporta (accessed 12.06.2021).
17. Yafarov, R.Kh. Lingvo-diskursivnaya kharakteristika terminov zimnego sporta v nemetskom iazyke [Linguistic and discursive characteristics of winter sports terms in German]. Avtoref. diss. ... kand.filol.nauk. M., 2018, 35 s.
18. Yafarov, R.Kh. Terminy-eponimy v nemetskom iazyke zimnego sporta: lingvisticheskiy i kul'turologicheskii aspekty [Eponymous terms in the German language of winter sports: linguistic and cultural aspects] // Traditsii i innovatsii v prepodavanii inostrannogo iazyka v neязыковом вузе: Sbornik materialov III Mezhvuzovskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Moskva, 10-11 aprelya 2020 g.), Moskva, 10-11 aprelya 2020 goda / Otvetstvennye redaktory: M.A. Chigasheva, Ye.A. Zimina. M.: MGIMO-Universitet, 2020. S. 73-82.
19. Yafarov, R.Kh. Glagol v terminologii i diskurse zimnego sporta (na materiale nemetskogo iazyka) [The verb in the terminology and discourse of winter sports (based on the German language)] // Rossiia i Zapad: dialog kul'tur: V sbornike predstavleny materialy XXI mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, Moskva, 31 maia-01 iyunia 2019 goda. M.: Tsentr po izucheniiu vzaimodeystviia kul'tur, 2020. S. 483-489.

Сведения об авторе:

Чигашева Марина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкого языка МГИМО МИД России. Сфера научных и профессиональных интересов: семантика, лексикология, межкультурная коммуникация, перевод, политический дискурс.

E-mail: mchigasheva@mail.ru

About the author:

Marina A. Chigasheva – PhD (Linguistics), Head of the German Language Department of the MGIMO University (Russia, Moscow). Research and professional interests: semantics, lexicology, intercultural communication, translation, political discourse. E-mail: mchigasheva@mail.ru

* * *